РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"
МОСКВА – 2007

СОДЕРЖАНИЕ

М.Н. Боголюбов (Санкт-Петербург). Из исторической грамматики иранских языков 3
К.Г. Красухин (Москва). Аспекты и времена праиндоевропейского глагола. Часть II: Аорист и имперфект древнегреческого глагола 8
М.Ю. Смолина (Санкт-Петербург). Импликативные реализации граммем: детерминация, личность, падеж и число (на материале старокрымского диалекта урумского языка) 37
А. Гренн, М. Филюшкина Краве (Осло). Конкуренция видов: прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида 51
Е.В. Горбова (Санкт-Петербург). Аспектуальные граммемы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка) 63
Т.А. Михайлова (Москва). К вопросу о падежном синкретизме в континентальном кельтском: галльское *gobedbi* 89
А.В. Зеленин (Тампере). Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919–1939 гг.) 98

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

К.В. Викторова (Санкт-Петербург). *G. Lazard, C. Moyse-Faurie* (eds.). Linguistique typologique 129
Д.А. Эршлер (Москва). *L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart* (eds.). Case, valency and transitivity 134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Т.Г. Скребцова, Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург). Вторая международная конференция по когнитивной науке 141
Т.А. Михайлова, Е.А. Парина (Москва). Конференция «Celto-Slavica-2» 143
В.С. Степанова (Москва). Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» Алупка–Херсонес 146
Д.В. Сичинава (Москва). Вторые Ярцевские чтения в Институте языкознания РАН ... 149
Ю.С. Капитанова (Москва). Виноградовские чтения 2007 г. 153

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

© Российская академия наук, 2007 г.
© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2007 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. М. Н. БОГОЛЮБОВ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопреки утверждению грамматик об образовании причастия прошедшего времени страдательного залога на *-ta-* и *-na-* от простого корня, в статье приводятся примеры причастий этого типа, произведенных от основы, полученной путем удвоения корня. Происходящее при этом вытеснение корневого согласного затрудняет отождествление корня.

Впервые курдская приглагольная частица *d-*, придающая финитному глаголу значение длительности, многократности, возводится к наречию времени *dvitā* «всегда», «постоянно». В связи с обсуждением *dvitā* обращено внимание на оборот *duvitāparanam*, компонент *duvitā* которого понимался первоначально как наречие времени.

1. ПРИЧАСТИЯ ДР.-ИНД. *DATTÁ-* И ДР.-ИРАН. *DASTA-*

В индоиранской грамматической системе принято представлять страдательные причастия на *-ta-* и *-na-* как формы, образующиеся от глагольных корней. Однако есть случаи образования этих причастий от удвоенных глагольных основ. Так, в древнеиндийском, при наличии страдательного причастия *dāta-* «данный» от *dā-* «давать», существует причастие *dattá-* «данный», образованное от удвоенной основы презенса этого же глагола. Также в древнеиранском параллельно регулярному причастию *dāta-* «данный», «созданный» представлено причастие *dasta-* «данный», «созданный», образованное от удвоенной основы презенса глагола *dā-* «давать», «создавать». Причастие *dasta-* сохранилось наряду с *dāta-* в качестве второго компонента в личных именах *Miϑridāta-* Митридат и *Miϑridasta-* Митридаст «Созданный Митрой», *Aspadata-* Аспадат и *Aspadasta-* Аспадаст «Одаренный конем». Причастная форма *dasta-* «данный», «созданный» остается неопознанной. В. Хинц придал компоненту *dasta-* в указанных личных именах значение «рука» – *Miϑridasta-* «Mithra–Hand» [Hinz 1975: 108], *Aspadasta-* «Rossehand» [Hinz 1975: 43].

Обратимся к древнеиндийскому страдательному причастию на *-ta-*: *jagdhá-* «съеденный», образованному от удвоенной основы глагола *ghas-* «есть». При нежелательном скоплении трех согласных второй согласный корня *ghas-* удвоенной основы причастия **ja-ghs-ta-* > **jagzdha-* был вытеснен: *jagdhá-* «съеденный». Аналогичное упрощение группы согласных запечатлено в авестийском инфинитиве *diwžaiδiiāi* «вредить» от *dab-*, др.-инд. *dabh-* «вредить», «обманывать», образованном от удвоенной основы **didbh-* путем присоединения суффикса *-sa-*. В инфинитиве начальный согласный группы *-dbhs-* вытесняется: *di(d)bhsa* > *dibžha-* > авест. *diwžaiδiiāi* (*diβžadyāi*) [Bartholomae 1961: 747; Барроу 1976: 335].

Страдательное причастие на *-na-*, восходящее к модели др.-инд. *jagdhá-* «съеденный» от *ghas-* «есть», представлено древнеиранской формой *°bigna-* из **bi-bg-na-* от *bag-* «наделять», «одаривать». При упрощении скопления согласных первый согласный группы *-bgn-* был вытеснен: **bi-bg-na-* > *°bigna-*, что привело к деэтимологизации *°bigna-* и не ясному отношению между причастием *°bigna-* «наделенный», «одаренный» и корнем *bag-* «наделять», «одаривать». Сказалась выучка: «страдательные причастия на *-ta-* и *-na-* образуются от корней глаголов». Древнеиранское страдательное причастие **bigna-* в качестве компонента сохранилось в личном имени *Bagābigna-* «Наделенный, одаренный

Богом», приведенном в Бисутунской надписи Дария Великого (521–486 до Р.Х.) – *Vidarna nāma Bagābignahyā puça Pārsa* (DB 4.84) «Видарн, сын Багабигна, перс». Также в именах ᾽Αριαβίγνες – **Aryābigna*; аккад. *mi-iz-da-bu-gi-in* – **Mazdābigna-*; элам. *na-ri-ya-pi-ik-na*, аккад. *ni-ri-a-bi-ig-nu* – **Naryābigna-* [Hinz 1973: 129; 1975: 39, 163, 173]. Ф. Юсти привел греч. φοῖβος «чистый», «светлый», «блестящий», «сияющий» и др.-перс. *bigna-* к общему корню и принял для др.-перс. *bigna-* значение «сияние» [ZDMG 49, 1895: 682]. С компонентом *°bigna-* «Glanz» у Ф. Юсти осмыслены имена ᾽Αριαβίγνες «Glanz der Arier (habend?)», *Bagābigna-* «Glanz von den Götter habend» [Justi 1963: 22, 56]. Хр. Бартоломе подчеркнул принадлежность др.-перс. *bigna-* по форме к страдательным причастиям, допустив, что *bigna-* восходит к *bag-* «наделять» при позиционном [i] из [ə] [Bartholomae 1961: 922]. Связь греч. φοῖβος и др.-перс. *°bigna-* названа чисто гипотетической [Frisk 1960: 1031], но в силу традиции, объединившей др.-перс. *°bigna-* с греч. φοῖβος, словарная статья, содержащая корень **bheig^{u}-* «glänzen?» сохраняется [Pokorny 1959: 118]. Этимологическую линию, намеченную Ф. Юсти, продолжил Л.Г. Грей [AJP 72, 1951: 326], сопроводивший *Bagābigna-* толкованием «Having the Glory of God» при *bigna-* из **bheig^{u}-* «shine» [Kent 1953: 218a]. От этимологии Ф. Юсти отступил В. Шмид [Schmid 1964: 267]. На основании согдийского имени *prβγn* [Gharib 1995: 7052] «дар» от *bag-* «наделять», в котором огласовка части *°βγn* не ясна, В. Шмид придал *Bagābigna-* значение «Gottesgabe». В. Хинц [Hinz 1973: 129; 1975: 39, 163, 173] склонился к мнению В. Шмида.

Обращение к удвоенной основе в случае глагола **bag-* (< **bhag-*) объясняется следующим обстоятельством. Регулярная форма на *-na-* от **bag-* (< **bhag-*) «наделять», «дарить» в виде **bagna-* (< **bhagna-*) «наделенный», «одаренный», «дар» могла оказаться омонимом причастия на *-na-* от индоиранского глагольного корня **bhag-*, **bhang-* (< и.-е. **bheg-*, **bheng-* [Pokorny 1959: 114; LIV 2001: 66]) «ломать», «разрушать», др.-инд. *bhagná-* «поломанный», «разрушенный». Существование др.-иран. **bag-*, **bang-* «ломать», «разрушать» подтверждают иранские производные [ЭСИЯ 2003, 2: 58]. Р. Кент [Kent 1953: 79a] отметил, что корень *bigna-* не опознан.

Присутствие двусмысленного компонента в личном имени было недопустимым. Во избежание нежелательной омонимии для имени на *-na-* от **bag-* (< **bhag-*) «наделять», «дарить» в качестве словообразовательной базы был принят не простой корень, а удвоенная основа **bi-(b)gh-na-* > **bigna-* «одаренный», «дар».

2. НАРЕЧИЕ АВЕСТ. *AĒUUA-*

Формой со звездочкой остается древнеиранское наречие **aiva-* «всегда», «постоянно» [ЭСИЯ 2000, 1: 307], к которому восходят частицы, придающие глаголу значения длительности и многократности: н.-перс. *hamē, mē, mī*; осет. *īw/ēw*. Хр. Бартоломе [Bartholomae 1961: 22] поместил авестийские *aēuua-* в две словарные статьи. В первую вошли *примеры на наречие aēuuā̆, которое было приравнено к частице др.-инд. ēvá, во вторую* – склоняемые формы числительного *aēuua-* «один». Однако некоторые авестийские фразы с *aēuuā̆* и *aēuua-* из первой и второй статей допускают толкование, на основании которого образуется третья статья с искомым наречием *aēuua-* «всегда», «постоянно». Так, во фразе aēm mōi idā vistō yə̄ nə̄ aēuuō sāsnå gūšatā zaraθuštrō spitāmō (Y.29.8.) форму *aēuuō* рассматривают как им. падеж числительного «один» и переводят «der einzige» [Bartholomae 1961: 1574], «the only one» [Humbach 1991, 1: 122; Insler 1975: 31]. Я вижу здесь наречие *aēuua-* «постоянно»: aēm mōi idā vistō yə̄ nə̄ aēuuō sāsnå gūšatā zaraθuštrō spitāmō (Y.29.8.) «найден Мной здесь тот, кто постоянно слушает Наши поученья. Это – Заратуштра Спитама». Написание *aēuuō* с *-ō* в конце слова отражает, по-моему, позднее понимание слова, не передающее его исходного значения «постоянно», которое в контексте стиха более уместно, чем числительное «один». В следующем стихе Фравардин-яшта при *ərəzuuō* «обстоятельно» я воспринимаю *aēuua* как наречие «продолжительно»:

aēuua.tē zāuuarə aojasca x^{v}arənō auuasca rafnasca framrauua ərəzuuō spitama
yat̰ aṣ̌aonąm frauuašinąm uγranąm aiβiϑūranąm yaϑa.mē jasən auuaŋhe
yaϑa.mē barən upasṭąm uγrā aṣ̌aonąm frauuaṣ̌aiiō (Yt. 13, 1)

«О Спитама, продолжительно (*aēuua*) и обстоятельно (*ərəzuuō*) буду рассказывать тебе о силе и мощи, о благодеянии, помощи и содействии, которые (присущи) праведным фраварти, сильным, стойким. Как приходят они мне на помощь, как оказывают мне поддержку, сильные фраварти благочестивых людей».

Наречие *aēuua* «всегда», во всяком случае, более уместно, чем частица, в текстах baratu x^{v}arəϑanąm sūnahe aēuua he dāitiiō. piϑβəm (V 13.28) «пусть всегда носят из кормов собаки положенную ей еду», fra.carātō aēuua mazdaiiasna barəsmąn stərətəe [Bartholomae 1961: 978, № 103] «приступающие (к молитве) маздаяснийцы всегда простирают барсом». В отрицательном предложении наречие *aēuuā* переводим «никогда»:

at̰ (v)ə̄ vaocat̰ ahurō mazdå vīduuå vafūš vyānayā
nōit̰ aēuuā ahū vistō naēdā ratuš aṣ̌āt̰cīt̰ hacā
at̰ zī ϑβā fṣ̌uyanṭaēcā vāstryāicā ϑβōrəštā tataṣ̌ā (Y 29, 6)

«И тогда сказал Ахура Мазда, знающий о словах (, находящихся) в сокрытии (т. е. о событиях неизвестных): «Никогда не был найден глава, ни(когда) – судья, в согласии с Артой. Творец сделал (главой-судьей) тебя и для скотовода, и для земледельца».

3. НАРЕЧИЕ АВЕСТ. *DAIBITĀ, DAIBITĀNĀ*

Сведение пшт. *ba, bə*, частицы, образующей будущее время и придающей формам прошедшего времени значения многократности, обычности действия, к наречиям авест. *apə* «после», *apaiia, apąm* «впоследствии» [Morgenstierne 2003: 17; ЭСИЯ 2000, 1: 182] семантически исключается. Кроме этого здесь нужно вспомнить курдский приглагольный префикс *dī-*, образующий формы настоящего времени и прошедшего длительного, который не получил объяснения. Дело в том, что начальные пшт. lb-, w-l и курд. ld-l регулярно отражают древнеиранскую группу ldv-l, ldβ-l. Ср.: др.-иран. **dvar-* «дверь» > пшт. *war* «дверь» и курд. *dar, darī* «дверь»; др.-иран. **dvita-* «второй», «другой» > пшт. *bəl* «другой» и курд. *dī* «другой». При этом фонетическом обосновании я могу указать на наречие авест. *daibitā, daibitānā* (**dvitā, *dvitānā*) «всегда», «постоянно» из [2]*dav-* «entfernen» [Bartholomae 1961: 761, 688; Pokorny 1959: 219–220], [8]*dau̯-* : *dū-* : *du̯ā-* «удалять(-ся), отдалять(-ся) в пространстве и во времени; длиться» [ЭСИЯ 2003, 2: 392] и *du̯i-tā̆* [ЭСИЯ 2003, 2: 487]. К *dau̯-* : *dū-* : *du̯ā-* : *du̯ī-* «длиться», «продолжаться» восходят (при метатезе) авест. *fraidivā* (Y. 32, 14) «с давних времен», «вечно» и вед. *pradiva* «вечно», «всегда», «постоянно» – namo asya pradiva eka īśe (RV.3.51.4d) – «Поклон тому, (кто) один властвует от века!» [Елизаренкова 1989: I], ср. лат. *diū* (при *dūdum*) «в течение долгого времени», «давно».

Наречие авест. *daibitā, daibitānā* (**dvitā, *dvitānā*) «всегда», «постоянно», по существу является синонимом наречия *aēva-*, судя по следующим фразам: t̰kaēšō drəguuå daibitā aṣ̌āt̰ rārəšō (Y 49, 2) «учитель, преданный лжи, постоянно отвращающий (людей) от Арты»; yā daibitānā fraoxtā ... daēuuāiščā mašiiāiščā (Y 48, 1) «(бессмертие), о котором постоянно говорится и дайвами, и людьми»; drūjascā pairimatōiščā šiiaomąm aipī daibitānā yāiš asrūdūm būmiiå haptaiϑē (Y 32, 3) «и лживы, и высокомерны дела, которыми вы всегда славитесь в Седьмой части Земли». Функционально объединяя синонимичные наречия – др.-иран. **aivā*, авест. *aēuuā* «всегда», «постоянно», в одних иранских диалектах-языках, и др.-иран. **dvitā*, авест. *daibitā, daibitānā*, в других, мы с большей ясностью наблюдаем сходство, а точнее, и единство процессов преобразования глагольных систем, происходившие на протяжении веков в отдельных иранских языках. Единство процессов здесь проявилось особенно ярко. Поскольку однородные материальные элементы (в данном случае два наречия) оказались единонаправленно использованы языками двух давно

обособившихся друг от друга восточной и западной групп. Наречие др.-иран. *aivā, авест. *aēuuā* «всегда», «постоянно» представлено в осетинском и персидском языках, тогда как наречие др.-иран. *dvitā, авест. *daibitā, daibitānā*, отразилось в однородной функции в языке пушту и в курдском языке.

Возможно, гласный частицы пшт. *ba, bə* с затруднением выводится из *-i-* наречия *dvitā. Но формы превосходной степени от [2]*dav-* «entfernen» др.-инд. *daviṣthám*, др.-перс. *duvaištam*, авест. *dbōišta-* указывают на вероятность существования параллельно с *dv-itā наречия *dv-ātā.

Обратимся теперь к древнеперсидскому обстоятельственному обороту, который Дарий Великий употребил в Бисутунской надписи (DB 1, 9–11): VIII manā taumāyā *tayaiy* paruvam xšāyaϑiyā āha adam navama IX duvitāparanam vayam xšāyaϑiyā amahy – «8 из моей семьи, которые прежде были царями, я – девятый, 9. duvitāparanam мы цари». Г. Бейли заметил: «O. Pers. *duvitā-paranam* is still disputed in origin but referring to two lines of the Achaemenid family» [Bailey 1970: 176]. Дарий не счел необходимым назвать имена царей второй линии. Последовательность и число царствований в надписи переданы прилагательным *paruvam* «прежде» и цифрой «8», также порядковым числительным и цифрой: *adam navama IX* «я – девятый, 9». Дарий более внимателен к сообщению о родовитости семьи: āmātā amahy haca paruviyata hayā amāxam taumā xšāyaϑiyā āha (DB 1, 7–8) «изначально мы благородны, изначально наша семья царствующая».

Возвращаясь к уже предлагавшемуся толкованию места [Kent 1953: 192], примем, что в *duvitā-paranam* сочетались два наречия времени – *duvitā* и *paranam*. Первое наречие др.-перс. *duvitā* соответствует авест. *daibitā*. Выше авест. *daibitā* приведено в значении «всегда», «постоянно». Обращение к ведийскому наречию *dvitā́* расширяет семантику иранской формы. Др.-инд. *dvitā́*, судя по переводам Т.Я. Елизаренковой, помимо «всегда» значило также «изначально», «искони», «с самого начала». Этим значением могло отличаться также и наречие др.-перс. *duvitā*. Др.-перс. наречие *paranam* (DB 1, 51) «прежде», согд. *pyrnm* «прежде», «ранее» при др.-инд. *purāṇá* «древний», «старый» могло значить «издревле», следующие два примера из RV:

máma dvitā́ rāṣṭarám̥ kṣatríyasya (RV IV.42.1a)
«Мне изначально принадлежит царство, владыке»
sánā purāṇám ádhi emi ārā́n (RV III.54.9a)
«Издавна узнаю я (это) древнее, издалека».

В сравнении с обыденным *haca paruviyata* «изначально», «с давних времен» оборот *duvitāparanam* «искони-издревле» почерпнут, скорее всего, из хвалебного гимна, откуда и происходит архаичная семантика его частей. Фраза duvitāparanam vayam xšāyaϑiyā amahy звучит торжественно: «Искони – издревле мы – цари».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барроу 1976 – *Т. Барроу*. Санскрит / Ред. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М., 1976.
Елизаренкова 1989–1999 – *Т.Я. Елизаренкова*. Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
Bailey 1970 – *H.W. Bailey*. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1970.
Bartholomae 1961 – *Chr. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr. Berlin, 1961).
Frisk 1954 – *Hj. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954 ff.
Gharib 1995 – *B. Gharib*. Sogdian dictionary. Sogdian – Persian – English. Tehran, 1995.
Hinz 1973 – *W. Hinz*. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
Hinz 1975 – *W. Hinz*. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
Humbach 1991, I – *H. Humbach*. The Gāthās of Zarathushtra. Part I. Commentary. Heidelberg, 1991.
Insler 1975 – *S. Insler*. The Gāthās of Zarathustra. Théhéran; Liège, 1975.
Justi 1963 – *F. Justi*. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895 (Nachdruck Hildesheim. 1963).
Kent 1953 – *R. Kent*. Old Persian. New Haven, 1953.
Morgenstierne 2003 – *G. Morgenstierne*. A New Etymological Vocabulary of Pashto. Wiesbaden, 2003.

Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
Schmid 1964 – *W.P. Schmid*. Indogermanische Forschungen. 1964.

СОКРАЩЕНИЯ

ЭСИЯ 2000 – *В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000.
ЭСИЯ 2003 – *В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.
AJP – American journal of philology.
DB – Darius, Behistan.
LIV 2001 – Lexicon der indorgermanischen Verben. 2-e Aufl. / H. Rix (Hrsg.). Wiesbaden, 2001.
RV – Rigveda.
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.
Y. – Yasna.
Yt. – Yašt.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. К. Г. КРАСУХИН

АСПЕКТЫ И ВРЕМЕНА ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА
Часть II: Аорист и имперфект древнегреческого глагола

В статье рассматривается проблема различения аористного и имперфектного значения в языке Гомера и Геродота. Автор анализирует гомеровские примеры вместе с примерами из классического греческого языка и сосредоточивает свое внимание на глаголах говорения. Он приходит к выводу о том, что имперфект из Гомера обладает следующими характеристиками: длительность, темпоральность, незавершенность, стабильность, причем в оппозиции к аористу имперфект является маркированным членом. Оппозицию презенса и аориста автор называет ситуативно-аспектуальной.

В первой части нашей работы [Красухин 2005а] мы постарались показать, что в праиндоевропейском глаголе система аспектов находилась в становлении. Наиболее полного развития она достигла в греко-индоиранском ареале, где сформировались три базовые глагольные основы – презентная, аористная и перфектная, используются десятки грамматических показателей для образования времен. При этом большинство исследователей, начиная с Б. Дельбрюка [Delbrück 1876], полагают, что в древнеиндийском нет аспектов[1].

Система же времен в древнегреческом языке не вызывала сомнений ни у кого. Имперфект и аорист выражают прошедшее время, но первый из них указывает на незавершенность действия, второй – на завершенность. Более того, сама категория аспекта была впервые описана в трудах александрийских грамматиков. У Дионисия Фракийца времена характеризуются следующим образом: прошедшее (παρεληλουθώς), настоящее (ἐνεστώς), будущее (μέλλων), причем прошедшие времена делятся на 4 разновидности в зависимости от их видовой характеристики: незаконченное (παρατατικός), законченное (παρακείμενος), предзаконченное (ὑπερσυντελικός), неопределенное (ἀόριστος) [Dionysios 1883: 53; Оленич 1980: 220]. Перевод «законченное время» относится скорее к латинскому эквиваленту – perfectum. Мы его приводим только как дань традиции. Греческий глагол παράκειμαι означает 'быть возле, рядом, быть смежным, быть в наличии'. У Пиндара причастие παρακείμενον может значить 'настоящее'. Таким образом, термин Дионисия следует перевести скорее как «наличное, результативное время». Дионисий попытался описать, таким образом, особый временной статус перфекта: прошедшее действие, имеющее результат в настоящем. Интересно и происхождение термина παρατατικός. Глагол παρατάσσω переводится как 'строить в ряд, располагать', т.е. передает идею протяженности в пространстве. Очевидно, имперфект мыслился Дионисием как протяженность во времени, а «неопределенный» аорист противостоял как результативному перфекту, так и длительному имперфекту.

Три аспекта соответствуют трем базовым основам греческого глагола. С определенными изменениями классификация Дионисия лежит в основе описаний, принятых и в современных нормативных грамматиках. Но для описания текстовой реальности, а также решения вопроса о первоначальном значении глагольных основ требуются более подробные рубрикации. Приходится учитывать категории времени и образа действия[2].

---

[1] Ведическим временам будет посвящена следующая часть нашей работы.

[2] В [Красухин 2005а] обоснован именно такой перевод немецкого Aktionsart.

К. Бругман [Brugmann 1900: 471–472] выделяет пунктуальный, курсивный, терминативный, итеративный, перфектный и перфективный способы действия. Бругман подчеркивает, что его описание опирается не только на временные основы, но и на другие морфологические характеристики. Так, перфективный аспект выражается приставками: φέρω 'нести' – ἐκφέρω 'уносить', τείνω 'нести' – ἐκτείνω 'распространять', πίνω 'пить' – ἐκπίνω 'выпивать (до конца)' (см. об этом также [Gonda 1956: 241–244]). Итеративный и терминативный способ действия выражается презентной основой: ср., с одной стороны, φορέω 'носить', с другой – ὄρνυμι 'поднимать'.

Темпоральный подход представлен у Б. Дельбрюка. Автор прослеживает изменение взглядов на глагольный аспект от Дионисия и Аполлония Дискола до современных ему лингвистов. Аполлоний для описания аориста использовал термины συντελεία 'завершенность' и ἄνυσις 'прекращение'. Ф. Буттман (XVI век) описывал аорист как время рассказа о прошлом, а имперфект – как фиксацию внимания говорящего на обстоятельствах события. Сам Б. Дельбрюк предложил аналогичное описание ведических времен. Э. Бенвенист и Г. Вайнрих продолжили эти исследования в применении к французскому глаголу и рассматривали глагольную темпоральность как выражение диалогического и повествовательного времени, переднего и заднего планов действия. Согласно Вайнриху, презенс и перфект в древнегреческом – это времена диалога, тогда как «аугментные» времена – имперфект, аорист и плюсквамперфект – это повествовательные времена. Г. Мадвиг рассматривал имперфект как «опрокинутый в прошлое презенс», т.е. время, не указывающее на завершение действия, тогда как аорист трактовался как время, никак не связанное с настоящим. Г. Курциус подчеркивал особый статус аориста как времени, всегда обращенного в прошлое: его безаугментные формы по значению принципиально не отличаются от аугментных. Временные функции выражаются только глаголами в изъявительном наклонении, тогда как конъюнктив, оптатив, императив и инфинитив могут обозначать только аспект.

Напротив, Ив Дюу рассматривает как аспекты только следующие категории: прогрессивность, пунктуальность (моментивность) и стативность. Темпоральность же им определяется исключительно как положение действия относительно момента речи.

Древнегреческий аорист иногда описывается отрицательной характеристикой: он обозначает событие без указания на его длительность. В действительности, как мы убедимся далее, аорист может иметь и вполне положительное значение завершенности. Соответственно и имперфект может характеризоваться как положительно (указание на длительность события), так и отрицательно (отсутствие указания на завершение). При этом значение основных времен – имперфекта, аориста и перфекта – достаточно сложно и многопланово. Так, в грамматике Э. Швицера предложена следующая классификация [Schwyzer-Debrunner 1950: 661–670]: 1. Аорист непосредственно пережитого события (особая разновидность – аорист изменившегося состояния в глаголах типа «умер, упал», т. наз. метатропический, или метаптотический аорист). 2. Аорист со значением свершившегося факта. 3. Конфективный аорист, указывающий просто на завершенную ситуацию. Он может передавать и длительность, ограниченную во времени. Интересно сравнить два контекста: (Ἀργανθώνιος) ἐτυράννευσε δὲ Ταρτεσσοῦ ὀγδώκοντα ἔτη, ἐβίωσε δὲ τὰ πάντα εἴκοσι καὶ ἕκατον (Hdt. I 163, 2) 'Аргантоний правил Тартессом восемьдесят лет, всего же прожил всего сто двадцать лет' (конфективный аорист длительной ситуации); οὕτω δὲ Κῦρος γενόμενός τε καὶ τραφεὶς ἐβασίλευσεν (Hdt. I 130, 3) 'так родившийся и выкормленный Кир стал царем' (метаптотический аорист) [Strunk 1971: 200–201]. Гомеровский же конфективный аорист может указывать и на длительное событие без эксплицитно выраженных временных границ:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε (Od. I 1–2)

'мужа мне воспой, о Муза, многоопытного, который долго странствовал после того, как разрушил могучее укрепление Трои'. В этом зачине оба события являются завершенными, так как повествуют о прошлом. Аорист πλάγχθη можно назвать длительно-

конфективным, а ἔπερσεν – аористом свершившегося факта. Далее Швицер рассматривает:

4. Аорист единичной завершенной ситуации, соположенной с предполагаемыми событиями, отнесенными в будущее. 5. Аорист сравнения, где событие, обозначенное презенсом, сопоставляется с действием аориста. 6. Аорист типичной ситуации, когда повторяющееся, возникающее во многих ситуациях действие представлено как завершенное. 7. Гномический аорист в пословицах и сентенциозных высказываниях[3].

К идеям Швицера близко менее подробное описание аспектов, предложенное ранее Я. Вакернагелем [Wackernagel 1926], А. Мейе и Ж. Вандриесом [Meillet, Vendryès 1948: 174–178]. В их системе различаются имперфект как дуративное (курсивное) время и аорист как комплетивное время. В рамках комплетивности возможны и такие оттенки действия, как конфективность (завершенность), общефактическое значение и т.д. Важно то, что аспект в описании названных ученых выступает как в достаточной степени субъективная категория, связанная с актантной рамкой, зависящая и от намерений говорящего:

φεῦγον ἔπειτ' ἀπάνευθε δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο,
Φθίην δ ἐξικόμην ἐριβώλακα, μήτερα μήλων (Il. IX 479–480)

'Затем они разбежались по широкодорожной Греции; я же ушел в плодоносную Фтию, мать овец'. Очевидно, имперфект φεῦγον обозначает действие, направленное в разные стороны, и поэтому воспринимающееся как незавершенное. Контрастом выглядит аорист в: χθιζὸς ἐεικοστῷ φύγον ἤματι οἴνοπα πόντον (Od. VI 170) 'прибежали они вчера на двадцатый день к винноокому морю'. Единая цель действия соответствует комплетивному аспекту.

В двух же следующих контекстах выбор времени связан с интенцией говорящего:

'Αργεῖοι δ' ἐτέρωθεν ἐκαρτύναντο φάλαγγας,
τείχεος ἔντοσθεν· μέγα δέ σφισιν φαίνετο ἔργον (Il. XII 415–416)

'Аргивяне с другой стороны укрепили фаланги внутри стен; перед ними стояло большое укрепление';

...αὐτὰρ μεγάθυμοι Ἐπειοὶ
ἀμφίσταντο δὲ ἄστυ διαρραῖσαι μεμαῶτες
ἀλλά σφι προπάροιθεν φάνη μέγα ἔργον Ἄρηος (Il. XI 732–734)

'Тут же мощные духом эпейцы стали окружать город, жаждучи его разрушить; но вдруг возникло перед ними великое дело Ареса'.

Комментируя их, Мейе и Вандриес [Meillet, Vendryès 1948: 178] отмечают, что имперфект φαίνετο обозначает длительное состояние, а аорист φάνη – событие, свершившееся быстро и внезапно (brusque et instantée).

ὡς περιβαλλεμένους ἴδε τεῦχεα χερσὶ τε δοῦρα
μακρὰ τινασσομένους· μέγα δ' αὐτῷ φαίνετο ἔργον (Od. XXII 149)

'Так он увидел их, готовящих (к бою) и нацеливающих своими руками длинные копья; и великое перед ним появилось дело'.

Несколько иная классификация предложена в фундаментальной монографии Ива Дюу [Duhoux 2000: 390–395]. Автор высказывает несколько парадоксальную мысль о том, что в значении греческого аориста претеритальность не является главной характеристикой; с его точки зрения, это не временна́я, а чисто аспектуальная категория. Значение длительности нерелевантно для аориста, поэтому с его помощью могут выражаться и моментальные события, и длительные, ср.: ἔτη δὲ τριάκοντα ᾤκησε (Lysias. 12.4) 'он прожил (в Аттике) тридцать лет'. Аористные функции автор классифицирует так: А. «Банальный» аорист, указывающий просто на то, что событие произошло. В. Аорист, передающий желание автора подчеркнуть краткость протекания действия. Различия между обоими типами аористов иллюстрируются следующими контекстами:

---

[3] Более подробно эта классификация описана в [Красухин 2006].

А. οὐδεμίαν διατριβὴν ἐποιησάμην, ἀλλ' εὐθὺς παρεκέκληντο μὲν, οὓς εἶπον, ἀνέγνωστο δ' ὁ λόγος (Isocrat, 12.233) 'я не допустил никакого промедления, но те, которым я сказал, собрались, и речь была услышана'. По справедливому замечанию Дюу, здесь основное действие («люди собрались, речь была услышана») передается плюсквамперфектами παρεκέκληντο, ἀνέγνωστο, а аористы указывают на добавочное действие [Duhoux 2000: 387]. Добавим к этому, что подобная функция плюсквамперфектов не свойственна гомеровскому глаголу (именно аорист, как правило, обозначает главное действие), значение аориста εἶπον практически нейтрально с точки зрения аспекта; его можно перевести как «я сказал» и «я говорил».

В. 'Αλλ' ἐγραψάμην μὲν τοτ' εὐθὺς οἰκαδ' ἐλθὼν ὑπομνήματα, ὕστερον δὲ κατὰ σχολὴν ἀναμιμνησκόμενος ἔγραφον... (Plat. Teet., 143a) 'Но, придя домой, я тут же записал воспоминания, затем на досуге писал, вспоминая'. Дюу переводит аорист ἐγραψάμην как 'prendre quelques notes', а имперфект ἔγραφον – как 'écrire dans tous les details'. Иными словами, разница между обоими глаголами не в том, что первый обозначает завершенное действие, а второй – нет, а в том, что имперфект ἔγραφον указывает на длительность, развернутость действия (при этом оно явно завершено). В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу и покажем более точно, чем длительность, передаваемая имперфектом, отличается от длительности аориста. Пока же отметим, что в данном контексте именно сосуществование двух форм одного глагола привело их к поляризации.

Метаптотический аорист подразделяется на инхоативный и терминативный. Они могут встречаться в одном контексте:

...ἦλθε δ' 'Αθήνη
οὐρανόθεν· πρὸ γὰρ ἧκε θεά, λευκώλενος Ἥρη
.....
στῆ δ' ὄπισθεν (*Il. I 194–197*)

'Пришла Афина с неба: направила ее белолокотная Гера. (Афина) встала позади'. Аорист ἦλθε можно считать терминативным, (πρό) ἧκε – комплетивным, так как он описывает всю ситуацию, στῆ – ингрессивным.

Однако, по мнению Дюу, можно говорить лишь о том, что аорист этого типа обозначает переход от небытия к реализации глагольного процесса. Исследователь расходится здесь с Г. Мутцбауэром и Й. Жилкой [Mutzbauer 1883; Zsilka 1967], по мнению которых, наиболее архаична ингрессивная и терминативная функции аориста. С их точки зрения, наивное сознание древнего человека не могло охватить ситуацию целиком, оно фиксировало только ее начало или завершение. Но аргументов в пользу этого утверждения не приводится; психология как будто тоже не подтверждает такого направления развития психики. Типология развития аспектных систем не свидетельствует в пользу большей древности начинательного значения. Как правило, инхоативы-ингрессивы суть реализация значения завершенности. Интересно отметить сосуществование аористов и имперфектов в одном из примеров Дюу: 'Ελθὼν οὖν ἔπειθον αὐτοὺς καὶ οὓς ἔπεισα τούτους λαβὼν ἐπορευόμην (Xen. Cyr. 5,5,22) 'Придя, я их убеждал (стал убеждать), и кого я убедил, *взяв тех, отправился*'. Здесь имперфект ἔπειθον передает попытку реализации действия, а аорист ἔπεισα – завершение, успешность этой попытки. Если же глагол выражает неизменное состояние или положение, то его аорист может быть переведен «начал...», «стал...»: ἐβασίλευσα 'я воцарился', ἐγέλασα 'я рассмеялся'.

С имперфектом аорист соотносится как указание на одновременное или последующее событие в прошлом: Ξανθὴν ἀπεκείρατο χαίτην, τήν ρα Σπερχειῷ ποταμῷ τρέφε (Il. XXIII 141–142) 'обрезал себе светлые волосы, которые отращивал у реки Сперхей'; Οὕτω σφοδρὰ ἠπορούμην, ὥστε ἔδοξέ μοι κράτιστον εἶναι ἀποδημῆσαι (Lysias, 3, 10) 'я тогда сильно нуждался, так что мне показалось лучше всего уехать'. Не сомневаясь в корректности предложенных примеров, заметим, что в действительности взаимосвязь аориста и имперфекта в синтагме сложнее; нетрудно привести пример и того, что более позднее действие обозначает именно имперфект:

...τοῖον Πάνθου υἱὸν εὐμμελίην Εὔφορβον
'Ατρείδης Μενέλαος ἐπεὶ κτάνε, τεύχε' ἐσύλα (Il. XVII 59–60)

'этого сына Панта, хорошо вооруженного Эвфорба, Менелай убил, (затем) стал снимать с него доспехи'. Имперфект здесь обозначает новую ситуацию.

Дюу особо выделяет аористы, не указывающие на прошлое, и классифицирует их так: a) гномические аористы, b) аористы, выражающие общие истины; c) аористы гомеровских сравнений. Под гномами исследователь подразумевает краткие выражения, а аорист общих истин появляется в развернутых текстах. В качестве примера приводится:

ἦμαρ δ' ὀρφανικὸν παναφήλικα πατδα τίθησι
πάντα δ' ὑπεμνήμυκε, δεδάκρυται δὲ περειά,
δευόμενος δὲ τ' ἄνεισι πᾶς ἐς πατρὸς ἑταίρους,
ἄλλον μὲν χλαίνης ἐρύων, ἄλλον δὲ χιτῶνος
τῶν δ' ἐλεησάντων κοτύλην τις τυθτὸν ἐπέσχε,
χείλεα μὲν τ' ἐδῆν' ὑπερῴην δ' οὐκ ἐδῆνε (Il. XXII 490–495)

'День сиротства лишает ребенка друзей; лишенный всего, он льет слезы по щекам. Нуждаясь, дитя идет к отцовым товарищам, одного трогая за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь из сострадающих налил (= наливает) ему немного из своей чаши, дал омочить губы, но не небо'. Дюу абсолютно прав, говоря о том, что презенсы τίθησι и ἄνεισι симметричны аористам ἐπέσχε, ἐδῆνε. Но все-таки главное общефактическое значение имеет первый презенс. Второй указывает на начало ситуации, тогда как аористы – на ее завершение. Поэтому данный контекст есть типичная ситуация, в которой противопоставлены незавершенные и завершенные фрагменты. Ср. следующую строку: τὸν δὲ καὶ ἀμφιθαλής ἐκ δαιτύος ἐστεφέλιξεν 'благополучный же его прогнал (= прогоняет) от обеда'.

Такую же роль играют аористы и у Платона: Ἆρ οὖν, εἶπον, οὐ ταῖς μὲν πρώταις ἡμέραις τε καὶ χρόνῳ προσγέλᾳ τε καὶ ἀσπάζεται πάντας,... καὶ οὔτε τύραννός φησιν εἶναι ὑπισχνεῖται τε πολλὰ καὶ ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ, χρεῶν τε ἠλευθέρωσεν καὶ γῆν διένειμεν δήμῳ τε καὶ τοῖς περὶ ἑαυτὸν καὶ πᾶσιν ἱλεώς τε καὶ πρᾷος εἶναι προσποιεῖται (Plat. Rep. 566d-e) 'Разве не правда, сказал я, что (тиран) в первые дни воцарения смеется и угождает всем, говорит, что он вовсе и не тиран, обещает много и в частном порядке, и публично, простил (= прощает) долги, разделил (= разделяет) землю в пользу народа и своего окружения, и старается быть для всех милым и угодным?' Здесь совершенно явно противопоставление действий продолжающихся и повторяющихся единичным и завершенным: «простил долги, разделил землю». Таким образом, аорист общих истин фактически не отличается от аористов типичных ситуаций.

Аорист же гомеровских сравнений, по Дюу, – это и есть то, что Швицер называл аористом типичных ситуаций. В [Красухин 2006] мы постарались показать, что типичная ситуация может представляться говорящим как повторяющаяся, но завершенная. Следовательно, аорист сравнений отличается от аориста общих истин не по значению, – оно в общем одинаково в обоих типах. Классификация Дюу скорее характеризует сами ситуации, в которых появляются формы с одинаковыми функциями. И мы можем объединить аористы общих истин, сравнений и гномические аористы в единую категорию. Гномические аористы отличаются от остальных своим наиболее обобщенным, вневременным характером. Если в типичных ситуациях все-таки действие представляется как завершенное, то в гномах этот оттенок исчезает.

Швицер выводил гномическую функцию из первоначальной функции аориста – обозначение целостной ситуации без указания на время (близкой к древнеиндийскому инъюнктиву). Но у Гомера и Гесиода гномические аористы, как правило, имеют аугмент. По данным Л. Боттина [Bottin 1969: 131], 82 формы аориста с аугментом противостоят в этой функции 9 безаугментным аористам; для Гесиода же цифры выглядят так: 38: 4. Это свидетельствует о том, что гномический аорист и аорист типичной ситуации указывают не на вневременное, а именно на всевременное событие. В своих более ранних работах мы показали, что аугментный глагол у Гомера, как правило, начинает новую ситуацию, тогда как безаугментный включается уже в ситуацию, начатую другим сказуемым. Аугментная форма иногда имеет значение эмфазы. Все это относится к рассмотренным функциям аориста.

Дюу указывает также на то, что типическая ситуация может выражаться различными временами глагола: аористом, презенсом, имперфектом глагола εἰμί, перфектом, футурумом. Приведем примеры на три последних времени:

A. οὐκ ἀρετῇ κακὰ ἔργα (Od. VIII 329) 'дурные дела не удаются'.

B. Πλήθει δ' ἀνθρώπων ἀρετὴ μία γίνεται ἥδε
πλουθεῖν· τῶν δ' ἄλλων οὐδὲν ἦν ὄφελος (Theogn. 699–700)

'Для большинства людей единственная доблесть – разбогатеть. От других же (добродетелей) нет пользы'.

C. Κἂν περὶ ἀνδρῶν γ' ἐμπέσῃ
λόγος τις, εἴρηκ' εὐθέως ἡ σὴ γυνή,
ὅτι ληρός ἐστι τἄλλα πρὸς Κινησίαν (Arist. Lys. 858–860)

'Если случится между мужчинами разговор, то твоя жена скажет, что это глупости, как у Кинесия'.

D. οὐδεῖς ἀνθρώπων ἀδικῶν τίσιν οὐκ ἀποτίσει (Hdt. V 56) 'никто из людей, пострадавший несправедливо, не оставит этого без мести'.

Что можно сказать об этих примерах? Конечно, время типичной ситуации полностью не равнозначно ни презенсу, ни аористу, ни перфекту. Можно сказать, что здесь происходит нейтрализация темпоральных грамматических оппозиций. Однако нельзя не видеть и того, что различные времена по-разному передают протекание единой ситуации: презенс подчеркивает ее длительность и хабитуальность, аорист – завершенность, а футурум – несвязанность с моментом речи, возможность осуществления в будущем. Таким образом, разнобой времен показывает всю сложность и многокомпонентность ситуации. В дальнейшем мы не раз будем с этим сталкиваться. Заметим в этой связи, что в типической ситуации происходит нейтрализация и модальных грамматических оппозиций. Так, в одном из самых известных предложений, содержащих гномический аорист, – ὅς κε θεοὺς ἐπιπείθηται, μάλα τ' ἔκλυον αὐτοῦ (Il. I 218) – первая часть содержит глагол в конъюнктиве. Частица κε/ ἄν с конъюнктивом выражает модус, именуемый в грамматике casus futuralis, т. е. указывает на событие, могущее произойти сейчас и в будущем. Здесь это сказуемое оказалось встроено в типичную ситуацию. Приведем пример с оптативом: ὡς ἀπόλοιτο καὶ ἄλλος, ὅτις τοιαῦτα γε ῥέζοι (Od. I 47) 'так пусть погибнет и любой иной, кто творит подобное'. Конечно, это, – прежде всего предложение пожелания. Но, поскольку оно высказано богиней Афиной, его можно понять и как выражение долженствования, приближающееся к указанию на типичную ситуацию.

Наконец, в некоторых контекстах может совместно встретиться гномический аорист и презенс:

ἀλλὰ αἰέι τε Διὸς κρείσσων νόος αἰγιόχοιο
ὅστε καὶ ἄλκιμον ἄνδρα φοβεῖ καὶ ἀφείλετο μύθῳ (Il. XVII 176–177)

'Но всегда дух Зевса эгидодержавного сильнее; он и доблестного мужа обращает в бегство, и отбирает (отобрал) победу'. Можно, конечно, видеть некоторые различия презенса φοβεῖ и аориста ἀφείλετο: второй обозначает безвозвратно ушедшую ситуацию, тогда как первый еще не подразумевает окончания действия. Но их однородность говорит о нейтрализации аспектуальной оппозиции в данном контексте.

Особый тип аориста выделил А. Шане [Chanet 1984]: «аорист крика души (cri de coeur)». Ср.: Τίφθ οὕτως ἔστητε τεθηπότες; (Il. IV 243) 'что вы встали удивленные?'; 'Επηπείλησα καὶ κατώμοσα, /...μὴ/πολὺν χρόνον θεοὺς ἔτι σκῆπτρα τἆμα τρίψειν (Arist. Av. 630–636) 'Я пригрозил (= грожу) и поклялся (= клянусь), что долго боги не будут наш скипетр трогать'. По значению такой аорист близок к настоящему совершенному, т. е. обозначает событие, происходящее на глазах, но отличается повышенной эмоциональностью. Следовательно, аорист может обозначать наиболее важные в контексте элементы ситуации.

Наконец, индикатив аориста может быть включен в сферу будущего:

εἰ μὲν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχωμαι,
ὤλετο μέν μοι νόστος· ἄταρ κλέος ἄφθιτον ἔσται (Il. IX 412–413)

'если я здесь останусь сражаться у города троянцев, то погибло мое возвращение, но будет (мне) бессмертная слава!' Такой аорист подобен русским высказываниям типа *Пропала моя головушка*!, где будущее событие, чье наступление для говорящего очевидно, представляется им как уже свершившееся. В примерах, приводимых Дюу [Duhoux 2000: 395], такой аорист встроен в ситуацию, связанную с конъюнктивом. Возможно и его сочетание с футурумом: Ἢν καταστρέψεται τά φησι θέλειν... σὸν τὸ ἔργον, ὦ δέσποτα, γίνεται· οἱ γὰρ σοὶ δοῦλοι κατεργάσαντο (Hdt VIII 102) 'Если покорятся те, которых он, по его словам, хочет покорить, то твое дело, о владыка, свершится: твои рабы его закончат'. Если связь с потенциальностью – общая черта всех подобных аористов, тогда можно предположить, что «аорист будущего» указывает на несвершившиеся события как на свершившиеся.

Для имперфектов Дюу указывает на следующие функции. 1. Прогрессив, т.е. неограниченность действия пределом. Это наиболее распространенное, типовое значение имперфекта. Он может противостоять аористу или дополнять его. Ср. Ἐπὶ γὰρ Κέκροπος καὶ τῶν πρώτων βασιλέων ἡ Ἀττική ἐς Θησέα ἀεὶ κατὰ πόλεις ᾠκεῖτο... Ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευε... (Thuk. II, 15, 1–2) 'При Кекропе и первых царях до Тесея Аттика жила в городах... Когда же воцарился Тесей...' Здесь длительный и незавершенный имперфект противопоставлен метаптотическому аористу. Иногда оппозиция может быть и не столь резкой:

πὰρ δέ οἱ Ἶρις ἔβαινε καὶ ἤνια λάζετο χερσίν
μάστιξεν δ' ἐλάαν, τὼ δ' οὐκ ἀέκοντε πετέσθην (Il. V 365–366)

'Вместе с ним Ирида пошла и взяла поводья руками, хлестнула бичом, чтобы (повозка) двинулась; они оба не без охоты полетели'. Здесь имперфекты ἔβαινε, λάζετο указывают на протекание ситуации, аорист μάστιξεν – на ее завершение, πετέσθην – на начало новой ситуации. Аналогичный контекст – в Il. V 370–373:

ἡ δ' ἐν γούνασι πίπτε Διώνης δῖ' Ἀφροδίτη,
μητρὸς ἑῆς· ἡ δ' ἀγκὰς ἐλάζετο θυγατέρα ἥν,
χειρί τέ μιν κατέρεξεν...

'К коленям Дионы, своей матери, пала божественная Афродита; та же обняла свою дочь и удержала ее рукой'. Имперфект ἔλαζετο – начало ситуации, аорист κατέρεξεν – ее конец[4].

В других же контекстах имперфект, сочетаясь с аористом или стоя на его месте, приближается к нему по значению. Так, у Фукидида один из персонажей характеризуется a) имперфектом: Ἑρμοκράτης παρελθὼν αὐτοῖς... ἔλεγεν (VI 32, 2) 'Гермократ, придя к ним, сказал[5]'; b) аористом: Ἑρμοκράτης τοιαῦτα εἶπεν (VI 35, 1) 'Гермократ так сказал'. В, казалось бы, идентичной ситуации появляются разные времена. Дюу полагает, что имперфект может передавать следующие нюансы. A. действие выступает как близкое переживаемое в момент речи:

...ὃς πρῶτον Μίνοα τέκε Κρήτῃ ἐπίουρον
Μίνος δ' αὖ τέκεθ' υἱὸν... Δευκαλίωνα
Δευκαλίων δ' ἐμὲ τίκτε (Il. XIII 450–452)

'...который родил Миноса на гористом Крите; Минос родил Девкалиона, а Девкалион родил меня'. С нашей точки зрения, в этом контексте имперфект обозначает особый тип ситуации, условно говоря, незавершенной, поскольку ее результат имеет продолжение в настоящем. На момент речи и Минос, и Девкалион умерли, а говорящий Идоменей жив. Можно, конечно, это назвать façon vivante, имея в виду, что такой эпитет относится не к действию, а к его результату. Следует отметить, что перед нами не единичный пример. Цепь аористов, завершенных имперфектом, представлена также в:

---

[4] По мнению Э. Швицера [Scwyzer-Debrunner 1950: 670], имперфекты ἔβαινε, πίπτε здесь передают действия ослабевшей Афродиты; М. Руйперес резонно возражает, что глагол ἔβαινε относится и к энергично действующей Ириде [Ruiperez 1954: 83].

[5] Точнее – 'начал говорить'. Обоснование этого варианта см. далее.

'Ερμείας δὲ ἄναξ δῶκεν Πέλοπι πληξίππῳ
αὐτὰρ δ' αὖτε Πέλοψ δῶκ' 'Ατρέι, ποιμένι λαῶν,
'Ατρεὺς δὲ θνήσκων ἔλιπε πολύαρνι Θυέστῳ
αὐτὰρ δ' αὖτε Θυέστ' 'Αγαμέμνονι λεῖπε φορῆναι... (Il. II 104–107).

'Гермес владыка дал (скипетр) погонщику лошадей Пелопсу; затем Пелопс дал его Атрею, пастырю народов. Атрей, умирая, оставил его богатому овцами Фиесту, Фиест же затем оставил его Агамемнону носить'.

Речь идет о скиптре, упоминаемом несколько выше (строки 100–101: ἀνὰ δὲ κρείων 'Αγαμέμνων // ἔστη σκῆπτρον ἔχων, τὸ μὲν Ἥφαιστος κάμε τεύχων 'встал владыка Агамемнон, держа скипетр, который создал Гефест'), т.е. присутствующем в данной речевой ситуации. Имперфект λεῖπε, таким образом, обозначает прошлое событие, имеющее следствием положение дел, существующее в момент речи[6].

В. Имперфект фиксирует внимание слушателя на длительности ситуации. Такое значение Дюу видит в контексте из Фукидида (II 15, 1–2). И в приводимых им контекстах длительность оттенена аористом. Ср. еще: Κορίνθιοι δὲ οὐδὲν τούτους ὑπήκουν ἀλλ' ... ἔπλεον τὴν 'Επίδαμνον... 'Επειδὴ δ' ἐγένοντο ἐν 'Ακτίῳ (Thuk. I 29, 1–3). 'Коринфяне их не послушались, но поплыли в Эпидамн. Когда же они оказались у Акция...' Отличие этого контекста от приведенного выше заключается в том, что здесь имперфектная ситуация фактически является завершенной. Следовательно, этот контекст демонстрирует нам функцию, приближающуюся к следующей.

С. Имперфект указывает на различные предпосылки к завершению действия. Именно это значение, как мы убедимся в дальнейшем, и стало одним из главных у Гомера. Дюу иллюстрирует его цитатой из Еврипида: Διωλλύμεσθα ... καὶ τᾶμ' ἔθνησκε τέκν', ἀπωλλύμην δ' ἐγώ (Eur. Her. 534–536) 'Мы погибаем, умерли мои дети, погибла и я'. Так говорит живая Мегара о себе и своих детях, следовательно, имперфект указывает на начало действия. С нашей точки зрения, однако, в данном случае действие еще не начинается, а лишь предполагается. Это скорее так называемый imperfectum conatus, выражающий попытку или побуждение совершить действие. Цитированный контекст (Xen. Cyr. 5, 5, 22), безусловно, представляет яркий конативный имперфект: ἔπειθον 'убеждал = пытался убедить', и следующий за ним аорист ἔπεισα описывает результат этой попытки.

Инхоативную же функцию имперфект несет в следующем контексте:

...αὐτὰρ 'Οδυσσεὺς
ἐς Χρύσην ἵκανεν ἄγων ἱερὴν ἑκατόμβην (Il. I 430–431)

'И тут же Одиссей отправился в Хрису, везя с собой священную жертву'. Ср. следующий стих: οἱ δ' ὅτε δὴ λιμένος πολυβένθεος ἐγγὺς ἵκοντο (432) 'когда же они выплыли в глубокий залив', где от того же корня образован аорист. Имперфект ἵκανεν указывает на начало ситуации, аорист ἵκοντο – на завершение какого-то ее этапа. Конативную функцию Дюу [Duhoux 2000: 362] видит в следующем контексте: Διεφθείρον γὰρ προσιόντες τοὺς στρατιώτας, καὶ ἕνα δὲ λοχαγὸν διέφθειραν (Xen. An. III 3, 5) 'подошедшие грабили воинов, ограбили и одного командира'. Здесь, правда, трудно сказать, выражает ли имперфект попытку, начало действия или просто его протяженность. Поэтому более убедительные примеры таковы: οὐδ' Ἕκτορι θυμὸν ἔπειθε (Il. XXII 78) 'не убедил дух Гектора' и другие сочетания этого глагола с отрицанием: Τηλέμαχος δ' οὐ γάρ πω ἐπείθετο ὃν πατέρ' εἶναι (Od. XVI 192) 'Телемах никак не мог поверить, что это его отец'. К. Бругман полагал, что аналогичную функцию имеет имперфект ἐδίδου в следующих контекстах: καὶ μισθὸν μὲν οὐκ ἐδίδου ὁ Αναξίβιος (Xen. An., VII 1, 7) 'Анаксибий же не отдавал (= не желал отдавать) плату'; καὶ τὰ μὲν ἄλλα ὡμολόγητο αὐτοῖς, ὁμήρους δ' οὐκ ἐδίδοσαν οἱ Θρᾷκες (Ibid., VII 3, 9) 'и во всем остальном было достигнуто согласие, заложников же фракийцы не выдавали (= не желали выдавать)' [Brugmann

[6] Или, говоря точнее, в точке референции, определяемой рассказчиком.

1900: 487]. Ср. с другим глаголом: οὐ δὲ πυρὴ Πατρόκλος ἐκαίετο τεθνηῶτος (Il. XXIII 192) 'Огонь не разгорался над телом мертвого Патрокла' (ср. [Звонская 2006]).

Следует отметить, что имперфект, подобно аористу, может сочетаться с наречиями-ограничителями: ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο (Il. I 54) 'девять дней на войско падали стрелы бога'; ἡμέρας τε πέντε... Κερκυραῖοι ἐχθροὺς δοκοῦντας ἐφόνευον (Thuk. III 81, 4) 'семь дней керкирцы убивали тех, кто им казался врагом'. Кл. Штрунк [Strunk 1971: 207–208] полагает, что обозначение временной протяженности вообще является первоначальной функцией имперфекта. И только у дуративных глаголов (βιόω 'жить', βασιλεύω 'править') при наречиях времени появляется аорист. Это иллюстрируется примерами из Ксенофонта и Геродота, где такие глаголы, как μένω 'оставаться', διάγω 'проводить время', διατρίβω (ἔργον) 'совершать', стоят только в аористе при временных ограничителях. Штрунк полагал, что в глаголах длительного действия значение имперфекта становится избыточным. Он исходит из положения о том, что в греческой временной системе маркирован именно аорист.

Ряд традиционных взглядов на греческий аспект, которые разделяет и Дюу, подвергал пересмотру М. Руйперес [Ruiperez 1954]. Испанский исследователь попытался применить к аспекту методы структурной лингвистики, заимствованные из фонологии, в частности, анализ оппозиций по наличию и отсутствию различительных признаков. Справедливо отмечается, что, во-первых, четко выраженную оппозицию составляют друг другу имперфект и аорист, тогда как в презенсе их оппозиция нейтрализуется. Ее положительным членом является имперфект, отрицательным (лишенным признака) – аорист [Ibid.: 74]. И этот признак – дуративность. Руйперес замечает в этой связи, что целый ряд дополнительных значений презенса и аориста, найденных его предшественниками, объясняется не значением грамматических категорий, а лексической семантикой корня. Глаголы он подразделяет на «инфективные» и «конфективные», т.е. подразумевающие и не подразумевающие завершение процесса. К примеру, такие глаголы, как исп. *encontrar*, франц. *chercher*, нем. *suchen*, русск. *искать* суть инфективные, а *buscar, trouver, finden, находить* – конфективные. В греческом языке глаголы ὄρνυμαι 'подниматься', πορεύομαι 'отправляться' могут считаться инфективными (или ингрессивными), ἄγνυμαι 'ломаться', θνήσκω 'умирать', γίγνομαι 'становиться'. Руйперес считает, что главной оппозицией этих глаголов является наличие/отсутствие предела действия. Следовало бы, пожалуй, выделить в отдельную рубрику глаголы, обозначающие стабильный процесс: νοσέω 'болеть', βασιλεύω 'править'. Дело в том, что, приводя примеры ингрессивных аористов, автор ссылается именно на дуративные корни. Ингрессивный аорист, по мысли Руйпереса, образуется от нетерминативных глаголов: νοσῆσαι 'заболеть', βασιλεύσαι 'воцариться'; аорист же с темпоральным обстоятельством он считает чисто речевым вариантом первого. С этим можно, пожалуй, согласиться, но, как мы отмечали, именно в этом случае следует говорить не об «ингрессивных», а о дуративных глаголах. Иногда презенсы от таких аористов могут рассматриваться как дуративные: a) οὐρανοῦ δ' ἀπὸ ἤστραψε, βροντὴ δ' ἐρράγη δι' ἀστραπῆς (Soph. fr. 578) 'с неба ударила молния, грохот от молнии взорвался'; b) (κατανεῦσαι Κρονίωνα) ἀστράπτων ἐπιέδεξι' ἐναίσιμα σήματα φαίνων (Il. II 353) 'высказал согласие Кронид, ударяя молнией справа, являя предзнаменующие знаки'. Т.е. аорист указывает на однократное появление некоторой сущности, а основа презенса – на многократное. Так же, по мнению Руйпереса, может быть итеративным глагол βαίνω в противопоставлении презенсу βῆναι. Это последнее утверждение не кажется полностью убедительным. Можно, конечно, переводить этот глагол как «шагать», т.е. «делать шаги», а аорист – как «шагнуть», но подтвердить итеративность этого презенса трудно. Аорист же может означать как начало действия, так и его конец. Ср.: a) ὡς φάτο, βῆ δ' αρ' ὄνειρος, ἐπεὶ τὸν μῦθον ἄκουσε (Il II 16) 'так он сказал; отправился Сон, когда выслушал слово' (впечатляющее сосуществование ингрессивного аориста βῆ и комплетивного ἄκουσεν); b) σὺν τῷ ἔβη κατὰ νῆας Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων (Il. II 47) 'с ним он прибыл к кораблям меднохитонных ахейцев'.

Инхоативный и конативный имперфект, по мнению исследователя, тоже не являются исконными значениями этого времени, а возникают лишь в определенной ситуации. Руйперес отрицает инхоативность имперфекта в αὐτὸς δὲ ἀπέθανε καὶ ὄκτω ἔκειντο ἐπ' αὐτοῦ (Xen. Anab. I 8, 27) 'он погиб, и девять полегло при нем', с чем можно согласиться. Но более очевидна начинательность имперфекта в καὶ αὐτίκα βοὴ ἦν (Thuk. III 22, 5) 'и тут же возник крик', – едва ли это событие можно здесь рассматривать просто как длительное. Фиксация значения начала здесь очевидна. Более того. В одном контексте может встретиться длительный и начинательный имперфект:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ἕλκετο δ' ἐκ κολεοῖο μέγα ξίφος, ἦλθε δ' Ἀθήνη... (Il. I 193–194)

'Пока он колебался в сердце и душе, вытаскивая большой кинжал из ножен, явилась Афина…' Первый имперфект явно указывает на длительное, незавершенное и, возможно, повторяющееся действие. Второй же, вне всякого сомнения, фиксирует внимание говорящего на начале события, указывая на его незавершенность. Именно таково значение начинательного имперфекта; в дальнейшем мы убедимся в том, что это важный вариант общего значения имперфекта. Оба действия – ὥερμαινε и ἕλκετο – противостоят аористу. И поэтому целесообразно рассмотреть это противопоставление подробнее.

Первая часть ст. 193 повторяется у Гомера еще шесть раз, и почти всегда сочетается с аористом. Часто встречается ἦλθον/ἦλυθον:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δ' ἐπὶ Τρώων στίχες ἤλυθον ἀσπιστάων (Il. XI 411–412)

'Так он колебался в сердце и душе, тем временем явились шеренги щитоносных троянцев';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δ' οἱ ἐγγύθεν ἦλθεν ἀγαύου Νέστορος υἱός (Il. XVIII 15–16)

'Так он колебался в душе и в сердце, тем временем пришел сын мудрого Нестора';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ἐκ δ' Ἑλένη θαλάμοιο θυώδεος ὑψόροφοιο
ἤλυθεν… (Od. IV 120–121)

'Так он колебался в душе и сердце; (тем временем) Елена вышла из благовонного высокого покоя'.

Другие глаголы в аористе, также с фактивным значением:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα, τόφρα δ' Ἀθήνη
προσέφη… (Il. X 507–508)

'Так он колебался в душе и сердце; тем временем Афина сказала…';

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ὦρσε δ' ἐπὶ μέγα κῦμα Ποσειδάων ἐνοσίχθων (Od. V 365–366)

'Так он колебался в душе и сердце; (тем временем) колебатель земли Посейдон поднял большую волну'.

Итак, всюду имперфект обозначает незавершенное действие, а аорист – законченное. Имперфект можно считать выражением добавочного действия, на фоне которого завершается ситуация; так незавершенное время переходит во второплановое [Weinrich 1964: 70–75; Красухин 2000]. И в большинстве контекстов выделенный первоплановый аорист маркируется наречием τόφρα 'до тех пор, между тем'. Но в одном контексте вслед за ὥρμαινε следует имперфект:

εἶος δὲ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
τόφρα δέ μιν μέγα κῦμα φέρε τρηχεῖαν ἐπ' ἄκραν (Od. V 424–425)

'Так он колебался в душе и сердце; тем временем большая волна несла его к скалистому берегу'. Таким образом, основное действие здесь тоже обозначено глаголом в имперфекте. Это не противоречит вышеприведенным выводам: естественно, греческая видовая система не изменилась в той же степени, что и французская. Но показательно, что в следующих строках появляются аористы:

ἔνθα κ' ἀπὸ ρινοὺς δρύφθη σὺν δ' ὄστε' ἀράχθη
εἰ μὴ ἐπι φρησὶ θῆκε θεὰ γλαυκῶπις 'Αθήνη (Ibid., 426–427)

'Там он бы изранил кожу и переломал бы кости, если бы его не поддержала в душе Афина Паллада'. Таким образом, в этих строчках содержится намек на завершение ситуации, и указываются ее последствия. Едва ли аорист здесь может трактоваться просто как «недлительный». Завершенный аорист особенно ярко противостоит незавершенному имперфекту в:

...ἴδον καλὴν τ' 'Αριάδνην,
...ἥν ποτε Θεσεὺς
ἐκ Κρήτης.....
ἦγε μέν, οὐδ' ἀπόνητο· πάρος δέ μιν Ἄρτεμις ἔκτα (Od. XI 321–324)

'Увидели прекрасную Ариадну, которую Тесей с Крита увел, но она не добралась (до Афин); прежде ее убила Артемида'. Руйперес [Ibid.: 83] приводит этот контекст как образец конфективного аориста; это значение особенно выпукло благодаря контрасту с имперфектом незавершенного события.

В отличие от Руйпереса, мы полагаем, что оппозиция имперфекта и аориста в гомеровском греческом не может считаться привативной. Вообще, нахождение инвариантных значений в грамматических категориях совершенно необходимо, но недостаточно. Необходимо также учитывать и вариантные значения, а главное – попытаться описать условия, в которых они возникают. А это зависит не только от лексического значения глагола, но и от типа ситуации.

Пол Фридрих описывает греческий аспект с помощью более точных структурных методов. Он не только дает характеристику оппозиции этих времен, но и старается найти их различительные черты [Friedrich 1974]. Мы уже отмечали сочетание аориста с наречиями множественности действия. Согласно Фридриху, главной характеристикой презенса является длительность (явленная в настоящем – презенс, или в прошедшем – имперфект), которая противопоставляет его как аористу, так и перфекту. В свою очередь, аорист отличается от перфекта тем, что перфект выражает значение, которое исследователь обозначает как realized, т.е. результативность: ἕστηκα 'я встал и стою' и т.д. Перфект также может относиться к сфере настоящего и прошлого (плюсквамперфект). Аорист подразделяется на ограниченный во времени (bounded) и вневременной (unbounded). Под этим, по-видимому, подразумевается гномический и аорист типичных ситуаций. Аорист ограниченного времени подразделяется на терминативный и нетерминативный (комплетивный), а первый – на ингрессивный и результативный. Таким образом, Фридрих предлагает рассматривать греческие времена как пучки различительных признаков (РП). Дуративность является положительным РП, так что аорист не маркирован по сравнению с презенсом. Эта семантическая немаркированность соответствует тому, что аорист не маркирован и морфологически: наиболее простой глагольный корень в гомеровском языке, как правило, аористичен. С помощью редупликации, йотового суффикса и назального инфикса, как правило, образуется презенс. Обращаясь к конкретным контекстам, Фридрих, однако, с полным основанием отмечает сложность значений всех глагольных основ. Две базовые характеристики, используемые для описания аспекта, – длительность и законченность – отнюдь не противоположны друг другу и вполне могут совмещаться в одной глагольной форме. Заметим, что немаркированность аористной основы тоже далеко не абсолютна. Как было показано в [Красухин 2005а], морфологические показатели вообще не имеют однозначной связи ни с презенсом, ни с аористом.

Впрочем, на вопросе о маркированности/немаркированности презентной и аористной основы гомеровского глагола стоит остановиться. Рассмотрим его с синхронной точки зрения. Действительно, в презентно-аористных парах ἵστημι – ἔστην, βαίνω – ἔβην, ὄρνυμι – ὤρτο основа аориста первична, презенс производен от нее. Редупликация с гласным *i*, назальный и йотовый формант действительно характеризуют только презенс и могут рассматриваться как способы перевода немаркированной основы в класс дуративов. С другой стороны, редупликация с гласным *e*, сигматический суффикс при

атематической флексии – это, безусловно, показатель аориста. И в таких парах, как τρέπω – ἔτρεψα, τρέφω – ἔθρεψα, ἐρείπω – ἤρειψα, маркирован аорист. Особенность этих глаголов состоит в том, что от них возможно образование тематических аористов ἔτραπον, ἔτραφον, ἤριπον. Но в них наличествует 0 ступень вокализма, которую нельзя однозначно считать ни маркированной, ни немаркированной. Также сигматический суффикс свойствен презенсу: ἕψω, ἀλέξω, ἀέξω. В отличие от аориста, такие презенсы могут быть только тематическими, тогда как тематический сигматический аорист в греческом единичен: πίπτω – ἔπεσον (πετ-σ-; чистая основа представлена в презенсе πέτομαι и дорическом аористе ἔπετον). Наконец, отметим, что корневые (тематические и атематические) аористы могут выступать как первичные и по отношению к другим аористам: редуплицированным, сигматическим и пассивным: ἔστην – ἔστησα, ἔλαθον – λέλαθον, ἔτραφον – ἐτράφην. Таким образом, корректнее было бы сказать, что в системе аориста выделяются немаркированные основы, от которой могут образоваться как маркированные презенсы, так и маркированные аористы[7]. Аористическое же значение эти основы приобрели в результате процесса аспектуальной поляризации глагольных основ [Красухин 2005: 27].

Теперь попробуем охарактеризовать основные функции аориста и имперфекта в гомеровских поэмах. Для их выяснения обратимся к ситуациям с типичным аористом и типичным имперфектом.

Начнем с весьма примечательной сцены у Гомера – описания оружия, которое Гефест выковал Ахиллу взамен отданного Патроклу. Этот эпизод, по общему признанию, не будучи основным движущим мотивом сюжета, играет важную роль в тексте, ибо в нем представлена картина мира гомеровской Греции. Особенно это относится к описанию щита, на котором изображены охота, сельскохозяйственные работы и т. д. Понятно, что мир предстает здесь статичным и устойчивым. В 130 строках (Il. XVIII 478–608) наличествуют 67 имперфектов, 6 сигматических аористов и 2 тематических. Этому периоду, однако, предшествует своего рода введение, построенное на аористах:

Ὣς εἰπὼν τὴν μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δ' ἐπὶ φῦσας,
τὰς δ' ἐς πῦρ ἔτρεψε, κέλευσε δ' ἐργάζεσθαι (468–469)

'Так сказав, он ее покинул и отправился к (кузнечным) мехам, их направил в огонь, велел им трудиться'. Здесь мы видим завершенные действия без указания на их длительность. Впрочем, в следующей же строке появляется имперфект: φῦσαι δ' ἐν χοάνοισι ἐείκοσι πᾶσαι ἐφύσων, // παντοίην εὔπρηστον ἀϋτμὴν ἐξανιεῖσαι 'все же двадцать мехов в горниле дули, выпуская всяческое дуновение, полезное для огня'. Очевидно, здесь действие носит иной характер: о его завершении речь не идет, но подчеркнута его длительность (мехи дули во время всего процесса ковки). Это и подчеркивает имперфект. Далее законченные действия передаются с помощью аориста:

...αὐτὰρ ἔπειθα
θῆκεν ἐν ἀκμοθέτῳ μέγαν ἄκμονα, γέντο δε χειρὶ
ραιστῆρα κρατερὴν, ἑτέρηφι δε γέντο πυράγρην (475–478)

'*Сразу же затем он установил на подставку большую наковальню, взял в руку могу*чий молот, в другую же взял клещи'. Эти аористы обозначают действия, непосредственно следующие за ἔτρεψε, ἐκέλευσε. Таким образом, имперфект может быть включен в аористный период. В нашем случае он обозначает действие, начавшееся в одно время с аористным, но не завершившееся вместе с ним.

После этого начинается весь период. Здесь мы находим имперфекты:

Ποίει δὲ πρώτιστα σάκος μέγα τε στιβαρόν τε
πάντοσε δαιδάλλων περὶ δ' ἄντυγα βάλλε φαεινήν...
...αὐτὰρ ἐν αὐτῷ
ποίει δαίδαλα πολλὰ ἰδυίῃσιν πραπίδεσσιν (479–482)

---

[7] Значение первичных и производных аористов, а также назальных презенсов рассмотрено в [Красухин 2003].

'Прежде всего он сделал щит, большой и крепкий, украсив его со всех сторон, вокруг прибил блестящий обод, затем на нем сделал много прекрасного с мудрым умыслом'. Здесь первое ποίει, как и βάλλε, совершенно очевидным образом выражает законченное действие; его предел обозначен наречием αὐτάρ. Следовательно, имперфект здесь может обозначать только длительность. Различие между ним и аористами θῆκεν, γέντο заключается в характере не действия, а взгляда на него. Иными словами, это так называемый начинательный имперфект, о котором речь шла выше. За ним следует аорист:

'Εν μὲν γαῖαν ἔτευξ', ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν,
ἠέλιον τ' ἀκάμαντα σελήνην τε πλήθουσαν,
ἐν δὲ τὰ τείρεα πάντα, τάτ' οὐρανός ἐστεφάνωται,
Πληιάδες θ' Ὑάδες τε, τό τε στένος Ὠρίωνος
Ἄρκτὸν θ', ἣν καὶ ἄμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν,
ἥτ αὐτοῦ στρέφεται καὶ τ' Ὠρίωνα δοκεύει,
οἴη ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο (483–489)

'И поместил он (на щит) землю, небо и море, неутомимое солнце и полную луну, а также все созвездия, которыми небо увенчано, – Плеяды, Гиады, мощь Ориона, Большую Медведицу, которую кличут и именем Повозки, она обращается вокруг себя и следит за Орионом. Она же – единственная не участвующая в омовении Океана'[8]. Ясно, что завершенный недлительный аорист здесь противопоставлен презенсам и перфекту, обозначающим не события, а стабильные неизменные ситуации. В предшествующей ситуации нет такой оппозиции, поэтому в ней допустим имперфект. Интересна оппозиция ἐστεφάνωται и καλέουσιν, στρέφεται, ἐστί. Перфект выражает ситуацию, у которой есть начало (кто-то увенчал небо, и оно увенчано), а презенсы – абсолютно стабильную, всевременную ситуацию.

Картина резко меняется, когда Гомер описывает человеческие дела. И здесь период вводится аористом: 'Εν δὲ δύω ποίησε πόλεις μερόπων ἀνθρώπων (490): 'Сперва он создал два города бренных людей'. Затем же следуют почти исключительно имперфекты. В отличие от презенсов в (483–489), эти имперфекты обозначают стабильный характер действия, но вовсе не всевременной. Перед нами именно события, а не статичные ситуации: κοῦροι δ' ὀρχεστῆρες εδίνεον 'юноши-танцоры кружились' (494), δύο δ' ἄνδρες ἐνείκεον (498) 'два мужа ссорились', οἱ δ' οὔπω πείθοντο (513) 'они же не подчинялись' и мн. др. Можно сказать и так: расположение и движение звезд для древнего грека не имело ни начала, ни конца, тогда как человеческая деятельность, пусть даже и изображенная на щите, имеет хотя бы потенциальное начало и конец.

Подавляющее большинство имперфектов в рассматриваемом пассаже имеет именно такое значение. Поэтому обратимся к немногочисленным аористам.

οἱ δὲ τάχα προγένοντο, δύω δ' ἅμ' ἕποντο νομῆες
τερπόμενοι σύριγξι· δόλον δ' οὔτι προνόησαν.
οἱ μὲν τὰ προϊδόντες ἐπέδραμον, ὦκα δ' ἔπειθα
τάμνοντ' ἀμφὶ βοῶν ἀγέλας καὶ πώεα καλὰ
ἀργεννῶν ὀίων, κτεῖνον δ' ἐπὶ μηλοβοτῆρας.
οἱ δ' ὡς ἐπύθοντο πολὺν κέλαδον παρὰ βουσίν,
εἰράων προπάροιθε καθήμενοι, αὐτίκ' ἐφ' ἵππων
βάντες ἀερσιπόδων μετακίαθον, αἶψα δ' ἵκοντο (525–532)

'Они же быстро пришли, за ними следовало двое пастухов, наслаждающихся свирелью; но не помыслили они никакой хитрости. Одни, увидев это, побежали вперед, быстро разделяя стада быков и прекрасные отары белоснежных овец, убивали пастухов. Другие же, когда узнали о большой схватке вокруг быков, сидя вблизи от места собрания, тут же, отправившись на быстроногих конях, пустились в путь и тотчас пришли'. Этот контекст выделяется среди других своей динамичностью. В нем, в отличие от других, описывается последовательность событий. Действия первого плана выражены

[8] Т.е. никогда не скрывающаяся за горизонтом.

аористами: аорист προγένοντο и фоновый по отношению к нему имперфект ἕποντο, аорист ἐπέδραμον и κτεῖνον (этот имперфект можно истолковать и как длительный, аналогичный βέλε' ἥπτετο, πίπτε δὲ λαός в Il. I 10). В с. 530–532 встречаются только аористы, если к ним присовокупить μετακίαθον. Формы на -θ- в древнегреческом не вполне встроены в систему глагольных времен; они образуют как презенсы, так и претериты. Но можно утверждать, что презенс на -θ- носит терминативный характер, а претерит по значению приближается к аористу [Chantraine 1927; Красухин 2001]. Таким образом, μετακίαθον входит в тот же семантический ряд, что и ἐπύθοντο, ἵκοντο и причастие βάντες. Все эти глаголы обозначают, что действие завершено, и представляют четкую временну́ю последовательность: узнали – вскочили – отправились – пришли. Ситуация в общем эпизоде описания оружия необычна; необычны и глагольные времена, маркирующие ее.

Аорист ἐνεποίησε (в процитированном 490), а также в ἐν δ' ἀγέλην ποίησε βοῶν ὀρθοκραιράων (573) 'и сотворил еще стадо быков прямороги́х', ἐν δὲ νόμον ποίησε περίκλυτος ἀμφιγυήεις (587) 'и сотворил еще стадо (овец) прославленный, крепкорукий' противостоит формульное ἐν δ' ἐτίθει (541; 550; 561; 607). Мы видим, что эти периоды имеют явную формальную и семантическую близость. Все они начинаются префиксом εν, указывающим на местоположение изображенного, за ним следует частица δέ и глагол, отделенный ею от приставки; встречаются и иные устойчивые сочетания. Их назначение – ввести новую часть повествования, описать новое изображение, созданное Гефестом на щите Ахилла. Каждое такое действие имеет и длительность, и завершение. Возможно, выбор той или иной формы объясняется метрическими причинами: ἐν δ' ἐτίθει (¯ ˘˘ | ¯...), тогда как ἐν δ' ἔθηκε дало бы схему (¯ ˘ ¯ ˘...), явно не укладывающуюся в гекзаметр. Аналогично – ἐν δὲ ποίησε (¯ ˘˘ | ¯˘ ...), отличающееся ритмом от ἐν δ' ἐποίει (¯ ˘ ¯ ¯...). Но хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае можно говорить о существенной нейтрализации оппозиции имперфекта и аориста. Как видим, для поэта гораздо важнее совпадение ритмических структур вводящих сказуемых, чем единообразие аспектных форм. По-видимому, нейтрализацией оппозиций можно объяснить и наличие аориста (вместе с плюсквамперфектом) в следующем контексте:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῇσιν μέγα βρίθουσαν ἀλωὴν
καλὴν χρυσείην μέλανες δ' ἀνὰ βότρυες ἦσαν,
ἑστήκει δὲ κάμαξι διαμπερὲς ἀργυρέῃσιν.
ἀμφὶ δὲ, κυανέην κάπετον, περὶ δ' ἕρκος ἔλασσεν
κασσιτέρου· μία δε οἴη ἀταρπιτὸς ἦεν ἐπ' αὐτὴν,
τῇ νίσσοντο φορῆες, ὅτε τρυγόῳεν ἀλοήν (561–566)

'он выковал сильно обремененный гроздьями виноградник, прекрасный, золотой; там были черные кисти. Он стоял, опираясь на серебряные шесты. Вокруг же темного рва он пустил ограду из свинца. В винограднике была одна-единственная тропинка, у которой мылись виноградари, когда обирали виноградник'. Аорист ἔλασσεν передает завершенное действие, противостоящее имперфектам стабильной ситуации. Обращает на себя внимание оптатив τρυγόῳεν, передающий действие, не представленное в изображении, а лишь предполагаемое.

Последний аорист – ἤσκησεν (592). Здесь речь идет о том, что хоровод, изображенный Гефестом, подобен тому, который Дедал сделал для Ариадны в Кноссе. Он передает действие, завершенное к моменту описанных событий. В том же периоде действие Гефеста обозначено имперфектом ποίκιλλε (см. выше).

Динамические же действия, противопоставленные обычным имперфектам, выражены в этом периоде итеративами на -σκο-:

οἱ δ' ὅτε μὲν θρέξασκον ἐπισταμένοισι πόδεσσιν
ῥεῖα μάλ'...
.....
ἄλλοτε δ' αὖ θρέξασκον ἐπὶ στίχας ἀλλήλοισιν (599–602)

'они же тогда бежали ловкими ногами... в разные же стороны они бежали, рядами друг по направлению к другу'. Эти формы играют здесь такую же роль, как имперфекты в обычном аористическом периоде.

После описания щита имперфекты не появляются до конца песни. Все личные глаголы стоят только в аористе, передавая его основное значение: завершенное действие без указания на длительность.

* * *

Но далеко не всегда имперфект передает стабильную ситуацию. Мы уже цитировали Il. XVII 59–60 (κτάνε...ἐσύλα). Очень близок к этому оборот в XVI 125: Ἕκτωρ μὲν Πάτροκλον ἐπεί κλυτὰ τεύχε' ἀπηύρα, ἕλκε 'Гектор оттащил Патрокла, когда забрал его славные доспехи'. Здесь вообще нет аористов[9], тогда как ситуация не может считаться незаконченной. Эти контексты представляли собой камень преткновения для исследователей. Так, Г. Мутцбауэр [Mutzbauer 1888: 45] отмечает, что эти глаголы «едва ли можно определить как имперфект попытки». С его точки зрения, имперфект здесь приближается по значению к аористу. Б. Дельбрюк считает [Delbrück 1897: 306], что в данных случаях, напротив, аорист приближается в значении к «имперфекту попытки».

Для правильного понимания значения имперфекта обратимся к различным контекстам и попытаемся сравнить имперфект с аористом. Переход от аориста к имперфекту наличествует в (Од. XIV 263–265 = Од. XVII 431–434):

οἱ δ' ὕβρι εἴξαντες, ἐπισπόμενοι μένει σφῷ,
αἶψα μάλ' Αἰγυπτίων ἀνδρῶν περικαλλέας ἀγροὺς
πόρθεον, ἐκ δὲ γυναῖκας ἄγον καὶ νήπια τέκνα,
αὐτοὺς τ' ἔκτεινον· τάχα δ' ἐς πόλιν ἵκετ' αὐτή

'они же, дав волю своей гордыне, сразу стали разорять прекрасные поля египетских мужей; жен и малых детей прочь увели, самих же поубивали; быстро она сама в город пришла'. Здесь имперфекты (и это особенно подчеркивает фреквентатив πόρθεον) выражают многократные действия, противостоящие причастию εἴξαντες (действие, характеризующее ситуацию в целом) и ἵκετο (действие однократное и завершенное). Близок к этому, но все-таки несколько отличается имперфектный период в Il. I 50–54:

οὐρῆας μὲν πρῶτον ἐπῴχετο καὶ κύνας ἀργούς,
αὐτὰρ ἔπειτ' αὐτοῖσι βέλος ἐχεπευκὲς ἐφιεὶς
βάλλ'· αἰεὶ δὲ πυραὶ νεκύων καίοντο θαμειαί.
ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο
τῇ δεκάτῃ ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς

'Сперва (стрела Аполлона) полетела в мулов и борзых собак. Затем он тут же стал, выпуская, метать острую стрелу в самих (ахейцев). И все время горели (стали гореть) частые костры с мертвецами. Девять дней по войску летали стрелы бога; на десятый день созвал народ на собрание Ахилл'. Этот период продолжает аористный оборот μετὰ δ' ἰὸν ἕηκεν (48) 'и пустил прочь стрелу'. Ситуация завершенная заменяется повторяющимися. На их частоту указывают и лексические средства: наречие ἀεί 'всегда, все время', прилагательное θαμειαί 'частые'. Этот период тоже имеет ограничение во времени – ἐννῆμαρ 'девять дней', но главное событие – мор ахейцев – этим сроком вовсе не заканчивается. Если можно так выразиться, началом конца его является действие, совершенное Ахиллом – созвать народное собрание (ибо именно там выясняется причина мора – гнев Аполлона, – и принимается решение умилостивить бога). Оно обозначено аористом καλέσσατο, так как вполне завершено. Таким образом, ситуация, выраженная имперфектами, в данном случае мыслится как возникшая после законченного действия;

---

[9] Глагол ἀπαυράω засвидетельствован у Гомера только в форме имперфекта, причастия ἀπούρας, футурума ἀπουρήσουσι. Форма имперфекта выглядит аспектно недифференцированной.

она развивается в определенных временных границах, но не завершается ими. В отличие от контекстов Od. XIV 259–262 = XVII 431–435, здесь различие между аористами и имперфектами можно условно назвать объективным[10], так как оно выражает различие между действительно законченной и незаконченной ситуацией. Рассмотрим еще несколько контекстов с «субъективным» (т.е. встроенным в аористную ситуацию) имперфектом.

τῷ δ' ἔμπνευσε μένος Ἀθήνη,
κτεῖνε δ' ἐπιστροφάδην· τῶν δὲ στόνος ὤρνυτ' ἀεικής,
ἀόρι θεινομένων, ἐρυθαίνετο δ' αἵματι γαῖα (Il. X 482–484)

'гнев внушила ему богиня Афина, и он стал убивать направо и налево, поднимался страшный стон поражаемых мечом, земля краснела от крови';

Πάτροκλος ἐπεὶ οὖν πρώτας ἐπέκερσεν φαλάγγας,
ἂψ ἐπὶ νῆας ἔεργε παλιμπετὲς, οὐδὲ πόληος
εἴα ἱεμένους ἐπιβαινέμεν, ἀλλὰ μεσηγὺ
νηῶν καὶ ποτάμου καὶ τείχεος ὑψηλοῖο
κτεῖνε μεταίσσων, πολέων δ' ἀπετίνυτο ποινήν (Il. XVI 394–398)

'Патрокл же, когда в первый раз рассек фаланги, назад от кораблей прочь стал отбрасывать, чтобы тем, кто бросался (туда) от города, не оказаться там, но убивал (их), устремляясь (вперед), совершал наказание городам'. За этим периодом следуют описания единичных действий Патрокла: Πρόνοον πρῶτον βάλε (399) 'первым сразил Проноя', λῦσε δὲ γυῖα (400) 'развязал завязи', ἔγχει νύξε (404) 'ранил копьем' и т. д. Очевидно, что весь этот материал дает довольно наглядное представление по крайней мере об одной функции имперфекта, о которой речь шла в первой части нашей работы. На наш взгляд, это не imperfectum conatus. Ведь эти глаголы обозначают не побуждение к действию, а само действие. Имперфекты следуют после аориста, значит, начало действия ситуационно выражено. И мы не случайно переводим такие имперфекты оборотом «стал + инфинитив». Подобно этим конструкциям, гомеровские имперфекты могут обозначать начало действия. И, подобно им же, они указывают на развитие действия, но не на его окончание. В этом их отличие от инхоативных аористов. Следует заметить, что одна функция имперфекта, в сущности, не исключает другую. Встретившийся нам в Il. X 483 оборот κτεῖνε ἐπιστροφάδην 'убивал направо и налево' в данном случае встроен в инхоативный период. Вся строка повторяется в Od. XXIV 183–185:

αὐτίκα γὰρ κατὰ δώματ' ἐπισπόμενοι μένει σφῷ
κτεῖνον ἐπιστροφάδην, τῶν δὲ στόνος ὤρνυτ' ἀεικὴς
κράτων τυπτομένων, δάπεδον δ' ἅπαν αἵματι θῦεν

'и сразу же они, в своих домах следуя своей ярости, стали убивать направо и налево; поднимался страшный стон разбиваемых голов, земля задымилась кровью'. Если в первом из сравниваемых контекстов точку отсчета (начало события) задавала личная форма аориста ἔμπνευσε, то здесь – наречие αὐτίκα и причастия ἐπισπόμενοι. Но ввиду отсутствия личной формы аориста значение имперфекта в этом контексте не столь резко начинательно, как в Il. X 483. В обоих случаях наречие ἐπιστροφάδην (образованное от итеративного глагола ἐπιστροφάω) подчеркивает многократность этого действия.

После первого рассмотренного нами периода следует весьма примечательное сравнение:

ὥς δὲ λέων μήλοισιν ἀσεμάντοισιν ἐπελθών,
αἰγέσσιν ἢ οἰέσσι, κακὰ φρονέων ἐπορούσῃ,

---

[10] Конечно, все аспектуальные и временные различия в языке субъективны. В любом случае они выражают прежде всего представление говорящего о событии. Но и в этой субъективности возможна градация: при абсолютной субъективности одно и то же событие описывается различными аспектуально-временными граммемами, а стремление соотнести языковое время с реальной длительностью-завершенностью события свидетельствует о некоторой тяге к объективности.

ὣς μὲν Θρήικας ἄνδρας ἐπῴχετο Τυδέος υἱός,
ὄφρα δυώδεκ ἔπεφνεν... (Il. X 485–488)

'подобно тому, как лев, прийдя в стада, лишенные предводителя, к козам или овцам, набросился (бы), зло задумывая, так сын Тидея стал кидаться на фракийцев, пока не убил двенадцать (человек)'. В протасисе здесь стоит аорист конъюнктива[11], указывающий на завершенность гипотетического действия, в аподосисе же – имперфект. Действие, выраженное им, имеет начало и конец. Но о конце действия говорит аорист (ὄφρα) ἔπεφνεν '(пока не) убил'.

Имперфект также может начинать период:

ἐκ δ' εὐνὰς ἔβαλον, κατὰ δὲ πρυμνήσι' ἔδησαν
ἐκ δὲ καὶ αὐτοὶ βαῖνον ἐπὶ ρηγμῖνι θαλάσσης,
ἐκ δ' ἑκατόμβην βῆσαν εκηβόλῳ Ἀπόλλωνι,
ἐκ δὲ Χρυσηὶς νηὸς βῆ ποντοπόροιο (Il. I 435–438).

'Отбросили они камни (удерживающие корабль), повязали канаты, сами же двинулись к морскому прибою. Отправили гекатомбу далекоразящему Аполлону, Хрисеида же вступила на мореходный корабль'. В данном случае имперфект βαῖνον с его явно инхоативной семантикой одновременно стоит в pendant к аористу ἔβαλον (завершенное vs. начатое новое действие). Но в двух следующих предложениях аористные сказуемые образованы от того же корня βη/βα. Это подчеркивает, что βαῖνον начинает следующий период, а завершенные действия (βῆσαν, βῆ) суть следствия данного, незавершенного. Любопытно, что строки 436–437 точно повторяются в Od. XV 498–499, однако за ними следует: δειπνόν τ' ἐντύνοντο κερῶντό τε αἴθοπα οἶνον (500) 'приготавливали обед и смешивали темное вино'. Союз τε (в противоположность δέ предыдущего контекста) в данном случае указывает на абсолютную равноправность всех действий, а не на причинно-следственные отношения. Неудивительно, что все глаголы здесь стоят в имперфекте.

Сочетание аориста и имперфекта от этого же корня представлено в Od. XI 4–5: ἓν δὲ τὰ μῆλα λαβόντες ἐβήσαμεν, ἂν δὲ καὶ αὐτοὶ // βαίνομεν... 'взяв овец, мы их отправили, пошли и сами'. В этом контексте различие между аористом и имперфектом ослабевает; можно полагать, что различие времен здесь указывает на членимость ситуации.

Мы уже говорили, что начинательное значение свойственно не только имперфекту. Приведем еще примеры ингрессивного аориста: μίσησεν δ' ἄρα μιν δηίων κυσὶ κῦρμα γενέσθαι // Τρῳῇσιν (Il. XVII 272–273) 'не угодно ему стало, чтобы тот стал добычей троянских собак'; аналогично – повторяющаяся формула ὀξὺ νόησε 'крепко задумался' (= начал думать) [Zsilka 1967]. Начинательное значение имеет и аорист βῆ 'он отправился'. Отметим также контекст, где инхоативный аорист по сути равнозначен инхоативному имперфекту: καὶ τότε δὴ θάρσησε καὶ ηὔδα μάντις ἀμύμων (Il. I 92) 'И тогда набрался смелости, и начал говорить прорицатель-защитник'. Но различия имперфекта и аориста в начинательной функции вполне очевидны. Первый указывает на исходную точку действия, но не на его завершение. Наоборот, как мы неоднократно убеждались, начавшееся действие может быть длительным, многократным, в которое вовлечены многие субъекты и объекты. Аорист же и начало действия представляется как компактное, завершенное событие. Это же можно продемонстрировать на материале контекста, где завершительный аорист противостоит начинательному имперфекту. В Il. I 458–474 описывается жертвоприношение и пир, совершенные ахейцами после то-

---

[11] Конъюнктив в общем не обязателен в оборотах сравнения. Здесь он обусловлен особой семантикой вводного союза ὥς δέ; аналогичное значение имеет сочетание ὥς ὅτε и изредка ὥς τε. Эти союзы указывают на то, что действие не относится ни к реальности, ни к волеизъявлению, – о нем просто упомянуто. В Ригведе и Авесте такой модус выражается особой формой инъюнктива – безаугментный глагол с вторичными окончаниями. У Гомера специфическое значение инъюнктива исчезло (или не развилось), поэтому данная функция передается либо конъюнктивом, либо (чаще всего при союзе ὥς ὅτε) – индикативом. См. о семантике этого сочетания [Wackernagel 1953: 257–261; Красухин 2005б].

го как Хрисеида была возвращена отцу. Жертвоприношение характеризуется исключительно аористами: αὐέρυσαν μὲν πρῶτα καὶ ἔσφαξαν καὶ ἔδειραν… ἐξέταμον… ἐκάλυψαν 'Сперва они нагнули (шеи жертвенным животным), и перерезали, и ободрали… освежевали и спрятали' (459–460). Затем следуют периоды с имперфектами: καῖε δ' ἐπὶ σχίζης ὁ γέρων, ἐπὶ δ' αἴθοπα οἶνον // λεῖβε· νέοι δὲ παρ' αὐτὸν ἔχον πεμπώβολα χερσίν (462–463) 'Старец стал зажигать (огонь) факелами и возливать вино; юноши же рядом с ним держали котел'. Множественность имперфектных действий противостоит не единичным, но завершенным событиям, обозначенным аористом. Несколько иной характер имеет противопоставление обоих претеритальных времен в 463–474.

Αὐτὰρ ἐπεὶ κατὰ μῆρα κάη καὶ σπλάγχνα πάσαντο
μίστυλλον τ' ἄρα τἆλλα καὶ ἀμφ' ὀβέλοισιν ἔπειραν
ὤπτησάν τε περιφραδέως, ἐρύσαντο δὲ πάντα.
αὐτὰρ ἐπεὶ παύσαντο πόνου, τετύκοντό τε δαῖτα
δαίνυντ', οὐδέ τι θυμὸς ἐδεύετο δαιτὸς ἴσης (464–468)

'Затем, когда бедра сгорели и внутренности были съедены, они разрубили все остальное и нанизали на вертела, все тщательно прожарили и вытащили (из огня)[12]. Когда же они закончили работу и устроили пир, то стали пировать, и ничья душа не была лишена равной доли'. Аорист, обозначающий законченное действие, здесь явно противостоит имперфекту, указывающему на начало, но не на завершение. Это и последующие события выступают как не имеющие предела. Это не значит, что они не завершены в реальности, но в тексте они волею автора представлены незаконченными. Представляется, что таким образом Гомер добивается разграничения двух периодов: жертвоприношение и приготовление обеда vs. сам обед. В первом случае автору важно подчеркнуть законченность действия, во втором – его продолжительность. Длительность во времени особенно очевидна в последнем глаголе данного периода: ὁ δὲ φρένα τέρπετ' ἀκούων (474) 'он же (Аполлон), слушая, радовался душой'.

Противоположный пример – переход от имперфекта к аористу – можно наблюдать в надписи V века из Метапонта (Аркадия): χαῖρε, ϝάναξ Η(ε)ράκλες/Νικόμαχος μ' ἐπόε̄/ὅ τοι κεραμεύς μ' ἀνεθε̄κε/δὸς δέ ϝ' ἐν ἀνθρόποις/δόξαν ἔχειν ἀγαθάν (GDI 438) 'радуйся, о владыка Геракл! Никомах меня сделал, этот гончар меня установил. Дай же ему иметь добрую славу среди людей!'. Формы имперфекта в посвятительных надписях встречаются крайне редко. И в данном случае она появилась, очевидно, потому, что одна ситуация («Никомах меня посвятил») представлена двумя событиями: 1) Никомах сделал; 2) гончар (очевидно, то же лицо) посвятил. Имперфект ἐποίει указывает на то, что действие еще не окончено, а его субъект только замышляет о его завершении. Завершение же передано аористом ἀνεθῆκε[13]. Этот же имперфект встретился еще в нескольких посвятительных надписях:

Ηιυιοῦ Τλασιάϝο Μενεκράτεος τόδε σᾶμα
'Οιάνθεος γενεάν· τόδε τ' αὐτῶι δᾶμος ἐποίει
.....
Πραξιμένε̄ς δ' αὐτῶι γ[αία]ς ἀπὸ πατρίδος ἔνθον (5)
σὺν δάμ[ο]ι τόδε σᾶμα κασιγνέθοιο πονε̄θε̄ (GDI 3188) 'Этот памятник – Менекрата, сына Тласия из рода Эанта. Его сделал (impf.) народ. Праксимен, из отчей земли придя, ему вместе с народом этот памятник родственнику поставил'. Форма πονε̄θε̄ представляет собой аористоподобное образование, распространенное в эпическом языке: ср. ἔχω – ἔσχεθε, κίω – μετακίαθον. В общегреческий язык вошел аорист επαθον < *ε-πν-θ$^{\varepsilon}/_{o}$- [Красухин 2001]. И здесь этот глагол указывает на завершение ситуации, тогда как имперфект ἐποίει характеризует ее лишь в общем, как еще не оконченную.

---

[12] Имперфект μίστυλλον поставлен, очевидно, metri causa. Кроме того, аорист от этого глагола у Гомера вообще не засвидетельствован.

[13] Мы приблизили написание этих форм к аттической норме. Их фонетический облик, очевидно, выглядел так: /epó^{i}ē/ и /anet^{h}ēke/

* * *

Отметим еще одну любопытную черту, характеризующую взаимоотношения имперфекта и аориста. Первый из них, как правило, вводит речи, тогда как второй их завершает. В первой позиции возможен и аорист, тогда как во второй он не встречается. Обратимся к фактическому материалу. Для рассмотрения были избраны первая песнь Илиады и первая – Одиссеи, ибо они особенно насыщены диалогами. В зачинах речей наблюдаются следующие времена.

1) Аорист: τὸν δ' αὖτε προσέειπε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη (Il. I 206 = Od. I 177) 'и тут же ему сказала совоокая богиня Афина'; ἀλλ' ὁ γ' Ταλθύβιόν τε καὶ Εὐρυβάτην προσέειπεν (Il. I 320) 'но он сказал Талфибию и Эврибату'. Иногда фигурируют два глагола в аористе: (Κάλχας) ...ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν '(Калхас) заговорил и вымолвил' (вторая часть повторяется в Il. I 253: ὁ σφιν ἐὺ φρονέων ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν 'сочувствуя им, он (Нестор) заговорил и вымолвил'); αὐτὰρ ὁ δ' ἔγνω ῇσιν ἐνὶ φρεσὶν φώνησέν τε (Il. I 334) 'узнал их в своей душе и сказал'.

1a) В группе контекстов, близких по значению к предшествующим, личная форма глагола в аористе сочетается с аористным же причастием: τὸν δ' ἄρ' ὑπόδρα ἰδὼν προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il. I 146) 'взглянув исподлобья, сказал быстроногий Ахилл'; τὴν δὲ μέγ' ὀχθήσας προσέφη νεφεληγερέτα Ζεύς (Il. I 517) 'ей, сильно опечалившись, вымолвил тучегонитель Зевс'; αὐτὰρ Τηλέμαχον προσέφη γλαυκῶπις Ἀθήνη // ἄγχι σχὼν κεφαλήν, ἵνα μὴ πυθοίαθ' οἱ ἄλλοι (Od. I 156–157) 'тут же Телемаху сказала совоокая дева Афина, приблизив к нему голову, чтобы не услышали другие'. Первая часть этого предложения близка по лексическому составу к Il. I 206: в обоих случаях частица αὖτε/αὐτάρ 'тут же' подчеркивает спрессованность времени, характерную для аориста;

1b) Но чаще аористный глагол сочетается с презентными причастиями: τὸν/τὴν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη (Il. I 84 – πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς = 215, 285 – κρείων Ἀγαμέμνων, 560 – νεφεληγερέτα Ζεύς = Od. I 62) 'на смену ему/ей сказал (быстроногий Ахилл, владыка Агамемнон, тучегонитель Зевс)'. Другие сочетания: τοῖσι δ' ἀνιστάμενος μετέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il I 58) 'Встав между ними, высказался быстроногий Ахилл'; Κάλχαντα... κακ' ὀσσόμενος προσέειπεν (Il. I 105) 'зло глядя на Калхаса, сказал'; πολλὰ δὲ μητρὶ φίλῃ ἠρήσατο χείρας ὀρεγνύς (Il. I 351) 'жарко взмолился любимой матери, простирая руки'; τὴν δὲ βαρὺ στενάχων προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεὺς (Il. I 364) 'тяжко стеная, сказал ей быстроногий Ахиллес'; λισσομένη προσέειπε Δία Κρονίωνα ἄνακτα (Il I 502) 'умоляя, обратилась она к владыке Зевсу Крониону'. Все эти причастия условно можно разбить на две группы: 1. Причастия со значением 'говорить, издавать звуки, высказываться': στενάχων 'стенающий', λισσομένη 'умоляющая'; они модифицируют значение глагола. Из них наименее семантически насыщено, конечно, λισσομένη: στενάχων может рассматриваться и как дополнительное действие. 2. Причастия со значением добавочного действия: ἀνιστάμενος 'встающий', ὀσσόμενος 'глядящий', ὀρεγνύς 'простирающий'. Примечательно, что такое же значение имеют и почти все аористные причастия. Можно поспорить, конечно, о функции ὀχθῆσας, которое характеризует настрой говорящего. Но совершенно очевидно, что оно не образует конструкцию ἓν διὰ δις, подобно λισσομένη. И особняком стоит причастие ἀπαμειβόμενος 'сменяющий', которое может трактоваться и как характеризующее, и как добавочное.

2) В той же позиции распространен и имперфект. Наиболее часто встречается глагол ἠμείβετο: τὸν/τὴν δ' ἠμείβετ' ἔπειτα (Il. I 121 – ποδάρκης δῖος Ἀχιλλεύς, 172 – ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, 413 – Θέτις κατὰ δάκρυ χέουσα, 544 – πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε, 551 – βοῶπις πότνια Ἥρη, Od I 80 – θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη) 'затем сменил (= ответил) его/ее (крепконогий божественный Ахилл, владыка мужей Агамемнон, Фетида, проливая слезы, отец мужей и богов, волоокая владычица Гера, совоокая богиня Афина)'. Весьма показательно сравнение этого оборота с рассмотренной выше формулой ἀπαμειβόμενος προσεφη: то, что в одном высказывании выражалось сочетанием причастия с глаголом, передается в другом единым глаголом с имперфектом. Из этого напрашивается вывод: имперфект в данной позиции сочетает в себе значение презентного прича-

стия и аористной личной формы. Вряд ли из этого можно делать напрямую вывод о том, что имперфект может иметь значение краткого или завершенного действия. Но фиксация начала действия без указания на его завершение – это одно из важных значений имперфекта. В причастных оборотах идея начала действия и его протяженности во времени передается презентным причастием, тогда как аорист указывает на его завершение. Но это не является основным значением глагольной формы в данном контексте. Пользуясь терминологией функциональной грамматики, можно сказать, что значение начинательности и длительности действия здесь базовое, а завершенности – фоновое.

Поэтому аористу (προσ-, μετ-)ἔφη может соответствовать имперфект (προσ-, μετ-) ηὔδα: αὐτίκα κερτομέοισι Δία Κρονίωνα προσηύδα (Il. I 539) 'И тут же язвительно сказала Зевсу Крониону'; τὸν δ' αὖτ' Εὐρύμαχος, Πολύβιου παῖς ἄντιον ηὔδα (Od. I 399) 'И тут же ему Эвримах, сын Полибия, с возражением сказал'. В обоих контекстах присутствует частица со значением 'тут же' (αὐτίκα/αὖτε), а характеристика действия выражена не причастиями, а наречиями. Это подтверждает мысль о том, что именно имперфект синтезирует в себе основные значения данной ситуации – введения в речь, – и может характеризовать ее и без дополнительных глаголов. Приведем и другие самостоятельные имперфекты: ἀλλὰ κακῶς ἀφίει, κρατερὸν δ' ἐπὶ μῦθον ἔτελλεν (Il. I 25) 'но со злобой прогнал (Хриса Агамемнон), суровое слово вымолвил'; πολλὰ δ' ἀπανεῦθε κιὼν ἤραθ' ὁ γεραιός (35) 'далеко прочь уйдя, взмолился старец'; ὣς ἐχετ' ἐπεμφυῖα καὶ εἴρετο δεύτερον αὖτις (513) 'так (Фетида) держалась, прильнув, и (за)говорила вторично'. Эти процессуальные имперфекты противопоставлены предшествующему моментивному аористу ἥψατο γούνων (512) 'обхватила колени'.

Но и имперфект часто сочетается с причастиями; в некоторых из приведенных контекстов наличествовали презентные причастия, однако чаще он сочетается с причастиями аориста. Здесь нужно отметить прежде всего формулу καί μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα (Il. I 201; Od. I 123). Это типичный ἓν διὰ δίς (выражение одной мысли двумя словами), по смыслу аналогичный формуле ἀπαμειβόμενος προσέφη. Их объединяет то, что одно действие выражено здесь причастием и глаголом; но в данном случае причастие выражает законченность, а личная форма – протяженность. Лексическое же значение причастия φώνησας и глагола προσηύδα почти одинаково. В других же контекстах причастие, как правило, сообщает дополнительное значение. Некоторые из причастий указывают речевую или мыслительную деятельность, другие – на физическую. К первой группе отнесем: (Πηνελοπεία) δακρύσασα δ' ἔπειτα προσηύδα θεῖον ἀοιδόν (Od. I 336); τοῦ δ' ἐπιμνησθεὶς ἔπε' ἀθανάτοισι μετηύδα (Od. I 31) 'вспомнив о нем, молвила слово (Афина) бессмертным'; τὸν δ' ἐπαλαστήσασα προσηύδα Παλλὰς Ἀθήνη (Od. I 253) 'вознегодовав, сказала ему Афина Паллада'. Ко второму типу относится Il. I 450: Χρύσης μεγάλ' εὔχετο χείρας ἀνασχών 'Хрис жарко взмолился, простирая руки'. Наконец, в Одиссее встретилась формула, где имперфект сочетается с причастием перфекта: τὸν/τὴν δ' αὖ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἄντιον ηὔδα (213, 230, 306, 345, 388) 'ему Телемах разумный в ответ сказал'. Перевод πεπνυμένος дается по словарям; в этом случае оно совершенно утратило специфически причастное значение и превратилось в прилагательное. Но можно его интерпретировать и как 'вздохнувший' (πνέω 'дышать'). В таком случае причастие должно сохранять значение перфекта: прошедшее, продолжающееся в настоящем, точнее говоря, в точке референции. При этом же подлежащем встретилось не совсем обычное в данных конструкциях сказуемое: τοῖσι δὲ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἤρχετο μῦθον (Od. I 367) 'и им разумный Телемах начал говорить (дословно – начал слово)'. Здесь эксплицитно выражен инхоативный характер имперфекта, который, как мы могли убедиться, является одной из важных его функций. Такая же конструкция с заменой существительного на инфинитив – τοῖσιν δ' Ἥφαιστος κλυτοτέχνης ἦρχ ἀγορεύειν (Il. I 571) 'им славный ремеслом Гефест начал говорить'[14].

---

[14] Различие в залогах (медий ἤρχετο – актив ἦρχε) здесь не играет никакой роли. Так же равнозначны активный аорист ἔφη и медиальный ἔφατο 'он сказал' (см. ниже). Именно в данном случае можно говорить о нейтрализации оппозиции действительного и среднего залога.

3) Наконец, в некоторых вводных конструкциях встречаются имперфект и аорист. Второй из них может характеризовать как глагол речи, так и другой глагол. Ср. 1) καὶ ὁ γάρ ἦλθε θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν… καὶ λίσσετο πάντας Ἀχαιούς (Il. 12–15) 'И вот (Хрис) пришел к быстрым кораблям ахейцев, и стал умолять всех ахейцев'; καὶ τότε δὲ θάρσησε καὶ ἠύδα μάντις ἀμύμων (Il. I 92) 'и тогда решился и заговорил прорицатель'; 2) Ἀτρείδην προσέειπε καὶ οὐπω λῆγε χόλοιο (Il. I 92) 'К Атриду (Ахилл) обратился и не утихомирил гнев'; ἔπος δ' ἔφατ, ἐκ δ' ὀνόμαζεν (Il. I 361) 'сказала слово, обратилась к нему'. В этих предложениях аорист характеризует первое и более раннее действие, имперфект – второе. Иначе говоря, здесь можно говорить о том, что аорист, как и в некоторых ведийских контекстах, обозначает «предпрошедшее», т.е. прошлое событие, предшествующее другому прошедшему. А поскольку у Гомера аспектуальные значения временных форм хорошо сохраняются, то мы можем проследить механизмы развития этого значения. Глагол краткого и завершенного события, в чьей семантике наличествует идея конца, в противопоставлении глаголу недетерминированному (в терминологии Я. Сафаревича [Safarewicz 1965]) приобретает значение предшествования. Схематически это можно выразить так:

(аорист)

- - - - - - - - - - - - -

(имперфект)

(ось времени)

В других случаях глагол в имперфекте может предшествовать аористному:

…δέπας ἀμφικύπελλον
μητρὶ φίλῃ ἐν χειρὶ τίθει καί μιν προσέειπεν (Il. I 584–585)

'двучашный кубок передал в руку любимой матери и сказал ей'. Здесь, очевидно, соотношение аориста и имперфекта несколько иное. Первый обозначает фон, на котором развертывается действие второго. Речь идет о том, что начало имперфектного действия одновременно с аористным или предшествует ему, а конец, в отличие от аориста, не подразумевается. В том, что предложенная интерпретация верна, убеждает другой контекст, где строчка 585 почти полностью повторяется: …τὴν… // πατρὶ φίλῳ ἐν χερσὶ τίθει, καί μιν προσέειπεν (440–441) 'ее (Одиссей) передал в руки любимому отцу и сказал ему'. Продолжительность действия, обозначенного имперфектом τίθει, подтверждается его наличием в завершении речи: ὣς εἰπὼν ἐν χερσὶ τίθει (446) 'так сказав, он передал в руку': говорение протекло на фоне передачи. Изобразим схематически эти взаимоотношения так:

Таковы речевые зачины Илиады и Одиссеи.

Что же касается завершений речи, то в них почти не встретился имперфект. Самая стандартная формула – ὣς φάτο (перед согласным)/ὣς ἔφατ' (перед гласным), ср. ὣς φάτο εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος Ἀπολλών (Il. I 43 = 457) 'так он сказал, умоляя, и по-

слушал его Феб Аполлон'; ὥς φάτο δάκρυ χέων, τοῦ δ ἔκλυε πότνια μήτηρ (357) 'так он сказал, проливая слезы, и послушала его владычица мать'. Один раз встретился глагол в активном залоге: ὥς ἄρ ἔφη (Il. I 584). Как мы отмечали, залоговая оппозиция в данном случае полностью элиминирована. После этого завершения часто следуют сочиненные предложения, соединенные либо конъюнкцией, либо противопоставлением. Глагол в них стоит по большей части в аористе: ἔδεισεν δὲ γέρων (Il. I 33) 'старец же испугался' (в Il. I 560 – βοῶπις πότνια Ἥρη 'волоокая владычица Гера'); Πηλείωνι δ' ἄχος γένετο (Il. I 188) 'у Пелида же гнев родился', ὥς φάτο Πηλείδης ποτὶ δὲ σκῆπτρον βάλε γαῖαν (Il. I 245) 'так сказал Пелеид, посох же бросил на землю'; τὴν δ' οὔτι προσέφη νεφεληγερέτα Ζεύς 'но ничего не ответил ей тучегонитель Зевс' (это можно назвать отрицательным зачином, – он указывает на неосуществление речевого акта); μείδησεν δὲ θεὰ, λευκώλενος Ἥρη (Il I 595) 'улыбнулась белолокотная богиня Гера'. Значительно реже встречается имперфект: ὥς ἔφατ', οἱ δ' ἄρα πάντες ὀδάξ ἐν χείλεσι φῦντες // Τηλέμαχον θαύμαζον, ὁ θαρσαλέως ἀγόρευεν (Od. I 381–382) «так он сказал; они же, закусив губы, дивились Телемаху, который дерзко говорил». Различие между действиями, представленными как завершенное и незавершенное, здесь очевидно. Говорящий закончил речь, слушающие продолжали удивляться, и говорение в их памяти тоже предстает как продолжающееся.

В другом контексте представлены особенно характерные сочетания презенсов и аористов. Необходимо рассмотреть как зачин, так и завершение речи: А.

τὼ γὰρ ταρβήσαντε καὶ αἰδομένω βασιλῆα
στήτην, οὐδέ τι μὲν προσεφώνεον οὐδ' ἐρέοντο
αὐτὰρ ὁ ἔγνω ῆσιν ἐνὶ φρεσὶ φώνησέν τε (Il. I 321–323)

'Оба они, боясь и смущаясь царя, остановились, ничего не произносили и не говорили. Он же их узнал в своей душе и обратился к ним'.

Имперфекты προσεφώνεον и ἐρέοντο, как представляется, выражают в данном случае неуверенность: посланцы Агамемнона ничего не говорили, т. к. не знали, что им сказать. И эта незавершенность противостоит аористам законченного действия ἔγνω и φώνησεν. В окончании же речи подобный же аорист противостоит начинательному имперфекту: В.

ὥς φάτο, Πάτροκλος δὲ φίλῳ ἐπεπείθεθ' ἑταίρῳ (345)

'так он сказал, и Патрокл послушался милого друга'.

Вслед за имперфектным началом идут аористы завершения:

ἐκ δ' ἄγαγε κλισίης Βρισῆϊδα καλλιπάρῃον
δῶκε δ' ἄγειν (345–346) 'вывел из палатки прекрасноланитную Брисеиду, дал ее увести'[15].

Таким образом, имперфект и аорист используются Гомером для построения глагольных цепочек на оси времени, в которых в зависимости от характера ситуации и интенции автора может акцентироваться начало/протекание/конец действия, его завершенность/незавершенность, нахождение на первом или втором плане внимания говорящего.

Наконец, и в окончаниях речи говорение выражено причастиями (исключительно аористными); главный же глагол предложения может стоять как в аористе, так и в имперфекте. А. ὥς ἄρα φώνησας ἀπεβήσετο, τὸν δ' ἔλιπ' αὐτοῦ// χωόμενον… (Il. I 428–429) 'так промолвив, она отправилась, оставив его там же, гневающегося'[16]. Здесь противопоставление аористного и имперфектного причастия достаточно четко: первое обозначает завершенное действие, второе – длящееся и незавершенное. Ср. также: ὥς εἰποῦσ' ὑπὸ ποσσὶν ἐδήσατο καλὰ πέδιλα (Od. I 96) 'так сказав, повязала под ступнями красивые сандалии'. В. ὥς εἰπὼν προΐει, κρατερὸν δ' ἐπὶ μῦθον ἔτελλεν (Il. I 326) 'так сказав, он пошел вперед, вымолвил суровое слово'. Перед нами довольно редкий пример имперфек-

---

[15] Отметим, что аорист δῶκε управляет инфинитивом презенса, который указывает на событие, начавшееся после окончания действия аориста и не представленное в его завершении.

[16] Строка 428 повторяется в Il.II 35.

та в абсолютном заключении речи. Чем вызвано его появление? Можно предложить несколько объяснений. Во-первых, данный полустих повторяется в ст. 25. Ее можно рассматривать как своего рода введение в конфликтную ситуацию: Агамемнон отказывается отдать дочь Хрису, из-за чего на греков обрушился гнев Аполлона. В ст. 326 содержится разрешение этой ситуации и одновременно завязка новой: Агамемнон соглашается вернуть Хрисеиду отцу и одновремено требует себе взамен наложницу Ахилла, из-за чего проистекут новые несчастия для ахейцев. Эта взаимосвязь и передается формульным сочетанием κρατερὸν δ' ἐπὶ μῦθον ἔτελλεν. Во-вторых, имперфект ἔτελλε указывает на событие, предшествующее тому, что описано в аналитической конструкции ἐιπὼν πρόϊει. В дальнейшем мы еще столкнемся со способностью имперфекта выражать предшествование в претерите. Но, безусловно, можно сказать о том, что оппозиция имперфекта и аориста в данном контексте заметно ослабела.

Еще одно сочетание аористного причастия говорения с глаголом добавочного действия в имперфекте тоже по-своему примечательно: ὥς εἰπὼν ἡγεῖθ', ἡ δ' ἕσπετο Παλλὰς Ἀθήνη (Od. I 125) 'так сказав, он пошел вперед, ему последовала Афина Паллада'. Имперфект ἥγειτο здесь явно носит начинательный характер, но то же можно сказать и об аористе ἕσπετο. И здесь мы сталкиваемся с особенностью ситуационной семантики аспекта: начинательное незаконченное действие начинает ситуацию, тогда как начинательное завершенное действие ее заканчивает. Проиллюстрируем и это взаимоотношение схемой:

Отметим также своеобразное сочетание глагола и причастия в Il. I 304–305: ὥς τώ γ' ἀντιβίοισι μαχησαμένω ἐπέεσσιν // ἀνστήτην, λῦσαν δ ἀγορήν... 'вот так они вскочили, сражаясь словами, собрание же (тем временем) закрыли'. Аористы личных и причастных форм указывают на то, что действие завершено.

Первые песни «Илиады» и «Одиссеи» предоставили материал, который можно назвать каноническим. Поэтому теперь, не претендуя на полноту, отметим в других песнях те элементы речевых зачинов и завершений, которые отличаются от рассмотренных выше. Во-первых, в одном контексте встретился аорист от корня αυ-: αὐτὰρ ὁ μακρὸν αὖσε ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων (Il. III 81) 'и тут же громко крикнул владыка мужей Агамемнон'. Аорист αὖσε образован от звукоподражательного в своих истоках глагола αὔω; его другой вариант – αυδα- – нам уже известен. Как можно было видеть выше, он часто употребляется либо с именем объекта (ἔπεα), либо с обстоятельственным (κερτομέοισι). Эти плюральные имена подчеркивают длительность действия. Аорист же ause лишен указания на это. С одной стороны, его лексическое значение менее определено, чем у варианта αὐδάω ('кричать' vs. 'говорить, издавать членораздельный звуки'), с другой – его грамматическое (аспектуальное) значение не допускает плюральных термов. Оппозиция αὖσεν и ηὔδα диагностирует тонкие различия между имперфектом и аористом.

Плюральность может быть выражена и глаголом: ὥδε δέ τις εἴπεσκεν ἰδὼν ἐκ πλησίου ἄλλος (Il. II 271) 'так кто-то иной говорил (= мог бы сказать), увидев (это) вблизи'. Первый полустих повторен также в Il III 297 и 319: ὥδε δέ τις εἴπεσκεν Ἀχαιῶν τε Τρώων τε 'так кто-то говорил (= мог бы сказать) из ахейцев и троянцев'. Здесь мы сталкиваемся с довольно своеобразным образованием: формой на -σκ- от основы аориста. В первой части нашей работы мы отмечали, что глаголы на -σκ- в общеиндоевропейском языковом состоянии образовались от корней с 0 ступенью вокализма; поэтому аорист-

ное φύγεσκεν более архаично, чем презентное φεύγεσκεν. Но в гомеровском языке есть -σκ-глаголы, образованные от чисто аористных основ, к примеру, редуплицированных (как в данном случае[17]) и сигматических. В общем, их значение определяется так: повторяющиеся действия, завершенные к моменту речи. В данных контекстах множественность действия связана с неопределенным субъектом: 'говорил кто-то (один, а может быть, и многие) из массы'. Мы уже сталкивались с тем, что действие, производимое многими субъектами, передается имперфектом; суффикс -σκ- в этом отношении более специфичен. Завершение же речи маркируется аористами во множественном числе: ὥς ἔφαν (302)/ ὥς ἄρ ἔφαν (324) 'так они сказали'. Глагол же на -σκ- здесь приобретает, помимо плюральности, то слабое значение долженствования, о котором писал Б. Дельбрюк[18].

Плюральность и слабая модальность характерны для глаголов на -σκ- в следующих контекстах:

ὅν τινὰ μὲν βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα κιχείῃ
τὸν δ' ἀγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς (Il. II 188–189)

'и какого бы царя или знатного мужа он ни встретил, к каждому обращался с добрыми словами';

ὃν δ' αὖ δήμου ἄνδρα ἴδοι βοόωντά τ' ἐφεύροι,
τὸν σκήπτρῳ ἐλάσασκεν ὁμοκλήσασκε τε μύθῳ (Il. II 198–200)

'и какого бы человека из народа он ни видел, ни находил кричащего, каждого он толкал скипетром и окликал словом'. В обоих контекстах вводное придаточное предложение имеет сказуемое в оптативе. Это наклонение обозначает в данном случае не пожелание, а возможное положение дел, осуществление которого эксплицитно не выражено. Оно все-таки реализуется, но не одновременно во всех фрагментах ситуации, а в отдельных, заранее не определенных. Эту множественность подчеркивают аористные мультипликативы ἐρητύσασκε, ἐλάσασκε и ὁμοκλήσασκε. Модальность этих глаголов становится более выраженной благодаря соседству оптатива. Что же касается законченности аористных глаголов на -σκ-, то она становится очевидной по контрасту с имперфектными: τὼ γὰρ νεικέεσκε (Il. II 220) 'и он их часто порицал'.

Отметим еще несколько «нестандартных» глаголов в речевых зачинах. Эти глаголы обозначают не только и не столько говорение, сколько дополнительное действие или важную характеристику речи: τοὺς ὁ γε συγκάλεσας πυκινὴν ἠρτύνετο βουλήν (Il. II 55 = X 302) 'и созвав их, он представил (дословно – сладил) мудрый совет'; αὐτὰρ ὁ μακρὰ βοῶν Ἀγαμέμνονα νείκεε μύθῳ (Il. II 224) 'и тут же, громко крича, стал укорять Агамемнона словом'; τῷ ὦκα παρίστατο δῖος Ὀδυσσεὺς // καί μιν ὑπόδρα ἰδὼν χαλεπῷ ἠνίπανε μύθῳ (244–245) 'быстро подошел к нему божественный Одиссей и, взглянув на него исподлобья, порицал его словом'. Оба контекста относятся к одной ситуации – ссоре Терсита и Одиссея; но в первом случае мы находим имперфект, во втором – аорист от презенса ἐνίπτω. Аспектуальные различия в данном контексте приобретают немаловажную смысловую нагрузку. Речь Терсита не завершена никаким действием, так как сразу прервана выступлением Одиссея. Это подчеркнуто наречием ὦκα при предшествующем имперфектном глаголе παρίστατο, указывающем на начало действия. Аорист ἠνίπανε, таким образом, указывает на завершенность вводимой им ситуации, начатой παρίστατο. Но, поскольку речь Одиссея заканчивается действием, завершающим всю макроситуацию (выступление Терсита – ответ Одиссея), постольку этот конфективный аорист корреспондирует с моментивным: ὣς ἄρ' ἔφη, σκήπτρῳ δὲ μετάφρενον ἠδὲ καὶ ὤμω // πλῆξεν (265–266) 'Так он сказал и ударил его скипетром по спине и плечам'.

Иногда имперфект речевого зачина может появляться в цепочке иных имперфектов:

---

[17] εἶπον < *(ε-)ϝε-υπον, ср. др.-инд. *ávocam* < **e-ve-ukᵘom*.

[18] Косвенным подтверждением этой слабой модальности может служить то, что формы на -σκ- у Гомера никогда не употребляются с аугментом, хотя всегда обозначают прошлое.

κήρυκες δ' ἀνὰ ἄστυ θεῶν φέρον ὅρκια πιστά...
...φέρε δὲ κρατῆρα φαεινὸν
κῆρυξ Ἰδαῖος ἠδὲ χρύσεα κύπελλα
ὤτρυνεν δὲ γέροντα παριστάμενος ἐπέεσσιν (Il. III 245–249)

'вестники из города понесли подлинные жертвы богам... (по)нес вестник Идей сияющую чашу и золотые кубки; встав рядом со старцем, обратился к нему со словами'. Совершенно особый случай – наречие αἶψα при имперфекте: δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεε ὃν πατέρ' αἶψα (Od. XIX 35) 'тогда Телемах вдруг сказал своему отцу'. Аналогично: αἶψα δὲ Τελέμαχον προσεφώνεε, ὃν φίλον υἱόν (Od. XXIV 505) 'Неожиданно сказал он Телемаху, своему отцу'. Наречие «внезапно», казалось бы, должно характеризовать аорист, оно вводит метаптотическую ситуацию. Имперфект здесь можно объяснить только одним: наречие указывает на начало ситуации, но не на ее конец.

Т.о., можно утверждать, что именно в этой позиции (характеристика высказывания) противопоставление имперфекта и аориста нейтрализуется. Думается, что это позволяет пролить свет на значение глагольных времен у Гомера. Имперфект обозначает действие, длящееся во времени и незавершенное, аорист – действие недлительное и завершенное, т.е. неактуальное к моменту речи. Ясно, что законченный и воспроизведенный в тексте речевой акт представлен как событие, протяженное во времени, но завершенное к моменту речи. Поэтому он может быть введен и аористом, и имперфектом. Вообще, эта особенность глаголов речи, не отраженная в литературе, посвященной теории речевых актов, характерна не только для гомеровского греческого. Так, в русском языке вполне допустим ввод *Он говорил мне '...'/ Он сказал мне '...'* Видимо, это связано с общим характером речевого акта. Напротив, окончание речевого акта не может быть длительным, и всегда завершено. Оно описывается только аористом. Иногда это обстоятельство подчеркивается и лексически. Так, во всех рассмотренных нами контекстах выражение ἔπεα πτερόεντα сочетается только с имперфектом. «Крылатое слово» – то, что обладает способностью лететь от говорящего к слушающему, и имперфект, очевидно, описывает этот воображаемый полет. Сравним это с Od. XIX 29: ὥς ἄρ ἐφώνησεν, τῇ δ' ἄπτερος ἔπλετο μῦθος 'так он сказал, и слово у нее стало бескрылым (т. е. прекратилось)'.

Тип ситуации обуславливает не только значение грамматической формы, как справедливо указывал Руйперес, но и ее морфологию. Подчеркнем еще раз. Речевой зачин может рассматриваться как законченный фрагмент, но он подразумевает и протяженное во времени произнесение речи. Эта амбивалентность выражается и грамматически, возможностью присутствия презенса и имперфекта. Речевой конец однозначен, в нем присутствует только одно глагольное время.

Итак, суммируем. Имперфект у Гомера обладает следующими характеристиками: длительность, темпоральность, незавершенность, стабильность. Надо полагать, что в оппозиции к аористу имперфект является маркированным членом. На этом основании мы можем характеризовать глагольную систему Гомера следующим образом. Настоящее время в ней является сферой длительности и незавершенности, тогда как прошлое мыслится как неактуальное к моменту речи, следовательно, лишенное категории длительности, прекращенное к моменту речи. Поэтому для выражения протекания, развертывания события в прошлом требуется маркированное время.

Нечто похожее мы можем наблюдать в старых русских текстах. Так, в былинах ввод речи часто выглядит так: *Говорил тут Еким Иванович; Говорил ему Алеша Попович млад; Говорил таковое слово* (Кирша 99). В подобном контексте редок совершенный вид сказал: *А слово сказал им ласковое* (Кирша 177). Любопытно, что объектом при этом глаголе служит имя, а не предложение речи, как в предыдущих случаях. Совершенный вид в сознании говорящего скорее связан с вневременным объектом слово, а не развернутым во времени высказыванием. Изредка встречается и глагол *молвил*. Он засвидетельствован в сравнительно поздней былине «А жил-был дурень», где высказывания вводятся оборотом *Он ему/им и молвил*. Совершенный вид во вводном предложении встречается там, где значение глагола не сводится только к 'говорить': *И увидел Туга-*

рин Змеевич Алешу Поповича/Заревел зычным голосом (Кирша 105); *Сх(в)атилася молода княжна/Молода княжна Анна Романовна: «Ты гой еси, сударь мой батюшка,/А князь Роман Васильевич!»* Можно утверждать, что вводный безобъектный глагол говорения в зачине носит процессуальный характер. Если же у него появляется дополнительное значение, или высказывание сворачивается в объект-имя, он трактуется как выражающий завершенное действие. Таким образом, аспектная система гомеровского греческого и древнерусского языков обнаруживают несомненное типологическое сходство.

Противопоставление имперфекта и аориста также часто встречается в тексте в послегомеровском греческом. Ему во многом посвящена цитированная работа К. Штрунка [Strunk 1971]. Как мы отмечали, Штрунк исходит из того, что в классическом греческом маркированным является все-таки аорист. И его наличие должно носить особую семантику. Штрунк применяет к греческому материалу так называемую «схему начала» (Inzidenzscheme): глагол несовершенного вида обозначает развитие ситуации или события, начало которых обозначено глаголом совершенного вида [Dressler 1968: 44–45]. Во французском языке встречаются такие обороты: *L' ordre semblait régner. Tout à coup une révolution éclata* 'Казалось, что порядок утвердился. (Но) внезапно разразилась революция', где imparfait *semblait* указывает на ситуацию, выглядящую стабильно, а passé simple *éclata* – на ее резкое изменение. Так же соотносятся имперфект и аорист в древнегреческом, если они встречаются в одном предложении [Chantraine 1953: 193; Strunk 1971: 201–202]: (a) πυρκαίη ἐμαραίνετο, παύσατο δὲ φλόξ (Il. XXIII 228) 'костер выгорел, погасло пламя'; (b) οἱ γὰρ ἐκ τῶν νήσων κακοῦργοι ἀνέστησαν ὑπ' αὐτοῦ, ὅτεπερ καὶ τὰς πολλὰς αὐτῶν κατῴκιζε (Thuk. I 8, 2) 'разбойники с островов поднялись против него, когда он занимал большую часть (из островов)'. Это напоминает гомеровское ἔνθα… τὰς μὲν // Κρήτῃ ἐπέλασσεν, ἦχι Κύδωνες ἔναιον (Od. III 292) 'он эти (корабли) направил на Крит, где обитали кидонцы'. Ср. и процитированные (c) Μενέλαος ἐπεὶ κτάνε, τεύχε' ἐσύλα (Il. XVII 60) 'Менелай, когда убил, стал снимать доспехи'; (d) θάρσησε καὶ ηὔδα (Il. I 92) 'набрался смелости и стал говорить'. В accusativus cum infinitivo эта схема встречается у Геродота: (e) τὸν δ' Αἰθίοπα βασιλεύειν Αἰγύπτου ἐπ' ἔτεα πεντήκοντα, ἐν τοῖσι τάδε ἀποδέξασθαι (Hdt. II 137, 2) 'эфиоп правил Египтом 50 лет, в течение которых он захватил следующее'. К. Штрунк отмечает, что в этих примерах аорист выступает как немаркированное недлительное время, а имперфект – как маркированное длительное. Это справедливо, но понятие семантической маркированности и немаркированности зависит от принципа описания. Можно сказать так: аорист имеет значение точечности, которого не имеет имперфект; аорист указывает на главное событие, имперфект – на второстепенное[19]. Из этих примеров видно, что взаимоотношение времен в общей схеме различно. Имперфект может обозначать зачин, аорист – завершение (d, e); аорист может указывать на законченное событие, имперфект – на начало нового, явившегося следствием завершенного (c), наконец, время имперфекта может, если так выразиться, окружать аористное и служить стабильным фоном для поменявшейся ситуации (b). Наконец, имперфект может обозначать предшествующее событие: (f) τοῖσιν δὲ κρεάων πίνακας παρέθηκε συβώτης // ὀπταλέων, ἅ ρα τῇ πτοτέρῃ ὑπέλειπον ἔδοντες (Од. XVI 49–50) 'им принес пастух блюда с жареным мясом, которое едоки оставили со вчерашнего дня'. В (a) имперфект ἐμαραίνετο обозначает частное событие, а аорист παύσατο – общее. Рассмотрим еще несколько сочетаний аориста и имперфекта:

κήρυξ ἐν χερσὶν κίθαριν περικαλλέα θῆκεν
Φημίῳ, ὅς ρ' ἤειδε παρὰ μνηστῆρσιν ἀνάγκῃ (Od. I 152–154)

'вестник дал в руки Фемию кифару; тот запел поневоле перед женихами': завершение одного фрагмента ситуации, начало нового.

---

[19] Или, в терминах Вайнриха, событие первого плана противостоит событию второго плана. К этому мы еще вернемся.

ἔγχος μέν ρ' ἔστησε φέρων πρὸς κίονα μακρὴν
……ἔνθα περ ἄλλα
ἔγχε' Ὀδυσσῆος ταλασίφρονος ἵστατο πολλά (Od. I 127–129)

'Копье он поставил, отнеся его к высокой колонне, там стояли и многие другие копья Одиссея'. Здесь имперфект имеет почти такое же значение стабильной, неизменной ситуации, как в описании оружия Ахилла. И аорист обозначает завершение события на фоне этой стабильности.

Отметим, что аналогичная схема может реализоваться и в других наклонениях; аорист и презенс оптатива соотносятся друг с другом таким же образом:

μνηστήρων τῶν μέν σκέδασιν κατὰ δώματα θείη,
τιμὴν δ' αὐτὸς ἔχοι καὶ κτήμασιν οἷσιν ἀνάσσοι (Od. I 116–117)

'(Одиссей) бы устроил женихам изгнание из дворца, сам бы получил почести и правил своим имуществом'. Контраст между законченным событием и незаконченной, продолжающейся после точки референции ситуацией очевиден и в том случае, когда оба они являются воображаемыми, тем более, что, как давно отмечалось, конъюнктив и оптатив презенса и аориста не передают временны́х отношений. Наш пример наглядно показывает, что они различаются только аспектуально.

Для описания смысла этой «схемы начала», которую сам Штрунк называет также контекстным правилом, Штрунк применяет терминологию П. Кипарского [Kiparsky 1968] – «редукция сочинительной связи» (conjunction reduction). Кипарский под этим подразумевал то, что в глагольных цепочках иногда у некоторых составляющих теряются показатели времени и наклонения. Примеры такой редукции Кипарский видел в индоиранском инъюнктиве, сочетающемся с индикативом, историческом и футуральном презенсе и т.д. Следует заметить, что в позднейшей публикации сам Кипарский предпочитает рассматривать это явление как семантическое, а не чисто синтаксическое [Kiparsky 1998]. И действительно, сочетания презентных и аористных основ далеко не всегда свидетельствуют о том, что их различие нейтрализовано. Хороший пример редукции сочинительной связи – параллель конъюнктивов и оптативов: ἐὰν γάρ τί σε φανῶ κακὸν πεποιηκώς, …ἐὰν μέντοι μηδὲν φαίνωμαι κακὸν πεποιηκώς (Xen. Cyr. V 5, 13) 'если тебе покажется, что я сделал что-то плохое, …если же не покажется, что я сделал что-то плохое'; Εἰ μὲν γὰρ προσδέξαιτο, …εἰ δὲ μὴ προσδέχοιτο (Dem. XIX 318) 'если примет, …если же не примет' [Kiparsky 1968: 33; Strunk 1971: 206]. Здесь оппозиция между аористами и однокоренными презенсами элиминирована. Можно говорить о редукции сочинительной связи. Но совсем иные соотношения презенса и аориста в Od. II 172: ὅτε Ἴλιον εἰσέβαινον/'Αργεῖοι, μετὰ δέ σφιν ἔβη πολύμητις 'Οδυσσεύς 'когда в Илион входили аргивяне, с ними вошел и многомудрый Одиссей'. К этому контексту можно применить те характеристики, которые уже были использованы ранее: начинательный имперфект при множественном субъекте vs. завершительный аорист при единичном субъекте.

Другое же наблюдение Штрунка над «контекстным правилом» чрезвычайно тонко. Он показал, что глагол μένω у Гомера, обозначая фиксированную длительность времени, в одиночку употребляется в форме аориста, а с другим аористом – в имперфекте. Ср. a) μῆνα γὰρ οἶον ἔμεινα τετερπομένος τεκέεσσι (Od. XIV 244) 'я оставался там один месяц, радуясь на детей'; b)

πᾶσαν δ' ἠοίην μένομεν τετληότι θυμῷ
φῶκαι δ' ἐξ ἁλὸς ἦλθον... (Od. IV 447–448)

'все утро мы ждали терпеливо; из моря пришли тюлени'. Эти примеры прекрасно иллюстрируют начало и конец ситуации.

Таким образом, становится ясной оппозиция презенса и аориста. Ее можно назвать ситуативно-аспектуальной. Имперфект обозначает незавершенное начало ситуации и ее протекание, аорист же – завершенность события в целом или какого-то его этапа. Завершенность не исключает указания на длительность развития данного события.

В заключение попробуем представить основные времена греческого глагола в виде набора различительных признаков. П. Фридрих [Friedrich 1974: 44] предлагает следующее дерево:

(Dur – дуративность, Real. – результативность).

Но, на наш взгляд, эта схема не учитывает всех оттенков значений основ. Поэтому мы вводим следующие РП: дуративность, актуальность в момент речи, претеритальность, комплетивность. И тогда можно построить следующую таблицу:

Таблица

	Дуративность	Актуальность	Претеритальность	Комплетивность
Презенс	+	+	–	–
Имперфект	+	–	+	–
Аорист	(–)	–	+	+
Перфект	–	(+)	(–)	–
Футурум	0	–	–	0

Примечание к таблице: 1. Скобки обозначают ослабленность признака. Аорист может сочетаться с наречием длительности; перфект может функционировать как perfectum presens, и указание на прошлое и на результат прошлого в настоящем. Поэтому мы и ввели специальные РП для актуальности и претеритальности, хотя сами по себе эти признаки комплементарны. Но в перфекте они могут объединиться. 2. Футурум – это чистое время, лишенное аспектуальных характеристик. Поэтому в графе "дуративность" и "комплетивность" стоит 0 – показатель того, что признак не имеет отношения к данной категории. В этом отношении футурум и отличается от конъюнктива аориста. В [Красухин 2005а: 13] был приведен яркий пример аористного конъюнктива с кратким суффиксом, формально не отличимого от футурума (Il. I 140–144). Семантическое же различие состоит в том, что конъюнктив сохраняет аспектуальное значение. В частности, coniunctivus hortativus и imperativus указывает на побуждение слушателя исполнить действие, доведя его до конца. Футурум же как не реализованное событие не указывает ни на протекание, ни на завершение действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Звонская 2006 – *Л.Л. Звонская*. Инхоативная семантика временных форм в греческом языке // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте: V Международная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. М., 2006.

Красухин 2001 – *К.Г. Красухин*. К этимологии греческого ΠΑΘΟΣ // Древние языки в системе университетского образования. М., 2001.

Красухин 2003 – *К.Г. Красухин*. Сигматический презенс и аорист у Гомера // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. Вып. 1. М., 2003.

Красухин 2005а – *К.Г. Красухин*. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола: Часть I // ВЯ. 2005. № 6.

Красухин 2005б – *К.Г. Красухин*. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.

Красухин 2006 – *К.Г. Красухин*. «Несобственные» времена глагола в индоевропейских языках // Памяти В.Г. Гака. М., 2006.

Оленич 1980 – *Р.М. Оленич*. Александрийская школа грамматики // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.

Bottin 1969 – *L. Bottin*. Studi dell' aumento in Omero // Studi Miceni ed Egeo-Anatolici. V. 10. 1969.

Brugmann 1900 – *K. Brugmann*. Griechische Grammatik. München, 1900.
Chanet 1984 – *A.-M. Chanet*. À propos du verbe grec: questions de fréquence // Kratsile. V. 9. 1984.
Chantraine 1953 – *P. Chantraine*. Grammaire homérique. V. 2: Syntax. Paris, 1953.
Delbrück 1876 – *B. Delbrück*. Syntaktische Forschungen. Tl. I: Tempora in der altindischen Sprache. Halle/Saale, 1876.
Delbrück 1897 – *B. Delbrück*. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen // K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897.
Dionysios 1883 – Dionysii Thracis Ars grammatica / Curavit H. Maler. Leipzig, 1883.
Dressler 1968 – *W. Dressler*. Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
Duhoux 2000 – *Y. Duhouh*. Le verbe grec ancien. Louvain-la-Neuve, 2000.
Friedrich 1974 – *P. Friedrich*. Aspect theory and Homeric aspect // International journal of American linguistics. V. 40. 1974.
Gonda 1956 – *J. Gonda*. The aspectual function of Rgvedic present and aorist.'S-Gravenhage, 1956.
Kiparsky 1968 – *P. Kiparsky*. Tense and mood in Indo-European syntax // Foundations of language. V. 4. 1968.
Kiparsky 1998 – *P. Kiparsky*. Aspect and event structure in Vedic // Yearbook of South Asian studies. V. 1. 1998.
Meillet, Vendryès 1948 – *A. Meillet, G. Vendryès*. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1948.
Mutzbauer 1883 – *G. Mutzbauer*. Studien zum Aspekt und Tempus im Griechischen. Stuttgart, 1883.
Ruiperes Sanches 1954 – *M. Ruiperez Sanchez*. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo: Análisis fincional sincrónica. Salamanca, 1954.
Safarewicz 1965 – *J. Saferewicz*. Présent determiné et présent indeterminé // Symbolae grammaticae in honorem Georgii Kuryłowiczi. Wrocław, 1965.
Schwyzer-Debrunner 1950 – *E. Schwyzer*. Griechische Grammatik / Vorbereitet und herausgegeben von A. Debrunner. Bd. II: Syntax. München, 1950.
Strunk 1971 – *K. Strunk*. Historische und deskriptive Linguistik bei der Textinterpretation // Glotta. Bd. 49. 1971.
Wackernagel 1926 – *J. Wackernagel*. Vorlesungen über Syntax. Basel, 1926.
Wackernagel 1953 – *J. Wackernagel*. Über die satzeinleitende Partikel **que* // J. Wackernagel. Kleine Schriften. Göttingen, 1953.
Weinrich 1964 – *H. Weinrich*. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.
Zsilka 1967 – *J. Zsilka*. Probleme des Aoristes bei Homer // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. V. 14. 1967.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. М. Ю. СМОЛИНА

ИМПЛИКАТИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММЕМ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ПАДЕЖ И ЧИСЛО
(на материале старокрымского диалекта урумского языка)

В статье дается пример описания сложной языковой ситуации, когда несколько грамматических категорий, имплицирующих применение друг друга, и вследствие этого нуждающихся в представлении их как единой системы, а не в отдельном рассмотрении. Использование понятия импликативной реализации позволяет выявить четкий алгоритм, по которому язык «конструирует» словоформу. Данный метод позволяет описывать сложную грамматическую ситуацию, не изменяя определений грамматических категорий и не отступая от понятия облигаторности грамматической категории. Метод, примененный для урумского языка, может оказаться эффективным также для других языков, имеющих сходные грамматические системы.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятия импликативной реализации граммемы и имплицирующей категории на сегодняшний день еще не укоренились в лингвистическом обиходе. Впервые использованные В.А. Плунгяном в его статье «К проблеме морфологического нуля» и позже в книге «Общая морфология: Введение в проблематику» [Плунгян 1994; 2000], они по-прежнему редко упоминаются в современных работах и практически не применяются при описании соответствующих языковых явлений. Между тем последовательное применение понятия импликативной реализации может помочь с решением ряда проблем, которые ставят перед исследователем языки, на первый взгляд «нарушающие» классические представления о языковой грамматике – в частности, об облигаторности грамматических категорий.

Эта работа опирается на данные урумского языка, относящегося к тюркской семье, на сегодняшний день практически не описанного. На этом языке говорят некоторые группы этнических греков, проживающих в Приазовье на территории Украины. Сколько-нибудь полных грамматик данного языка до сих пор не существует, и исследование базируется в основном на материалах, собранных рядом лингвистических экспедиций в Приазовье, организованных филологическим факультетом СПбГУ (с 2003 по 2005 гг.), а также на материалах, собранных и опубликованных О.М. Гаркавцом [Гаркавець 1999; 2000]. По своему грамматическому строю этот язык является типичным тюркским языком и обладает рядом как кыпчакских, так и огузских черт, хотя рассматриваемый диалект максимально близок к огузским. Соответственно, урумский язык сталкивает исследователя с проблемами, хорошо известными в тюркологии и в течение долгого времени связанными с серьезными и трудноразрешимыми спорами. В данной работе предполагается показать, как применение сравнительно новых теоретических находок позволяет решать подобные задачи, сохраняя строгую формальность грамматического описания и не изобретая новых, «уникальных» для данного языка явлений. В.А. Плунгян в своем описании имплицирующих категорий как явления предполагал необходимость введения этого понятия именно по отношению к падежной системе тюркских языков, также пользуясь данными хорошо изученного турецкого языка [Плунгян 2000: 137].

Имплицирующими категориями называются такие категории, определенные значения которых могут блокировать употребление граммем других категорий [Плунгян 2000: 136]. Данное определение изначально применяется к системам наподобие русского глагола, где категория времени имплицирует наличие/отсутствие граммем категорий лица и рода. Необходимость использования понятия импликативной реализации в таких случаях связана с проблемой обязательности грамматической категории: блокирование показателем одной категории значением другой не делает первую категорию «необязательной» в прямом смысле этого слова, делая лишь ее выражение «невозможным» в определенных контекстах.

В тюркологии понятие импликативной реализации не используется ни в традиционных грамматиках [Кононов 1941; Баскаков 1979], ни в современных грамматических работах [Тенишев 2002; ЯМ 1997] и др. Между тем существует ряд грамматических проблем, которые давно представляют трудности при описании тюркских языков с применением традиционного подхода. В таких случаях часто делаются заявления, что некие грамматические категории в тюркских языках не обязательны и что обязательность не является в таких языках непременным условием грамматичности. Именно эти проблемы могут быть эффективно решены путем применения понятия импликативной реализации. Здесь дается пример подобного подхода к описанию урумского языка на примере соотношения именных категорий детерминации, падежа и числа.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Описание падежной системы в тюркских языках неизменно сталкивается с определенными трудностями. Давно замечено, что при наличии вроде бы развитой системы падежей распространены случаи, когда при видимой необходимости определенного падежного показателя (обычно родительного или винительного падежа) таковой отсутствует, и вместо него имя употребляется в форме, лишенной каких-либо падежных маркировок, которая морфологически совпадает с именительным/основным падежом.

Решения этой проблемы предлагались различные. Традиционные грамматики стремились не выходить за рамки классического представления о падежах, но вынуждены были переименовывать именительный падеж в «неоформленный», приписывая ему целый ряд разнотипных значений и функций. Так, в грамматике турецкого языка А.Н. Кононова [Кононов 1941: 280–282] описывается «неоформленный падеж», причем значение данной грамматической формы включает в себя элементы собственно падежного синтаксического значения («соответствует подлежащему», «сказуемому»), так и описания через термины детерминации («соответствуя русскому винительному падежу», когда «объектом является предмет неопределенный») [Кононов 1941: 280]. Все рассматриваемые им случаи перечислять нет необходимости; ключевым моментом здесь является характеристика формы при помощи двух типов значений – связанных с синтаксисом и связанных с детерминацией.

На связанность падежной системы тюркских языков с детерминацией обращали внимание многие авторы и давали этому различную трактовку. Стремление рассматривать неопределенную форму имени как падеж породило термин casus indefinitus, что предполагает встраивание ее в падежную парадигму на равных правах с прочими падежными формами. Однако подобное слияние падежных и детерминативных значений в результате чрезвычайно усложнило описание каждого падежа. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» 1986 г., «винительный падеж маркирует объект и его определенность» [Серебренников, Гаджиева 1986: 76]. В статье Б. Нилсона [Нилсон 1987] разбирается тема связи падежного оформления как с определенностью, так и с референтностью имени, что дает в целом картину сильно сходную с урумской; последняя еще будет рассмотрена в данной статье и представляется несколько более сложной, чем турецкая. О том, что в позиции объекта турецкий язык, равно как и ряд других, последовательно различает специфично- и неспецифично-неопределенные (spe-

cific/nonspecific) имена, отражая это в падежном маркировании, упоминается также в [Enç 1991].

Очень похожа характеристика родительного падежа в «Принципах описаниях языков мира»: «Родительный падеж в тюркских языках имеет артиклевую функцию» [ПОЯМ 1976: 46]. Именно при анализе родительного и винительного падежей возникало больше всего сложностей; что касается основного падежа (неоформленного), то его значение получалось столь расплывчатым, что возникали объяснимые сомнения в том, что он является падежом вообще и что ему следует приписывать значимый нулевой показатель [Гузев, Насилов 1981: 29]. В зарубежной лингвистике можно также встретить термин «caseless form» ('беспадежная форма' – см., в частности, [Knecht 1985]), относящийся к любым безаффиксным употреблениям имени. При таком подходе предполагается отсутствие в системе именительного падежа как такового, а 'беспадежная форма' оказывается нагружена множеством не связанных между собой функций.

Эту ситуацию можно сопоставить с данными других языков, обнаруживающими порой сходные явления. Так, при описании испанского языка иногда говорят о номинативном или аккузативном маркировании объекта (используя понимание падежа в широком смысле), зависящим от его определенности и одушевленности [Moravcsik 1978], как в следующих примерах:

a. *el* *chico* *ve* *la* *nieve*
DEF.NOM[1] мальчик видит DEF.NOM снег
'Мальчик видит снег'
b. *el* *chico* *ve* *a* *esa chica*
DEF.NOM мальчик *видит* ACC *эта девочка*
'Мальчик видит эту девочку' (по [Moravcsik 1978: 273]).

К расширенному пониманию падежного маркирования при подобных сопоставлениях следует относиться с некоторой осторожностью, однако они ясно показывают, как другие языки иногда выявляют прочную связь между актантной семантикой (объекта), детерминацией и одушевленностью.

Эта же связь, без расширения трактовки категории падежа, описывается и в других работах, посвященных маркированию объекта в испанском языке. Именно на базе этого языка был написан ряд работ, в том числе ключевых, посвященных падежному маркированию, таких как [Aissen 2003; Bossong 1985; 1991; Rodriguez-Mondonedo 2006]. Именно Боссонг в своих работах ввел в лингвистический обиход термин «differential object marking», позволяющий, в частности, избежать самого упоминания морфологической категории падежа и описывать языковые явления в первую очередь с позиций синтаксиса, что отражает в целом тенденции западной лингвистики.

Связь между детерминацией и одушевленностью уже обнаруживалась исследователями в различных языках. Так, в хинди наблюдается ситуация, когда имена-лица (люди) в позиции объекта получают обязательное аккузативное оформление, а не-лица факультативно маркируются только в случае интерпретации их как определенных [Mohanan 1990]:

---

[1] Условные обозначения, принятые в статье: *1, 2, 3* – обозначение лица (напр. *POS2SG* – посессив второго лица единственного числа); ACC – аккузатив (винительный падеж); DAT – дативдиректив (дательно-направительный падеж); DEF – определенность; ERG – эргатив; GEN – генитив (родительный падеж); IMPER – императив (повелительное наклонение); IND – неоформленное имя (casus indefinitus); INF – инфинитив (неопределенная форма глагола); LOC – локатив (местный падеж); NEG – отрицание; NOM – номинатив (именительный падеж); PART – причастие; PAST – простое прошедшее время; PEV – прошедшее время (косвенная эвиденциальность); PL – множественное число; POS – посессивность (притяжательность); PROG – прогрессивно-хабитуально-итеративный показатель; PRS – настоящее время; SG – единственное число.

a. *Ilaa-ne* *bacce- ko/*baccaa* *uthaayaa.*
Ila-ERG child-ACC/child.NOM lift-PAST
'Ila lifted the/a child'.

b. *Ilaa-ne* *haar* *uthaayaa.*
Ila- ERG necklace. NOM lift-PAST
'Ila lifted the/a necklace'.

c. *Ilaa-ne* *haar-ko* *uthaayaa.*
Ila- ERG necklace-ACC lift-PAST
'Ila lifted the/*a necklace'.

Следует обратить внимание на то, что немаркированный объект в этой интерпретации глоссируется как номинатив, то есть оказывается фактически в том же странном статусе «именительного + неопределенного» падежа, что и в грамматике [Кононов 1941].

Наиболее интересно рассмотрена проблема тюркской падежной системы в работе И.А. Муравьевой, посвященной инкорпорации [Муравьева 2004]. Автор указывает, что тюркская «конструкция с неоформленным именем... походит на аналитический инкорпоративный комплекс. Однако, в отличие от аналитической инкорпорации, главный компонент такой конструкции оформлен средствами, характерными для отдельного члена предложения» [Муравьева 2004: 180]. Рассматривая ситуации, когда неоформленное имя употребляется «вместо» падежных форм (чаще всего аккузатива и генитива, реже – других падежей), в основном на материале турецкого языка, она приходит к выводу, что семантика неоформленного имени связана с идентифицируемостью/неидентифицируемостью объекта (с. 212), и выделяет несколько типов определенности, которые обеспечивают индивидуализацию объекта (и, следовательно, употребление имени в падежных формах): 1) ситуативная определенность 2) анафорическая определенность и 3) ассоциативная определенность (там же). Там же производится попытка разграничить собственно именительный падеж и немаркированную форму имени при помощи специфических синтаксических критериев, работающих для турецкого языка.

В общем случае мы получаем следующие варианты решения проблемы, каждый из которых имеет свои недостатки:

1) Рассматривать «неоформленное имя» всегда как именительный/основный падеж. В этом случае возникает проблема описания его «падежного» значения и необходимость определять, по какому принципу выбирается в схожих контекстах тот или иной падеж (например, родительный или основный в определительных сочетаниях).

2) Рассматривать ряд случаев употребления неоформленного имени в позиции определения как конверсию (в прилагательное). Это является удачным решением для словосочетаний типа урумских:

eradam *urba-sy*
мужчина(IND) одежда-POS3(NOMSG)
'мужская одежда',

но не объясняет положения с аккузативом или более редкие осложнения с другими падежами тюркских языков.

3) Рассматривать сочетания с неоформленным именем в позиции дополнения как своеобразную инкорпорацию [Муравьева 2004: 194–197]. Проблема при этом состоит, как указывает И.А. Муравьева, в значительной синтаксической независимости «инкорпорируемого» элемента.

4) Наконец, рассматривать «неоформленное» имя и падежную систему в целом как результат пересечения двух грамматических категорий (а не репрезентацию только одной, падежной категории). Подобное решение ниже будет рассматриваться подробнее.

РОЛЬ КАТЕГОРИЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ И ЛИЧНОСТИ В УРУМСКОМ ЯЗЫКЕ

В урумском языке мы имеем ситуацию, когда при нереферентном употреблении имени в различных синтаксических функциях используется так называемое неоформленное имя – форма, не имеющая показателей падежа и числа и всегда совпадающая в плане выражения с основным (или именительным) падежом единственного числа, имеющим нулевой показатель:

(1)	*xary-lar-y*	*doγru-j-muš*	*tek*	*xyz*	***bala***
	жена-PL-POS3(NOM)	родить-PROG-PEV	только	девушка(IND)	**ребенок(IND)**

'Его жены рожали только девочек'.

При референтном – и определенном, если брать пример (2), – употреблении имя приобретает аффиксы числа и падежа:

(2)	*Taxym*	*xyz*	*bal-lar-y*	*da öldr-öj-ler-miš*
	Весь	девочка(IND)	ребенок-PL-ACC	и убивать-PROG–3PL-PEV

'Всех же девочек убивали'.

Вместо того чтобы включать в падеж «артиклевую функцию», предлагается описывать подобную совмещенность значений несколько иначе: не падеж «включает» в себя определенность или референтность, а наличие падежного показателя. При этом категория детерминации будет являться имплицирующей для категории падежа; при одном ее значении категория падежа реализуется, при другом – нет. В этом случае оказывается ненужным менять наши представления о категории падежа, которая сама по себе сохраняет вполне привычные значения и особенности. Вместо этого предполагается наличие в языке еще одной бинарной категории, которая не имеет «собственных» аффиксов или синтаксических показателей, но является при этом имплицирующей для другой грамматической категории и через нее имеет формальное выражение на уровне морфологии.

Если представить себе эту часть системы как алгоритм порождения речи, можно получить следующий алгоритм получения именной формы:

(референтен ли объект?)

ДА ⇩ (выбор падежа/числа)

НЕТ ⇩ (падеж не выбирается, конец алгоритма)

После этого остаются еще две непростые задачи: во-первых, определить, какие значения оказываются у категории детерминации в урумском языке (референтность/нереферентность, определенность/неопределенность или нечто другое); во-вторых, объяснить регулярность противопоставления этих значений в одних синтаксических позициях (прямое дополнение, определение – позиции родительного и винительного падежей) и редкость/невозможность подобного явления в иных случаях (косвенные дополнения, обстоятельства).

Все контексты, в которых встречается неоформленное имя, можно разделить на две *группы:*

1) контексты, где реализуется противопоставление оформленного и неоформленного имени (как в примерах (1) и (2)) и которые следует считать диагностическими при определении значения категории;

2) контексты, которые всегда требуют неоформленного имени и в которых оно не противопоставлено падежным формам; в них имеет место формальная сочетаемость, и говорить о специфическом значении неоформленности можно лишь в историческом плане. Эти случаи, однако, усложняют разграничение неоформленности и именительного падежа.

Первая группа контекстов, как показывает анализ материала, обеспечивает различие по оси «определенность – неопределенность», причем специфическая и неспецифическая неопределенность (они же – референтная и нереферентная неопределенность) ведут себя по разному с именами, относящимися к категориям «лиц» и «не-лиц» (что позволяет выделить еще одну имплицирующую категорию урумского языка).

В данной работе используются следующие определения определенности/неопределенности и специфической/неспецифической неопределенности (по работе [Николаева 1990: 349]: определенность – демонстрация единственности имени в описываемой ситуации; неопределенность – выражение отношения имени к классу подобных ему феноменов; специфическая неопределенность – референтное, т.е. соотносящееся с денотатом употребление неопределенного имени (*Я вчера купил ручку*); неспецифическая неопределенность – нереферентное употребление неопределенного имени (*Хочется купить ручку*).

Пользуясь этими определениями, можно выделить три группы контекстов, отражающие указанные прагматические значения различным оформлением имени:

1) **Определенность.** Всегда выражается наличием показателя падеж/число:

(3) *Tilt'i* *d'eli-j* *jene* *juzum* *al-maja* *jyxyl-yj*
Лиса(NOM) придти-PRS(3SG) снова виноград(IND) красть-INF падать-PRS(3SG)
cuxur-un *ič-n-e* *Adam* ***tilt'i-ji*** *tuta-j*
яма-GEN нутро-POS3-DAT. Человек(NOM) **лиса-ACC** хватать-PRS(3SG)
'Лиса приходит опять красть виноград – падает в яму. Человек хватает лису'.

Сюда же следует отнести те типы специфической неопределенности, когда формально «новый» объект в действительности вводится катафорически (указывается или предполагается предшествующим контекстом). В этом случае имя уже в первом своем употреблении является определенным и, соответственно, оформленным.

(4) *Biz-im* *paduša-myz* *zend'in* *altyn-y* *cox* ***γrabarka-sy***
мы-GEN падишах-POS1PL(NOM) богатый золото-POS3 много **лопата-POS3**
jox *altyn* *ölče-meje.*
нет золото(IND) мерить-INF
'Наш падишах богатый, у него денег много, нет лопаты(чтобы) золото мерить'.
Paduša *veri-j* *on-a* ***γrabarka-jy.***
Падишах(NOM) давать-PRS(3SG) он-DAT **лопату-ACC**
'Падишах дает ей лопату'.

Определенными являются все имена, имеющие при себе указательное местоимение или квантор всеобщности в роли определения (*bu-* 'этот', *d'endi* – 'собственный', *taxym* 'весь, все' и др.):

(5) *P'et'a* *ara-j* ***d'endi*** ***at-yn-y***
Петя(NOM) искать-PRS(3SG) **сам(IND)** **лошадь-POS3-ACC**
'Петя ищет свою лошадь'.

Личные и субстантивированные указательные местоимения всегда являются определенными:

(6) ***on-u*** *alma-dy-lar* *tut'angi* *tut'an-a*
она-ACC брать-NEG-PAST–3PL продавец(IND) магазин
'Ее не взяли продавцом в магазин'.

2) **Специфическая неопределенность.** Специфические неопределенные имена ведут себя по-разному в зависимости от значения категории личности. «Лица» всегда имеют аккузативное оформление:

(7) *čyγr-yj-lar* ***ğadu-ju***
Звать-PRS–3PL **ведьма-ACC**
'Зовут ведьму' (введение нового лица в повествовании).

(8) *men* *bili-j-im* *tek* *bir* *Marus'a-jy*
я(NOM) знать-PRS–1SG только один Маруся-ACC
'Я знаю только одну Марусю'.

«Не-лица» всегда выступают в виде неоформленного имени:

(9) *Son-n-a* *bu* *adam* *xaza-j* *deren* ***čuxur***
конец-POS3-LOC этот человек(NOM) копать-PRS(3SG) глубокий **яма(IND)**
'Наконец, человек выкапывает глубокую яму'.

(10) *Jol-da* *d'el-dik-te* *jyrtyx* ***čekmen*** *tapa-j*
дорога-LOC идти-PART-LOC рваный **плащ(IND)** находить-PRS(3SG)
'На проезжей дороге (она) находит рваный плащ'.

Особую сложность представляют названия животных. В нормальных случаях животные рассматриваются как не-лица и не имеют аккузативного оформления:

(11) *men* *daγ-da* *gör-dü-m* ***ajuv***
Я(NOM) лес-LOC видеть-PAST–1SG **медведь(IND)**
'Я видела в лесу медведя'.

Однако, по-видимому, в определенных ситуациях (например, сказочных) животные могут «олицетворяться» и грамматически вести себя как обозначения лиц:

(12) *o* *gör-dü* ***tilt'i-ji*** *da* ***ajuv-u*** *da ğanavar-y da*
он(NOM) видеть-PAST(3SG) **лиса-ACC** и **медведь-ACC** и **волк-ACC** и
'Он увидел лису, медведя и волка'.

Наконец, названия детенышей животных (являющиеся сложными словами/словосцеплениями с главным компонентом *-bala*) ведут себя как «лица», что, по-видимому, вызвано особенностями компонента *-bala*, который в независимом употреблении означает «ребенок» и является именем-«лицом»:

(13) *men* *daγ-da* *gör-dü-m* *aju-bala-syn-y*
Я(NOM) лес-LOC видеть-PAST–1SG медведь-ребенок-POS3-ACC
'Я видела в лесу медвежонка'.

3) **Неспецифическая неопределенность.** Как и при специфической неопределенности, не-лица всегда имеют в этом случае неоформленный вид; имена-лица же могут иметь показатели падежа или же оставаться неоформленными, причем оформленность более частотна:

Н е - л и́ ц а:

(14) *čočxa* *tut-ma-j* ***syčan***
свинья(NOM) ловить-NEG-PRS(3SG) **мышь(IND)**
'Свинья не ловит мышей'.

(15) *taxym-y* *gül-ej* *on'n'a-j-lar* ***türkü*** *sole-j-ler*
Все-POS3 смеяться-PRS(3SG) плясать-PRS–3PL **песня(IND)** петь-PRS–3PL
'Все они смеются, пляшут, песни поют'.

(16) *t'edi-ler* *seve-j-ler* ***süt***
кошка-PL(NOM) любить-PRS–3PL **молоко(IND)**
'Кошки любят молоко'.

Л и́ ц а:

(17) *taxym eradam-nar* ***oγul-lar-y*** *ste-j-ler*
весь мужчина-PL(NOM) **сын-PL-ACC** хотеть-PRS–3PL
'Все мужчины хотят (иметь) сына'.

Однако при этом пример (1) являет собой случай употребления имени-лица в неопределенной форме:

(1) *xary-lar-y* *doγru-j-muš* *tek* *xyz* ***bala***
жена-PL-POS3(NOM) родить-PROG-PEV только девушка(IND) **ребенок(IND)**
'Его жены рожали только девочек'.

Отрицательные, неопределенные, вопросительные и относительные местоимения всегда рассматриваются как случаи неспецифической неопределенности:

(19) *xyz* ***pišij*** *söle-me-j*
Девушка **ничто(IND)** говорить-NEG-PRS(3SG)
'Девушка ничего не говорит'.

(20) *men-im öle* *xuvat-ym* *var* *men* ***ne*** *söle-di-m*
Я-GEN такой сила-POS3(NOM) имеется(PRS) я(NOM) **что(IND)** сказать-PAST–1SG
o = da *ol-uj*
тот(NOM)=и быть-PRS(3SG)
'У меня такая сила есть: что я сказал, то и случается'.

Особым случаем неспецифической неопределенности могут служить различные устойчивые выражения с глаголами с семантикой «делать», «создавать» и т.д., неоформленное дополнение при которых создает фактически новую лексему с идиоматическим значением. В словаре О. Гаркавца такие сочетания часто рассматриваются как цельнооформленные слова; так, сочетание *laf* ('слово') + *et-* ('делать'), несмотря на двуударность сочетания и отсутствие сингармонизма, рассматривается как единый глагол 'разговаривать'. Сходными характеристиками обладает и сочетание *jardym et-* со значением 'помогать'.

(21) *xač* *jyl* *pekle-di-m* *allax* *man-a* ***jardym*** *et-ti*
Сколько год(IND) ждать-PAST–1SG бог я-DAT **помощь(IND)** делать-PAST(3SG)
'Сколько лет я ждал, бог мне помог'.

К неспецифической неопределенности следует также отнести изафетные словосочетания первого и второго типов, где именное определение выступает в неоформленном виде:

(изафет 1-го типа)
(22) *on-u* *lazym* ***altyn*** *alxa-ja* *joll-maja*
Он-ACC надо **золото(IND)** кольцо-DAT послать-INF
'Его надо послать за золотым кольцом'.

(изафет 2-го типа)

(23) *d'ez-meje* *basla-dy* *d'ijdr-ij-ler* ***eradam***
Ходить-INF начать-PAST(3SG) одевать-PRS–3PL **мужчина(IND)**
urba-sy *bas-n-y* *xyrxa-j-lar*
одежда-POS3(NOM) голова-POS3-ACC стричь-PRS–3PL
'Начал (ребенок) ходить – его одевают в мужскую одежду, стригут голову'.

Вторая группа контекстов строго требует неоформленности, и в них нейтрализуются любые противопоставления, связанные с этой формой:

1) Словосцепление.

Имя выступает неоформленным в сочетаниях, когда оно является приложением (часто идиоматически устойчивым) к другому имени:

(24) ***oğa*** *nene* *de-di*
Госпожа(IND) бабушка(NOM) сказать-PAST(3SG)
'Уважаемая старушка сказала...'

(25) *Men* *daa* ***xyz*** *bala-jdy-m*
Я(NOM) еще **девушка(IND)** ребенок-PAST–1SG
'Я была еще девочкой'.

(26) ***taš*** *xora-nyn* *bojna* *ček-ti-ler* *jyp*
камень(IND) ограда-GEN вдоль-Pos3-LOC тянуть-PAST–3PL веревка(IND)
'Вдоль ташхоры (=каменной ограды) протянули веревку'.

Существует проблема, связанная с рассмотрением подобных сочетаний: они обладают чертами, сближающими их и со словосочетаниями, и со сложными словами. Так, в словаре О. Гаркавца [Гаркавець 2000] ни одно из этих сочетаний не дано в качестве отдельной статьи (сочетание *taš* + *xora*, однако, неизменно определяется носителями языка как «одно слово»). Лёгкость этимологизации элементов и способность выступать в роли самостоятельных слов нередко ведет к исключению подобных сочетаний из словаря, однако такие черты первого элемента сочетания, как неспособность образовывать внешние связи (морфологические и синтаксические) и неспособность менять позицию по отношению ко второму элементу, явным образом соответствуют критериям объединения в одно слово (о критериях выделения слова см. [Касевич 1988: 163–164]).

Целесообразно в таких случаях использовать термины «словостяжение» или «словосцепление», применяемые иногда для японского и немецкого языков. Согласно определению В.Б. Касевича, словосцепления «состоят из знаменательных элементов и также обнаруживают определенную промежуточность по отношению к сложным словам и свободным словосочетаниям»; например, в японском языке они «в целом удовлетворяют формальным признакам сложных слов, но отличаются от них возможностью самостоятельных дистантных связей своих компонентов, что принимает вид либо вынесения за скобки (заключения в скобки), либо вступления компонента в грамматическую связь с «внешним» по отношению к сочетанию словом» [Касевич 1988: 166].

Наиболее надежным критерием различения таких квазислов и сложных слов является их (квазислов, словосцеплений) «потенциальная способность вынесения за скобки одного из компонентов или заключения в скобки двух (и более)». В имеющемся корпусе текстов, однако, не зафиксировано ни одного случая вынесения за скобки/заключения в *скобки одного из компонентов подобных образований, что позволяет предположить* (пусть и не строго доказать) их лексический статус.

2) Вынесение за скобки.

(27) *al-ynyz* *davul* *zurna* *dare* *saz*
брать-IMPER2PL барабан(IND) зурна(IND) бубен(IND) саз(IND)

t'emeče-ler-i
скрипка-PL-ACC
'Берите барабаны, зурны, бубны, сазы, скрипки'.

Явление вынесения за скобки в языках алтайского типа хорошо известно; из этого также может делаться вывод о специфической природе аффиксов в таких языках. По В.Б. Касевичу, «будучи вынесены за скобки, они могут отделяться от непоследних знаменательных элементов вставками, которые удовлетворяют условиям... обнаружения служебных слов» [Касевич 1988: 147], и это означает, что «налицо... промежуточный, смешанный характер показателей, которые традиционно считаются агглютинативными аффиксами» [Касевич 1988: 148].

Можно, однако, рассматривать подобные случаи в несколько иной плоскости: не аффиксы оказываются подобными служебным словам, а данная синтаксическая структура требует употребления неоформленного имени (sic!), позволяющего избежать дублирования морфологически нагруженной формы, представленной только последним из однородных членов. Подобный подход снимает необходимость ставить под сомнение аффиксальный статус вынесенных за скобки элементов и в целом соответствует типичной для тюркского языка стратегии избежания морфологических повторов. Другой аналогичный пример подобной стратегии в урумском языке: отсутствие маркера множественного числа в личных глагольных формах при наличии его в подлежащем:

(28) *Šte, xuš-lar* *učа-j*
вон птица-PL(NOM) лететь-PRS(3SG)
'Вон, птицы летят!'

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЫРАЖЕНИЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Еще одна проблема связана с наличием противопоставления неоформленного имени с формами только двух падежей – генитива и аккузатива. В имеющемся урумском материале мы имеем только такие противопоставления; если подобный способ выражения прагматических значений и возможен в случае других падежных форм, он во всяком случае должен быть чрезвычайно редок.

Здесь следует заметить, что подобные ограничения, помимо всего прочего, усложняют типологическое рассмотрение категории детерминации в исследуемом языке. В частности, оказывается невозможным применить напрямую метод картирования «mapping» [Givón 1978], где для построения стандартизированной круговой карты требуется информация о показателях детерминации для имени в различных синтаксических позициях. Поскольку детерминация в урумском языке не находит формального выражения в предикативных формах имени и ее выявление затруднено в позиции субъекта, удаление двух из шести позиций в круговой схеме делает ее построение бессмысленным.

Подобная ситуация в урумском языке не уникальна, и здесь снова можно обратиться к работе И.А. Муравьевой, где рассматривалось функционирование неоформленного имени в турецком языке. Ее анализ показывает, что данное противопоставление существует для всех шести падежей турецкого языка (включая даже номинатив, где это противопоставление можно выявить по синтаксическим критериям), однако в дативе, локативе и аблативе оно чрезвычайно редко реализуется (что может привести к сомнениям в его грамматическом статусе, поскольку оно оказывается в этих случаях необлигаторным). Ключевыми же падежами, где маркируется прагматический статус имени, оказываются только генитив и аккузатив. Это совпадает и с данными других исследователей (ср. [Кононов 1941; Тенишев 1997; Серебренников, Гаджиева 1986]), указывавших на различение прагматического статуса имени только в случае генитива и аккузатива.

Эти данные приводят к мысли о том, что ядерные падежи ведут себя в этом плане несколько иначе, чем периферийные. Подобное явление отмечалось не только для тюрк-

ских языков (за примерами можно обратиться к работам К.И. Позднякова [Поздняков 2001; 2005]). В них рассматривается проблема кумулятивных знаков, когда за морфами одних категорий закрепляются классифицирующие значения других и разбираются такие случаи, как русская система падежей, где в некоторых формах могут выражаться собирательность одушевленных имен, одушевленность, вещественно-собирательное значение и т.д., причем представлено такое противопоставление может быть только в части падежей или в одном падеже.

К.И. Поздняков показывает, что противопоставления по «второй» категории, даже такой значимой для русского языка, как грамматический род, имеют выражение не во всех членах первой, и что вероятность их нейтрализации зависит от маркированности данного члена парадигмы «первой» категории. В его формулировке, «если знак (в нашем случае морфема) одновременно входит в две или более парадигмы, т. е. является кумулятивным знаком, то между этими парадигмами устанавливаются определенные отношения – наиболее «активная» словоизменительная форма в одной парадигме (маркированная в наибольшем числе оппозиций) является наименее активной в другой парадигме (нейтрализуется в наибольшем числе оппозиций)» [Поздняков 2005: 8]. Для иллюстрации этой концепции можно привести его схему, показывающую зависимость нейтрализаций от маркированности в случае русских падежа и рода (данные суммарные для единственного и множественного числа):

Плюсами здесь отмечена степень маркированности падежа в системе (о маркированности падежей см. [Якобсон 1985]); знаменатель дроби показывает, сколько нейтрализаций по роду возможно для данной формы, числитель – сколько их в действительности реализуется, т.е. как часто отсутствует противопоставление по роду. *По схеме видно*, что ядерные падежи (именительный, винительный, родительный) чаще допускают противопоставление выражаемой кумулятивно с ними категории рода, в то время как периферийные склонны к нейтрализации родовых оппозиций. Пользуясь снова словами К.И. Позднякова, можно сказать, что «чем важнее знак для одной категории, тем меньше он "работает" на другую» [Поздняков 2005: 9].

Об избежании «нагромождения маркированных граммем» писал и И.А. Мельчук: «Наличие нескольких маркированных граммем в словоформе, как правило, избегается» [*Мельчук 1998: 27*]. *В его трактовке оппозиции маркированности/немаркированности* предполагалась «связь этой оппозиции со способом фиксации языковых единиц в сознании носителя языка: единица, содержащая немаркированную граммему, хранится в памяти непосредственно, тогда как ее коррелят, содержащий маркированную граммему, непосредственно не хранится, а при необходимости образуется путем применения определенных правил» [Мельчук 1998: 28]. Поскольку эта трактовка выводит вопрос за рамки собственно дескриптивного описания в область психолингвистики, в данной работе не предполагается объяснять глубинные причины этого явления; достаточной будет *формулировка «закона маркированности» К.И. Позднякова*. Если применить эту схему к урумскому языку, то легко можно разделить все урумские падежи на две группы: ядерные падежи (номинатив, генитив, аккузатив), где следует ожидать максимального возможного противопоставления в случае наличия любых кумулятивных категорий, и периферийные (все остальные, а именно датив, локатив, аблатив, комитатив, абессив, терминатив), где следует ожидать максимального количества нейтрализаций. Именно

это явление и наблюдается в случае категории детерминации: аккузатив и генитив различают прагматический статус имени, в остальных падежах прагматические противопоставления нейтрализуются.

Сложнее описывать ситуацию с номинативом, поскольку на морфологическом уровне неоформленное имя и именительный падеж не различаются. Предложенные И.А. Муравьевой синтаксические критерии разграничения работают для турецкого языка, но для урумского с его несколько более свободным порядком слов могут оказаться неактуальными; усложняет анализ и недостаточность материала, поскольку для применения соответствующих синтаксических критериев требуется корпус связных текстов, позволяющий провести анализ анафорических отношений. Здесь предлагается пользоваться другим способом разграничения номинатива и неоформленного имени: неоформленность блокирует не только выражение категории падежа, но также и выражение числа и притяжательности. Поэтому все формы, где присутствует показатель множественного числа (-lAr) и/или один из показателей притяжательности, здесь будут рассматриваться как именительный падеж; случаи употребления имени без каких-либо морфологических показателей представляют собой проблему, не разрешимую при работе с отдельными, вырванными из контекста примерами, но применение трансформаций (например, тест на возможность множественного числа) должно показывать, требует ли данный синтаксический контекст именительного падежа или же неоформленного имени.

О правомерности применения метода трансформаций для подобного анализа писал, в частности, В.Б. Касевич [Касевич 1988: 118–119]. Трансформации в целом признаются в качестве возможного исследовательского приема, с той оговоркой, что при использовании трансформаций «речь должна идти об установлении таких свойств конструкций, которые определяют их функционирование, что и отражается лингвистическим описанием» [Касевич 1988: 119].

Применяя метод трансформаций, можно увидеть, что типичная позиция подлежащего допускает множественное число имени:

(29) ***o*** *otru-j*
он(NOM) сидеть-PRS(3SG)
'Он сидит'.

(30) ***o-lar*** *otru-j-lar (или otru-j)*
o-PL(NOM) сидеть-PRS-PL (или сидеть-PRS)
'Они сидят'.

Соответственно, о ('он') в примере (29) рассматривается как именительный падеж. В сочетании же с послелогом *d'ibik* множественное число невозможно, что видно при трансформации:

(31) *o görün-üj* ***bala*** *d'ibik*
он выглядеть-PRS **ребенок (IND)** как
'Он выглядит совсем еще ребенком'.

(32) *o-lar* *görün-üj-ler* *bala* *d'ibik*
он-PL выглядеть-PRS–3PL ребенок как
'Они выглядят совсем еще детьми'.

При невозможности:

(33) *o-lar* *görün-üj-ler* **ballar* *d'ibik*
он-PL выглядеть-PRS–3PL ребенок-PL как
'Они выглядят совсем еще детьми'.

Следовательно, *bala* в данном контексте должно рассматриваться как неоформленное имя.

Вышеприведенная процедура позволяет окончательно разграничить неоформленное имя и совпадающую с ним форму именительного падежа единственного числа. Однако остается последний вопрос, касающийся падежных ограничений на выражение категории детерминации. Поскольку некоторые значения категорий детерминации и личности (например, нереферентные употребления имен не-лиц) блокируют выражение падежа, а некоторые значения категории падежа (а именно, все неядерные падежи) блокируют формальное выражение детерминации личности, то оказывается, что перечисленные категории являются взаимно имплицирующими. Само по себе это никак не противоречит определению импликативной реализации. Но позволяет ли такое взаимовлияние «по кругу» составить последовательный алгоритм создания формы? Попытка создать подобный алгоритм показывает, однако, что ничего принципиально невозможного в нем нет, если продублировать схожие (но не одинаковые!) действия по проверке значения категории в разных «ветках» алгоритма:

В данной схеме (+) означает наличие проверяемого признака; (–) его отсутствие, (1) – результирующую форму с показателями числа и падежа, (0) – результирующее неоформленное имя. Обозначение (1/0) для нереферентных употреблений имен-лиц в ядерных падежах указывает на варьирование в данном контексте, являющееся, по-видимому, свободным (с тяготением к форме (1)). Это единственное место в схеме, где можно говорить об отсутствии облигаторности; во всех остальных случаях кажущаяся «неправильность» употребления урумских аффиксов оказывается в действительности закономерной и формализованной.

Эта схема не учитывает идиоматики и сильно лексикализованных выражений, устойчиво тяготеющих к варианту (0), то есть неоформленности.

В подобном виде схема, несомненно, выглядит несколько сложной, однако позволяет последовательно «строить» формы, исходя из имеющейся на старте семантики. Все образовавшиеся на схеме нули (0) являются результатом действия грамматической импликации, позволяющей с помощью ограниченного инвентаря двух категорий (числа и падежа) выразить в действительности значения четырех различных категорий (падежа, числа, детерминации и личности).

ВЫВОДЫ

В данной работе было рассмотрено, как применение понятия импликации для грамматических категорий позволяет описать сложную систему взаимодействия в языке нескольких именных категорий, отражая необычные языковые факты и не отступая при этом от классических определений грамматического в языке. Существующая в урумском языке система имплицирующего взаимодействия именных категорий не является экзотичной или уникальной; схожих результатов следует ожидать для многих тюркских языков, обладающих родственными системами, а в перспективе – для агглютинирующих языков в целом. Проблема облигаторности грамматической категории в агглютинативных языках может быть как минимум частично решена путем применения разо-

бранной выше методики, и можно выразить надежду, что исследования в этом направлении еще будут проведены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баскаков 1979 – *Н.А. Баскаков*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.

Гаркавець 2000 – *О.М. Гаркавець*. Урумський словник. Алма-Ата, 2000.

Гаркавець 1999 – *О.М. Гаркавець*. Уруми Надазов'я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.

Гузев, Насилов 1981 – *В.Г. Гузев, Д.М. Насилов*. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. 3.

Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Кононов 1941 – *А.Н. Кононов*. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941.

Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. М.; Вена, 1998.

Муравьева 2004 – *И.А. Муравьева*. Типология инкорпорации. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.

Николаева 1990 – *Т.М. Николаева*. Определенности – неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. М., 1990.

Нилсон 1987 – *Б. Нилсон*. Определенность и референтность в связи с аккузативом в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX: Проблемы современной тюркологии. М., 1987.

Плунгян 1994 – *В.А. Плунгян*. К проблеме морфологического нуля // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журинского. М., 1994.

Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000 (2-е изд. – М., 2003).

Поздняков 2001 – *К.И. Поздняков*. Корреляция маркированности и нейтрализаци у синкретичных знаков // Труды факультета этнологии СПб. ун-та. Вып. 1. СПб., 2001.

Поздняков 2005 – *К.И. Поздняков*. Нейтрализация, кумулятивный знак и субморфный уровень языка // Язык и речевая деятельность. СПб., 2005.

ПОЯМ 1976 – Принципы описания языков мира / В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренникова (ред.). М., 1976.

Серебренников, Гаджиева 1986 – *Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

Тенишев 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Э.Р. Тенишев (ред.). М., 2002.

ЯМ 1997 – Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.

Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.

Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. 2003. 21.

Bossong 1985 – *G. Bossong*. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in der neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.

Bossong 1991 – *G. Bossong*. Differential object marking in Romance and beyond // D. Wanner, D. Kibbee (eds.). New analyses in Romance linguistics. Selected papers from the XVIII linguistic symposium on Romance languages. Amsterdam, 1991.

Enç 1991 – *M. Enç*. The semantics of specificity // Linguistic inquiry. V. 22. № 1. 1991.

Givón 1978 – *T. Givón*. Definiteness and referentiality // Universals of human language. V. 4: Syntax. Stanford, 1978.

Knecht 1985 – *L.E. Knecht*. Subject and object in Turkish. Cambridge (Mass.), 1985. http://theses.mit.edu

Mohanan 1990 – *T. Mohanan*. Arguments in Hindi. Ph. D. Diss. Stanford, 1990.

Moravcsik 1978 – *E.A. Moravcsik*. Case marking of objects // Universals of human language. V. 4: Syntax. Stanford, 1978.

Rodriguez-Mondoñedo 2006 – *M. Rodriguez-Mondoñedo*. The acquisition of differential object marking in Spanish. University of Connecticut, 2006 (manuscript).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. А. ГРЕНН, М. ФИЛЮШКИНА КРАВЕ

КОНКУРЕНЦИЯ ВИДОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТУРЫ И АНАФОРИЧЕСКИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Целью данной статьи является описание сущности конкуренции глагольных видов (совершенный vs. несовершенный) в русском языке. В частности, объясняется, каким образом совершенный вид (СВ) вступает в конкуренцию с двумя разновидностями общефактического несовершенного вида (НСВ) в прошедшем времени: с ассертивно-событийным и с пресуппозитивным НСВ. Выделены два фактора, которые играют ключевую роль в выборе вида: прагматическая импликатура и событийная пресуппозиция. Авторы заключают, что выбор говорящего в пользу НСВ происходит в тех случаях, когда значимость итогового состояния не является релевантной в контексте дискурса (первый фактор: прагматическая импликатура). Кроме того, утверждается, что только НСВ может использоваться в случае событийной анафоры: в целях экономии, НСВ, будучи немаркированным видом, может употребляться тогда, когда в контексте имеется его антецедент – завершенное действие (второй фактор: событийная пресуппозиция).

1. РЕФЕРЕНЦИЯ И КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ

Как и существительные, глаголы представляют собой референтные выражения. Известно, что существительные в единственном числе могут обозначать как отдельные предметы (например, *корова, бутылка пива*), так и массу, которую эти предметы составляют (например, *говядина, пиво*). Аналогичным образом, глаголы могут обозначать и отдельные события (например, *написать письмо*), и «массу», состоящую из этих событий, т.е. процессы (например, *писать письма*). Германские языки характеризуются богатой системой детерминативов и в связи с этим референциально ориентированы на существительное (как например, в английском: *beer – a beer – the beer* и т.п.). Славянские *языки, наоборот, имеют развитую видовую систему и ориентированы на глагол* [Парти 1997], т.е. установление референции происходит через глагольную форму (в частности, выбор глагольного вида влияет на интерпретацию не только глагола, но и его дополнения).

В формальной семантике (в англоязычной лингвистической литературе термин «формальная грамматика» утвердился за теоретико-модельной логической семантикой, выросшей из грамматики Монтегю) обсуждается вопрос о том, каким образом семантические операторы – с выраженными или невыраженными морфо-синтаксическими признаками – могут перенести свои аргументы из сферы отдельных предметов (в случае, если изначальный денотат данного выражения находится в этой сфере) в сферу массы и наоборот. Подобные операторы обнаруживаются в видовой системе славянских языков. Например, в выражениях типа *есть говядину* как глагол, так и дополнение обозначают гомогенные сущности – «массу», и глагольная группа как целое тоже гомогенна, т.е. ее денотат относится к сфере процессов. Однако оператор совершенного вида превращает это выражение в отдельное гетерогенное событие (*съесть говядину*), возможно, осуществляя при этом и скрытую трансформацию дополнения. Оператор вторичной имперфективации способен снова вернуть глагольной группе функцию несовершенного вида таким образом, что она снова окажется в гомогенной сфере: сочетание *съедать говядину* имеет скорее итеративное значение.

Некоторые выражения легко переходят из одной сферы в другую: например, *пиво* является именем массы и обладает свойством кумулятивности – «некоторая порция пива» + «другая порция пива» = «пиво». Однако порции пива могут исчисляться и как отдельные единицы. В предложении *Ваня заказал четыре пива* скрытый оператор превратил существительное *пиво* в исчисляемое, так что теперь оно может служить в качестве аргумента количественного выражения *четыре*. Нечто подобное происходит в славянских языках и в глагольной сфере. Процесс, обозначаемый выражением *писать письмо*, может в определенных контекстах концептуализироваться как процесс, достигший своего внутреннего предела: в результате процесса писания существует письмо. В таком случае глагольная группа уже не обладает гомогенным значением[1]. Но тогда возникает вопрос: каковы различия между предельным (гетерогенным) *писать письмо* и подобным ему выражением в совершенном виде *написать письмо*. Именно в этом и состоит так называемая конкуренция видов.

2. БЛОКИРОВКА, РАЗБЛОКИРОВКА И ЭКОНОМИЯ

Скрытые функции, переводящие предметы из одной сферы в другую, могут блокироваться наличием идиоматичного выражения для данного значения – это так называемая б л о к и р о в к а (англ. blocking). Например, если к исчисляемому существительному *корова* применить морфо-синтаксически не выраженную функцию m («масса»), то получится выражение, *корова*$_m$, которое должно обозначать *вещество, из которого состоят коровы*. Однако если под выражением *вещество, из которого состоят коровы*, мы имеем в виду *мясо коровы*, то правильнее будет употребить идиоматический термин *говядина*, блокирующий существование выражения *корова*$_m$. По аналогии, говоря о завершенном процессе написания письма как об отдельном событии, мы обычно отдаем предпочтение маркированному, идиоматичному совершенному виду (*написать письмо*) перед скрытым оператором событийности (перфективации), примененным к выражению с процессным значением *писать письмо*.

Наряду с блокировкой, существуют и интересные случаи р а з б л о к и р о в к и (англ. deblocking) как среди существительных, так и среди глаголов. Используя немаркированное выражение вместо более идиоматичной маркированной формы, говорящий имеет возможность передать дополнительную информацию. Ниже приводятся пример (1), известный из литературы по лексической семантике, и пример (2), демонстрирующий употребление несовершенного вида в двунаправленном значении:

(1) *Индусы не едят* ***корову***.
(2) *Кто* ***включал*** (НСВ) *плиту*? (контекст: в данный момент плита выключена, но она по-прежнему горячая, так как кто-то ее включал).

Мы считаем, что *корова* в (1) и *включал* в (2) приобретают более конкретную интерпретацию за счет конкуренции с более эксплицитными альтернативными выражениями: *говядина* и *включил*. Употребление слова *корова* в (1) побуждает слушателя заключить, что говорящий ссылается на мясо коровы с религиозной точки зрения, а во втором примере говорящий употребляет глагол именно несовершенного вида с тем, чтобы пере-

---

[1] В западной лингвистике существует и другой подход к изучению референциальности и композициональности в области глагольного вида. Согласно этой концепции славянский вид трактуется как семантический оператор, который преобразует глагольную группу, имеющую денотатом множество событий (англ. events), в предикат, заданный на временных интервалах, который, в свою очередь, служит аргументом для оператора времени [Groenn 2004]. Таким образом, вырисовывается взаимосвязь между категориями вида и времени с композициональной точки зрения. В данной статье, мы, для простоты, придерживаемся более традиционной позиции, поскольку мы ограничиваемся вопросами, которые лишь в незначительной степени касаются категории времени и сочетания вида с временными наречиями.

дать информацию о том, что за действием включения следовало обратное действие, а именно – выключения плиты. Подобные случаи разблокировки немаркированного выражения порождают особые прагматические и м п л и к а т у р ы.

Существуют и другие контексты, в которых для передачи отдельных событий предпочтение отдается несовершенному виду, т.е. в конкуренции видов побеждает несовершенный вид.

(3) А. *Тебя неплохо* ***подстригли*** (СВ).
Б. *Спасибо.*
А. *Кто* ***подстригал***? (НСВ) vs. (??) *Кто* ***подстриг***? (СВ)

В последней строке примера (3) употребление НСВ является более *экономичным* выбором. Являясь немаркированным видом, НСВ может употребляться для указания на завершенные события в контекстах, обеспечивающих однозначное прочтение. Поскольку из первого предложения собеседника А известно, что собеседник Б был подстрижен (т.е. есть основания для пресуппозиции), то вместо маркированного совершенного вида во втором высказывании говорящего А более экономно будет использовать немаркированный НСВ. Параллельным примером из номинальной сферы может быть пример (4):

(4) А. *Ты бы предпочел кофе или* ***бутылку «Балтики»***?
Б. *Я, пожалуй, возьму* ***пиво.***

Термин *пиво* – более общий по сравнению с *бутылка Балтики*, но в определенных контекстах они могут быть референциально тождественны, и говорящий вправе предпочесть первый термин (более общий, немаркированный), руководствуясь правилом экономии.

Подведем небольшой итог. При указании на завершенные события в прошлом ожидается, что несовершенный вид будет проигрывать в конкуренции с совершенным видом, который четко обозначает отдельное законченное событие. Однако существует два типа ситуаций, которые обусловливают употребление НСВ. Во-первых, НСВ выигрывает конкуренцию с СВ в особых контекстах разблокировки, ведущих к прагматическим импликатурам (пример (2)), а во-вторых, – в контекстах, где СВ и НСВ референциально тождественны, но НСВ является более экономичным выбором (пример (3)).

Эти две функции общефактического значения НСВ напоминают предложенное Е.В. Падучевой [Падучева 1 996] разделение о б щ е ф а к т и ч е с к о г о значения на о б щ е ф а к т и ч е с к о е э к з и с т е н ц и а л ь н о е и о б щ е ф а к т и ч е с к о е а к ц и о н а л ь н о е – разделение, которое было изначально упомянуто в [Forsyth 1970] и более подробно рассмотрено в [Groenn 2004]. Гренн предложил новый анализ *акционального значения* НСВ в рамках анафорических пресуппозиций; отсюда и новый термин – п р е с у п п о з и т и в н ы й НСВ. Для наглядности назовем о б щ е ф а к т и ч е с к о е э к з и с т е н ц и а л ь н о е значение НСВ а с с е р т и в н о - с о б ы т и й н ы м. Оба значения будут рассмотрены ниже.

3. АССЕРТИВНО-СОБЫТИЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НСВ В СВЕТЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИМПЛИКАТУР

Употребления несовершенного вида в примерах, подобных (5), всегда привлекали внимание лингвистов-аспектологов[2]:

---

[2] Е.В. Падучева приводит следующий набор семантических компонентов, характеризующих общефактическое экзистенциальное (здесь: ассертивно-событийное) значение НСВ: экзистенциальное коммуникативное членение, результативность, разобщенность действия с моментом речи, кратность, неопределенность времени завершения, ретроспективная точка отсчета [Падучева 1996: 43].

(5) *Ваня* ***читал*** (НСВ) *«Войну и мир»*.

Мы считаем, что для полного понимания таких случаев необходимо учитывать жесткую конкуренцию, в которую несовершенный вид вступает по отношению к совершенному виду – маркированной форме для указания на завершенные события. Если событие завершено и достигло своего внутреннего предела, то как правило присутствует и какой-то результат этого события. Поэтому совершенный вид обычно ассоциируется с результирующим состоянием события. Важно заметить, что несмотря на то, что немаркированный несовершенный вид может использоваться для указания на завершенные события, он никогда не ассоциируется с состоянием, возникшим в результате его наступления. Таким образом, в силу конкуренции с СВ, в семантике НСВ появляется ярко выраженная прагматическая импликатура. Лексическая семантика глагола определяет степень выраженности этой прагматической импликатуры. Ниже речь пойдет о двух подвидах ассертивно-событийного (экзистенциального) значения НСВ.

3 А. Первый тип ассертивно-событийного НСВ

К первому типу относятся обычные предельные глаголы (например, *читать <«Войну и мир»>*). В форме СВ такие глаголы выражают релевантность/актуальность события в настоящий момент. В форме НСВ эти глаголы передают информацию о том, что событие когда-то имело место; при этом неважно, когда именно и какие последствия оно повлекло за собой (более подробно см. [Падучева 1996; Groenn 2004]).

3 Б. Второй случай ассертивно-событийного НСВ

Некоторые предельные глагольные группы характеризуются наличием семантически значимого итогового состояния, которое является частью их внутреннего лексического значения. Например, в глагольной группе *зачитать книгу до дыр* итоговое состояние книги является физически, концептуально и лингвистически более ярким, чем состояние, передаваемое выражением *прочитать книгу*. В задачу данной статьи входит установление различий между этими состояниями, в связи с чем назовем второе состояние – *книга прочитана* – тривиальным итоговым состоянием (итог$_T$), а первое состояние (*книга зачитана до дыр*) – лексикализованным итоговым состоянием (итог$_L$).

Далее, внутри группы предикатов итогового состояния типа итог$_L$ можно различить 2 подтипа: перманентные итоговые состояния и обратимые итоговые состояния (например, итоговое состояние открытого окна может быть легко изменено, если окно закрыть). Итоговое состояние книги, зачитанной до дыр, относится к перманентному типу. Это состояние необратимо. Если книга была зачитана до дыр, то таковой она (как правило) и останется. Свойство четко обозначенного перманентного результата характерно для глаголов создания и разрушения. Эти глаголы обычно используются при передаче завершенного события в форме СВ, например:

(6) *Толстой* ***написал*** (СВ) *«Войну и мир»*.

Такие переходные глаголы создания, как *написать, построить, нарисовать*, обозначают события, которые приводят к существованию нового, уникального объекта (обозначаемого именной группой дополнения). Этот объект может быть вполне абстрактным, как, например, какое-то произведение Толстого. Будучи результатом интеллектуального или творческого труда, объект никогда не перестанет существовать. Несмотря на тот факт, что физически рукопись «Войны и мира» может быть уничтожена, книга всегда будет существовать как предмет искусства во все времена, следующие за событием ее написания.

Другие глаголы, поведение которых в видовой конкуренции похоже на поведение глаголов создания, представлены в парах: *открыть – открывать Америку, доказать – доказывать теорему Ферма* и т.д. (см. похожие примеры в [Israeli 1996] и в [Падучева 1996]). Противоположные состояния передаются глаголами «разрушения»: *есть – съесть яблоко, разрушить – разрушать Атлантиду, убить – убивать Кирова.* Глаголы разрушения выделяют не начало существования предмета, обозначенного дополнением, а конец его существования[3].

Ко второму подтипу предикатов состояния итог$_L$ относятся предикаты обратимого итогового состояния. Поскольку итоговые состояния типа итог$_L$ соответствуют лексической семантике определенных единиц, а не просто являются частью нашего знания о мире, их наличие обычно можно подвергнуть проверке с помощью обстоятельств времени. Обратимые итоговые состояния особенно хорошо поддаются такой проверке. Одним из наиболее интересных диагностических тестов является тест с обстоятельством «на время X», который измеряет временной отрезок итогового состояния. Сравним глаголы в примерах (7–9), обозначающие итоговые состояния (итог$_L$) с примером (10), где глагол связан лишь с состоянием типа итог$_T$:

(7) *Купец* ***открыл*** (СВ) *магазин на два часа.*
(8) *Муж* ***зашел*** (СВ) *домой на 10 м инут.*
(9) *Депутаты* ***получили*** (СВ) *вчера на два часа эфир РТР.*
vs.
(10) **Иван Петрович* ***посмотрел*** (СВ) *фильм на два часа.*

Другим диагностическим тестом, указывающим на наличие или отсутствие состояния итог$_L$, является сочетаемость глаголов со словом *опять*. Если предложение, содержащее слова *опять, снова, вновь* и т.п., является двусмысленным, т.е. может пониматься и в репетитивном (повторительном), и в реститутивном (восстановительном) значении, то предикат имеет итоговое состояние итог$_L$, например:

(11) *Паша* *<u>опять</u>* ***открыл*** (СВ) *окно.*

Вне контекста данное высказывание имеет два смысла. А именно: при репетитивном прочтении предложение (11) означает, что и в предыдущий раз Паша открывал окно. Реститутивное же прочтение является менее эксплицитным в отношении наличия агенса. В этом случае *опять* относится непосредственно к итоговому состоянию (*окно открыто*). Таким образом, мы можем лишь заключить, что окно уже было открыто (итог$_L$) в какой-то предшествующий момент, но агенсом действия мог быть кто угодно другой (а не обязательно Паша)[4]. Например:

(12) *Ваня* ***закрыл*** (СВ) *окно. Паша опять его* ***открыл*** (СВ).

Опять в примере (12) позволяет сделать вывод, что итоговое состояние события открывания окна – т.е. состояние открытого окна – уже имело место ранее[5].

---

[3] В некоторых предыдущих подходах к конкуренции видов предпочтение форме совершенного вида в контексте глаголов этого типа связывалось с критерием единичности [Israeli 1996; Dickey 2000]. Вместо этого мы предлагаем объяснение тех же примеров, исходя из свойства перманентного итогового состояния, из которого косвенно следует единичность.

[4] Эта неоднозначность подробно описана в [Падучева 2004: 510–511].

[5] Сравните пример (12) с употреблением простого предельного глагола с состоянием итог$_T$. *Паша опять* ***прочитал*** (СВ) *«Войну и мир».* Данное предложение означает, что Паша прочитал роман хотя бы два раза. В этом примере отсутствует двузначность слова *опять*, так как оно может указывать только на повтор всего действия, а не итогового состояния.

3 В. Прагматическое объяснение

Итак, каким образом ассертивно-событийный НСВ вписывается в картину, возникающую из представленного выше анализа лексических свойств предикатов?

Ассертивно-событийный НСВ может употребляться в контексте глаголов обратимого итогового состояния при условии, что имела место отмена состояния. Отмена состояния итог$_L$, выражаемая глаголом НСВ, связана со свойством разобщенности [Падучева 1996]. Эта сильная прагматическая импликатура возникает из-за конкуренции с совершенным видом, так как для СВ характерно сохранение итогового состояния. Что касается глаголов, выражающих перманентные итоговые состояния, то употребление ассертивно-событийного НСВ с такими глаголами невозможно. Перманентное итоговое состояние необратимо, поэтому нельзя ожидать, что НСВ его отменит. Эти глаголы могут употребляться только в пресуппозитивном значении общефактического НСВ.

С точки зрения прагматики, глаголы обратимого итогового состояния создают чисто привативную оппозицию совершенного и несовершенного вида. В форме НСВ они составляют как раз ту группу глаголов, которые могут иметь двунаправленное значение. Поэтому вполне естественно, что глаголы НСВ двунаправленного значения сочетаются с обстоятельствами времени «на время X», которые измеряют временную емкость состояния итог$_L$: см. примеры (7–9) с глаголами СВ, а также пример (13) с НСВ:

(13) *Он* ***просыпался*** (НСВ) *минут на пять* [Forsyth 1970].

4. НЕМАРКИРОВАННЫЙ НСВ В РОЛИ СОБЫТИЙНОГО АНАФОРА

Речь говорящего характеризуется стремлением к экономности. Грайс и другие философы языка замечают, что говорящий старается передать ту или иную информацию с наименьшей затратой усилий. Одним из важнейших приемов экономии при передаче информации в языке являются анафорические выражения (анафóры), прежде всего, – местоимения. Мы считаем, что в одном из своих значений НСВ, будучи немаркированным видом, также выполняет роль анафора. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо учесть, что анáфора и пресуппозиция тесно связаны между собой. Анафорические выражения могут употребляться, когда в заданном контексте имеется подходящий антецедент (например, местоимение *он* уместно, если в контексте есть выражение *молодой человек*). Пресуппозиция может считаться анафóром, обогащенным дополнительным дескриптивным содержанием [van der Sandt 1992]. Когда говорящий спрашивает *Вы бросили курить*?, он тем самым предполагает, что его собеседник был курящим. Такой вопрос оправдан только в том случае, если он употреблен в контексте общего фонда знаний говорящего и слушающего, из которого следует, что слушатель действительно был курящим.

Несовершенный вид может предполагать существование завершенного события или точнее: использование несовершенного вида оправдано, если в заданном контексте указан его антецедент – завершенное действие. Следующий хрестоматийный пример (14) из [Forsyth 1970] показывает правильность этого утверждения:

(14) *В этой портерной я* ***написал*** (СВ) *первое любовное письмо к Вере.*
Писал (НСВ) *карандашом* (А.П. Чехов).

Во втором предложении в фокусе не событие как таковое, а один из его участников (здесь – инструмент). Именно здесь в ход вступает пресуппозитивный НСВ: это ситуация, «когда внимание говорящего направлено на то, *где, когда, зачем, кто* совершал действие» [Рассудова 1968: 75]. Апеллируя к примеру (14), в эту формулировку можно добавить еще и *как*. Опираясь на славянскую лингвистическую традицию, М.Я. Гловинская предлагает интерпретацию таких примеров с использованием понятий тема-рема:

глагол в пресуппозитивном значении является тематическим, в то время как агенс (или другая тематическая роль – например, инструмент) относится к реме[6].

Исходя из традиционной концепции актуального членения Пражской школы, последнее предложение в примере (14) можно разделить на две части: тема (*писал*) и рема (*карандашом*), где тема передает уже известную, данную в контексте информацию, в то время как ремой представлена новая информация[7].

Итак, базовую структуру высказывания можно представить в виде упорядоченной пары <Тема, Рема>. Для анализа примеров, обсуждаемых в данной статье, мы предлагаем рассматривать пару <Тема, Рема> как эквивалентную паре <Пресуппозиция, Ассерция>. Тогда структура предложения (14) будет выглядеть как (14'):

(14') <Пресуппозиция: *имело место событие написания мной письма Вере*,
Ассерция: *событие осуществилось (с помощью инструмента) карандашом*>

С нашей точки зрения, употребление НСВ в (14) объясняется стремлением говорящего к передаче информации наиболее экономичным способом. А именно, пресуппозиция здесь используется в анафорической функции. В свете предполагаемой связи между пресуппозицией и анафорой следует сделать следующее уточнение.

Событийная пресуппозиция требует событийного антецедента. При этом возможны два способа убедиться в существовании события в заданном контексте (два способа установить кореференцию):

(а) контекст содержит языковую информацию, достаточную для установления факта существования события (например, *написал* в (14));
(б) контекст позволяет допустить существование события. В этом случае говорящий, используя пресуппозицию, «дает инструкцию» слушателю *добавить* некоторую информацию к заданному контексту (в западной лингвистике это явление называется приспособлением, аккомодацией – англ. accommodation) таким образом, чтобы стало возможным установление антецедента для всего события целиком. Информация, необходимая для аккомодации, должна быть легко доступной, правдоподобной и не должна противоречить общему фонду знаний (англ. common ground), разделяемому говорящим и слушающим.

Так, событийно-экзистенциальная пресуппозиция общефактического НСВ предполагает *наличие референтной связи между событием пресуппозиции и некоторым антецедентом*. Однако если установить антецедент исходя из одного только языкового контекста невозможно, пресуппозицию можно *приспособить*. Определение (б) применяется в примере (15):

(15) – *Ваня, это ты* ***открывал*** (НСВ) *дверь грязными руками? – спрашивает мать.*

Даже если в реальной ситуации дверь в момент речи не открыта, Ваня легко может себе представить, что раньше она была открыта. Для успешного осуществления аккомодации нужно, чтобы добавленная информация казалась вероятной в заданной ситуации

---

[6] В заключении к разделу об общефактическом значении НСВ и актуальном членении предложения М.Я. Гловинская призывает аспектологов к более глубокому изучению этой проблемы [Гловинская 2001], что и является целью данной статьи; см. также [Groenn 2004].

[7] Как уже говорилось выше, Е.В. Падучева [Падучева 1996] использует термин «акциональное значение НСВ». Однако ее анализ предполагает, что только роль агенса может быть рематической (фокусированной, ассертивной) в данном употреблении НСВ. Такой анализ не является всеохватывающим и, в частности, не объясняет такие случаи, как в примере (14), где рематическую роль играет инструмент (способ) действия, а не его исполнитель.

дискурса (как в примере 15) – так, чтобы не требовалось слишком больших усилий со стороны слушателя.

В заключение этой части анализа приведем пример, иллюстрирующий разделение труда между ориентированным на ассерцию СВ и пресуппозитивным НСВ.

(16) *Внезапно ей* ***стало*** (СВ) *плохо,* ***сказала*** (СВ): *«Это конец».* ***Вызвали*** (СВ) *неотложную,* ***отвезли*** (СВ) *в больницу, но поздно –* ***умерла*** (СВ) *на другой день. Тут в воспоминаниях пробел. Кто* ***звонил*** (НСВ), ***распоряжался*** (НСВ), ***заказывал*** (НСВ) *машину? Кто его самого* ***отвез*** (СВ) *в город? Полная неясность, память черна* (из Упсальского корпуса русских текстов).

В примере (16) разделение труда между СВ и НСВ четко обозначено: СВ используется в статусе ассерции – для введения в рассказ новых событий: *стало плохо, сказала, вызвали неотложную, отвезли в больницу, умерла.* Затем следуют три глагола в форме НСВ, имеющие пресуппозитивную интерпретацию. Употребление этих форм, с их событийной пресуппозицией, оправдано в данном контексте, который содержит завершенные события – антецеденты. Рассмотрим, например, сочетание *заказывал машину.* Этому сочетанию предшествует контекст, который уже содержит информацию о том, что была вызвана скорая помощь (*вызвали неотложную*). Поэтому слушатель может легко найти антецедент для анафоры, заключенной в глаголе НСВ заказывал.

Далее, после трех глаголов НСВ снова используется глагол СВ: *отвез его самого в город.* Причиной смены вида в данном случае является тот факт, что отвез выражает новую информацию. В контексте высказывания нет антецедента, с которым можно было бы отождествить событие *отвоз говорящего в город.*

5. ПОГРАНИЧНЫЕ СЛУЧАИ

На примере (16) мы показали, каким образом предложенный анализ семантики видов объясняет, почему в некоторых высказываниях для событийной референции можно использовать только один из двух глагольных видов. Однако существует множество пограничных случаев, где допустимы оба вида. Как объяснить выбор вида в подобных высказываниях? Нельзя не признать, что говорящий имеет свободу выбора: вместо пресуппозитивного НСВ он может представить событие на ассертивном уровне (т.е. употребить совершенный вид глагола), даже если существует возможность разрешения пресуппозиции (установления антецедента). Например, совершенный и несовершенный вид взаимозаменимы в следующем примере:

(17) *Прошлой весной Павлу удалось сдать экзамен по вычислительной лингвистике. Несмотря на сложность материала, он* ***сдал*** (СВ) / ***сдавал*** (НСВ) *этот экзамен экстерном.*

Противники подхода, описанного выше (предполагающего своего рода разделение труда между СВ и НСВ), могут возразить, что и в том случае, если в контексте есть информация о существовании события, может использоваться совершенный вид. Однако подобные примеры не свидетельствуют о том, что СВ вводит в высказывание экзистенциальную пресуппозицию. Пресуппозитивный НСВ (*сдавал*) в примере (17) является естественным и ожидаемым выбором, если исходить из принципа экономии. Употребляя СВ (*сдал*) в речевой ситуации примера (17), говорящий предпочитает «заново ввести в дискурс тему высказывания – с тем, чтобы вновь обратить внимание собеседника на факты» [Forsyth 1970].

По мнению Х.Р. Мелига [Мелиг 2002], функция глагола СВ (такого как *сдал* в примере (17)) заключается в том, чтобы вновь идентифицировать какое-то событие. На наш взгляд, использование форм СВ или НСВ в подобных случаях можно сравнить с употреблением имен собственных и местоимений. Предпочтение отдается местоимению,

если в контексте высказывания имеется его антецедент. При этом сохраняется возможность использования имени собственного при референции к человеку, несмотря на то, *что его имя уже упомянуто в предыдущем контексте.*

Итак, наш подход (предполагающий членение глагола с его актантами на ассерцию и пресуппозицию), способен объяснить целый ряд загадочных примеров видовой конкуренции, обсуждаемых в аспектологии. В то же время необходимо подчеркнуть, что присутствие в дискурсе условий, необходимых для возникновения пресуппозиции, не означает, что она *должна* эксплуатироваться; выбор между использованием (с НСВ) и неиспользованием (с СВ) пресуппозиции имеет коммуникативную значимость.

В разделе 2 мы уже рассматривали пример, в котором разделение предложения на ассерцию и событийную пресуппозицию «заставляет» говорящего сделать однозначный выбор в пользу НСВ:

(3) А. *Тебя неплохо* ***подстригли*** (СВ).
Б. *Спасибо.*
А. *Кто* ***подстригал***? (НСВ) vs. (??) *Кто* ***подстриг***? (СВ)

Пример (3) подтверждает справедливость нашего предположения о том, что СВ не является пресуппозитивным (т.е. не может выступать в роли анафора), и этим отличается от пресуппозитивного НСВ. Смысл примера (3) прозрачен благодаря тому, что анафор располагается в непосредственной близости к антецеденту. Чем больше расстояние между двумя глаголами, тем меньше вероятность того, что существование события может быть выведено из контекста – так, чтобы первый глагол мог играть роль антецедента. Соответственно, повышаются шансы у СВ. В отношении примера (3) стоит также заметить, что при добавлении *так великолепно* во втором высказывании собеседника А глагол в форме СВ звучит более уместно:

(3') – *Кто тебя так великолепно* ***подстриг*** (СВ)?

Это происходит, по-видимому, благодаря тому, что наречие переносит фокус высказывания с агенса на глагол, тем самым подчеркивая результат события и перенося событие в ассертивную часть дискурса.

6. ПРЕСУППОЗИЦИЯ VS. ИМПЛИКАТУРА И СТАТУС СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Выше мы приводили аргументы в пользу того, что общефактический НСВ порождает особые прагматические импликатуры (ассертивно-событийный НСВ) и анафорические событийные пресуппозиции (пресуппозитивный НСВ). Отсюда следует, что благодаря жесткой конкуренции НСВ с маркированным СВ последний является непресуппозитивным, а точнее – *ассертивным.*

С точки зрения традиционной русской аспектологии, предоженная здесь концепция может вызвать следующие два вопроса:

(i) Какова разница между пресуппозициями и импликатурами?
(ii) Может ли семантика СВ заключать в себе пресуппозиции?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Понятия импликатуры и пресупозиции необходимо, разумеется, различать (см., в частности [Падучева 2 004]). Рассмотрим следующий пример:

(18) *Таня три часа* ***убирала*** (НСВ) *дом после вечеринки.* ***Убирала*** (НСВ), *но не* ***убрала*** (СВ).

Поведение СВ под отрицанием в примере (18) заслуживает внимания, так как здесь возможна интерпретация, при которой отрицается только кульминация события, но не подготовительный процесс, предшествующий этой кульминации.

Примеры, подобные (18), привели многих лингвистов-славистов к мнению о том, что подготовительный процесс не обязательно включен в семантику совершенного вида: СВ всего лишь заключает в своей семантике пресуппозицию существования такого процесса. Мы предлагаем несколько аргументов, свидетельствующих против наделения совершенного вида таким пресуппозитивным значением.

Почему подготовительный процесс не входит в сферу действия отрицания в примере (18)? Ключевым моментом в рассмотрении этого вопроса является разделение труда между совершенным и несовершенным видами. Предположим, что исходным выбором говорящего для отрицания существования всего события является НСВ (как немаркированный вид по сравнению с маркированным совершенным видом). Тогда вполне естественным оказывается использование совершенного вида для отрицания лишь кульминации этого события. Речь идет всего-навсего о прагматической импликатуре, а точнее, о прагматическом усилении.

В соответствии с количественной максимой Грайса, если говорящий употребляет под отрицанием маркированный совершенный вид, слушатель придет к пониманию того, что говорящий желает передать с помощью этого СВ какой-то особый смысл. Если бы существовала возможность отрицания всего события в целом, то более экономичным в данной ситуации было бы использование НСВ. Таким образом, сталкиваясь, в примере (18), с СВ под отрицанием, слушатель может заключить, что имела место некая попытка или действие со стороны агенса, которое не достигло кульминации. Иными словами, под отрицание попадает только достижение кульминации. На наш взгляд, такой анализ видового выбора в примерах типа (18) более оправдан по сравнению с традиционным пресуппозитивным подходом.

Тест на отрицание не является сам по себе достаточным аргументом в пользу пресуппозитивного анализа СВ. В случае наличия пресуппозиции предполагается, что участники дискурса должны допустить ее истинность (или приспособить ее) – при условии, что она не входит в сферу действия какого-то особого оператора, блокирующего проекцию. Однако в обычных утвердительных предложениях СВ не несет никаких признаков такой пресуппозиции. Отсюда разница между примерами (19) и (20) [Падучева 1996], которую невозможно объяснить с помощью пресуппозитивного подхода:

(19) *Я* ***вызвал*** (СВ) *такси.*
(20) *Я не* ***вызвал*** (СВ) *такси.*

В первом случае нет оснований предполагать существование пресуппозиции подготовительного процесса события. Это свидетельствует о том, что импликатуру существования подготовительного процесса, с которой мы имеем дело в примере (20), стоит рассматривать не в качестве семантической пресуппозиции, а как прагматический (и неустойчивый) феномен.

В трудах по аспектологии имеются два пресуппозитивных подхода к совершенному виду. В соответствии с первым подходом, обсуждавшимся нами выше, подготовительный процесс (предшествующий событию наступления нового состояния) является информацией, заданной контекстом, а кульминация события имеет ассертивный статус (т.е. это новая информация). По второй концепции, идея пресуппозитивного СВ базируется на наблюдении о том, что СВ употребляется в контекстах, где предполагается, что событие имело место. Рассмотрим следующий пример:

(21) *Игорь* ***принял*** (СВ) *лекарство*? (из [Рассудова 1968]).

Анализируя данный пример, О.П. Рассудова утверждает, что, употребляя совершенный вид, говорящий предполагает, что действие должно было совершиться. Однако из того, что наступление события предполагается, не следует, что оно имело место. Такое заключение неверно с логической точки зрения, поэтому речь не может идти о семантической событийной пресуппозиции.

С.М. Дикки [Dickey 2000: 95] даже высказывает следующую мысль: «Общефактический НСВ сигнализирует отсутствие пресуппозиций в знании, которое разделяют участники дискурса; *он только утверждает, что некая ситуация вообще имела место, без указания* на какую-либо дополнительную контекстуальную информацию» (перевод авторов). Однако очевидно, что утверждение об «отсутствии пресуппозиций» не согласуется с такими высказываниями, как (14). Более того, так называемый «пресуппозитивный» эффект СВ в ссылке на ситуацию, которая по предположению должна была произойти, нельзя принимать за анафорическую отсылку к действительно произошедшему событию, т.е. за то, что можно назвать экзистенциальной пресуппозицией.

Основываясь на вышеизложенных аргументах, мы предлагаем оставить пресуппозитивный подход для анализа пресуппозитивного НСВ.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В таблице 1 представлена видовая конкуренция (разделение труда между СВ и НСВ) в прошедшем времени:

Таблица 1

Видовая конкуренция

	СВ	НСВ
1. Импликатура	Значимость итогового состояния	Нерелевантность (отмена) итогового состояния
2. Пресуппозиция	Ø	Событийная пресуппозиция

Рассмотренные нами два случая конкуренции видов независимы друг от друга; т.е. импликатуры, связанные с итоговым состоянием/отменой итогового состояния, не релевантны для контекстов событийной пресуппозиции. Однако для объяснения отдельных случаев видового выбора могут понадобиться оба параметра. В связи с этим обратимся к примеру (22), где несовершенный вид исключен:

(22) А. *Надо* ***выключить*** (СВ) *свет в прихожей.*
Б. Я его уже ***выключил*** *(СВ). vs. *Я его уже* ***выключал*** *(НСВ) (из [Мелиг 1997]).*

Аспектологи пока что не сумели объяснить, почему в данном примере невозможен несовершенный вид[8]. Полный анализ этого примера должен объяснить, (i) почему в данном случае заблокирована ассертивно-событийная интерпретация НСВ и (ii) почему пресуппозитивная интерпретация также невозможна.

(i) Ответом на вопрос, почему в примере (22) *выключал* не приобретает ассертивно-событийного значения, является конкуренция видов, возникающая по отношению к параметру релевантности итогового состояния типа итог$_L$. Глагол *выключать* является обратимым – его лексическое значение допускает возможность обратного действия (*включать*). Однако, как было замечено выше (см. раздел 3В), ассертивно-событийный НСВ может употребляться с глаголами обратимого итогового состояния только в том случае, если возврат итогового состояния действительно имел место. Если говорящий Б раньше уже выключал и снова включил свет (возврат итогового состояния – *Я его уже*

[8] Обсуждая данный пример, мы не исключаем существования особых контекстов, при которых НСВ возможен; например, допустим, что какой-то предмет можно увидеть только в темноте; А предлагает выключить свет, но Б это уже делал, и все равно объект остался невидимым.

выключал), то подобный ответ не является адекватной реакцией на призыв А выключить свет, так как означает, что свет по-прежнему включен.

(ii) Несовершенный вид в примере (22) не *может употребляться также и в анафорическом* значении. Ограничение на употребление пресуппозитивного НСВ в (22) следует из того факта, что событие (выключение света) входит в сферу действия модального оператора *надо*, поэтому его существование не следует из предыдущего контекста. Аккомодация существования события также невозможна: из речевого акта говорящего А видно, что он не знает об осуществлении данного действия. Поэтому было бы нелогично со стороны говорящего Б пытаться заставить говорящего А принять (аккомодировать) существование такого события. Таким образом, глагол, передающий событие в ответе говорящего Б принадлежит к ассертивной части предложения и должен быть в форме совершенного вида[9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

Мелиг 1997 – *Х.Р. Мелиг*. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Семантика и структура славянского вида II / С. Кароляк (ред.). Краков, 1997.

Мелиг 2002 – *Х.Р. Мелиг*. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте. Употребление видов в вопросах с местоимением *кто* // Основные проблемы русской аспектологии. С.-Петербург, 2002.

Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантика времени и вида в русском языке. М., 1996.

Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Парти 1997 – *Б.Х. Парти*. Вид и интерпретация именных групп // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997.

Рассудова 1968 – *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1968 (ср. издание 1984).

Dickey 2000 – *S.M. Dickey*. Parameters of Slavic aspect. Stanford, 2000.

Forsyth 1970 – *J. Forsyth*. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.

Grice 1989 – *P. Grice*. Studies in the way of words. Cambridge (Mass.), 1989.

Groenn 2004 – *A. Groenn*. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective // Acta Humaniora. 199. Oslo, 2004.

Israeli 1996 – *A. Israeli*. Discourse analysis of Russian aspect: accent on creativity // Journal of Slavic linguistics. 1996. 4 (1).

van der Sandt 1992 – *R.A. van der Sandt*. Presupposition projection as anaphora resolution // Journal of semantics. 9. 1992.

[9] В заключение мы хотим выразить нашу признательность рецензенту журнала «Вопросы языкознания», а также Николаю Вазову за ценные комментарии и поправки к данной статье.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. Е. В. ГОРБОВА

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ГРАММЕМЫ И АДВЕРБИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
(на материале испанского языка)

В статье рассматриваются типы взаимодействия адвербиального контекста и аспектуальных граммем. В ходе анализа языкового материала на основе лингвистического эксперимента выявляются две стратегии в сфере взаимодействия семантики граммемы и (адвербиального) контекста, обозначенные как партнерская и блокирующая. Отмечается возможность одновременного применения обеих стратегий при функционировании языковой системы (в данном случае – испанского языка). Ставится вопрос о релевантности выявленных стратегий для иных языковых систем и возможной типологической значимости этих стратегий в сфере взаимодействия грамматической категории и (в том числе и более широко понимаемого) контекста.

1. ВВЕДЕНИЕ

Влияние контекста[1] на функционирование грамматической категории невозможно игнорировать и трудно переоценить. Примеров реализации сильнейшего влияния контекста можно привести великое множество, начиная с иллюстрации некоторых так называемых частных значений аспектуальной оппозиции русского языка, реализуемых исключительно за счет контекста (в частности, так называемое неограниченно-кратное значение НСВ[2], где, что очевидно, результирующее значение итеративности полностью обеспечивается семантикой адвербиала, в чем легко можно убедиться, сравнив высказывания, различающиеся только наличием / отсутствием последнего), ср.:

(1) *По утрам они завтракают;*

(2) Они *завтракают*

и заканчивая упоминанием так называемой «контекстной вытеснимости» – «запрета на дублирование лексической информации грамматическими средствами» [Плунгян 2000: 139–140]. Отметим, что последнее понятие теоретически очень значимо, так как в рамках концепции В.А. Плунгяна (см. [Плунгян 2000]) оно призвано объяснить случаи нару-

[1] Из всех возможных видов контекста – ближайшего лингвистического, расширенного лингвистического, ближайшего ситуационного и расширенного социо-культурного (local linguistic context, wider linguistic context, local situational context, wider socio-cultural context in [Hewings, Hewings 2005: 20]) – здесь принимается к рассмотрению только ближайший лингвистический контекст, соответственно объем понятия контекста приравнивается к этому последнему виду контекста.

[2] Неограниченно-кратное значение НСВ фигурирует в перечне частных значений несовершенного вида, например, в работах Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, а также среди типов употребления НСВ в академической грамматике русского языка (см., в частности [Маслов 2004: 96–111; Бондарко 2002: 383; РГ 1980: 608; Шелякин 1987/2006: 74]).

шения принципа облигаторности выражения грамматических значений и подтвердить тем самым его всеобщность, постулируемую автором[3].

Целью настоящей статьи является представление перечня возможных «сценариев» (типов) взаимодействия контекста и аспекта[4] в сопровождении иллюстраций на материале испанского языка и, на этой основе, введение понятия языковой стратегии как ориентации на (возможно, преимущественное) использование того или иного сценария или их комбинации. В рамках данной работы рассматривается взаимодействие семантики исключительно аспектуальных граммем и контекста, при этом особым предметом анализа является лишь ближайший языковой адвербиальный контекст.

Как следует понимать элемент «адвербиальный»? По-видимому, можно выделить по меньшей мере два понимания этого термина: узкое и широкое. Узкое понимание является вполне этимологическим, а широкое может быть охарактеризовано как функциональное, поскольку включает в круг рассмотрения случаи выражения свойственных наречиям значений другими формальными средствами: именными темпоральными группами (например, *с этого момента, до сих пор*), временными придаточными предложениями (*с тех пор как* + глагол, *до того момента как* + глагол, etc.). В данной статье принимается широкое истолкование понятия «адвербиальный контекст».

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению основных типов взаимодействия контекста и грамматической категории в сфере аспектуальности.

2. ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОНТЕКСТА И АСПЕКТУАЛЬНЫХ ГРАММЕМ

Предлагаемая типология носит гипотетический характер и строится на двух принципах: принципе полярности и принципе континуальности. В соответствии с первым выделены «крайние» типы, которые условимся обозначать как I и III: в рамках первого типа контекст не оказывает никакого сколько-нибудь значимого воздействия на семантику грамматической категории, в третьем же типе семантика адвербиального контекста противоречит аспектуальной характеристике глагольного предиката[5]. Можно отметить, однако, что при этом третий тип, не будучи сам цельным, демонстрирует лишь крайний случай из ряда плавно переходящих друг в друга типов воздействия эксплицит-

---

[3] Впрочем, в литературе имеются и серьезные аргументы, позволяющие усомниться во всеобщности принципа облигаторности. См., например, приводимый в [Касевич 2006: 495] материал бирманского языка, иллюстрирующий феномен так называемой факультативности показателей, причем как при наличии компенсирующего контекста, включая внелингвистический, так и при его отсутствии; а также подытоживающие обсуждение вопроса выводы о том, что «грамматические значения тяготеют (выделение авторское. – *Е.Г.*) к обязательному выражению, и есть три степени, или три уровня, «обязательного выражения»: (1) при словах данного класса соответствующее значение не может остаться невыраженным, и для этого всегда употребляются специальные формальные средства; (2) значение обязательно присутствует, но специальные формальные средства для этого, хотя они должны иметься в системе языка, не являются обязательными в каждом конкретном случае – средством передачи соответствующей семантики может становиться контекст; (3) наряду с выражением данной семантики тем или иным формальным средством, контекстом отмечаются также ситуации своего рода нейтрализации грамматического значения, когда информация по данному признаку становится неопределенной, несущественной» [Касевич 2006: 496].

[4] В работе используется базирующийся на основных положениях концепции общей аспектологии Ю.С. Маслова (см. [Маслов 1978; 2004]) подход к аспектуальности испанского языка, в соответствии с которым в сфере аспектуальности испанского глагола выделяются три грамматические видовые оппозиции: имперфект / аорист, прогрессив / непрогрессив, перфект / неперфект. Обоснование такого подхода и обзор альтернативных точек зрения см. в [Горбова 1996]. Аналогичный взгляд обнаруживается в [Comrie 1976: 126-127] и [Guzmán Tirado, Herrador del Pino 2000: 133-134].

[5] Под глагольным предикатом здесь и далее понимается глагольная словоформа на уровне высказывания с полностью или частично заполненными валентностями.

ного контекста на граммему. Таким образом, в определенном смысле он является последним подклассом второго типа, обнаруживая тем самым реальную континуальность, наличествующую в сфере взаимодействия контекста и грамматической категории.

I. Нулевой контекст[6] (по отношению к аспектуальным граммемам). Основная характеристика: вследствие отсутствия влияния контекста на уровень высказывания выходит семантика граммемы в нетрансформированном виде.

a) «Чистый случай» нулевого контекста: высказывание на поверхностном уровне состоит либо из глагола с не выраженными эксплицитно участниками ситуации, либо имеющийся эксплицитный контекст не обладает значимостью для анализируемой грамматической категории. Как правило, это ничем не осложненное простое предложение, например, прямая речь в следующем фрагменте: – Я *слушал*, – сказал Ньевес.

b) Имплицитный контекст. Более сложный случай, являющийся переходным к типу II (см. ниже). Можно говорить о имплицировании аспектуально значимого контекста в результате полипредикативности высказывания в рамках либо сложного предложения, либо простого предложения с осложнением, поскольку адвербиальный контекст легко «восстанавливается» исходя из семантики аспектуальной граммемы (граммем). Ср.:

(3) Он *вошел* и *сел*. →

(4) Он сначала *вошел*, потом *сел*.

В (3) сочинение двух предельных глаголов в форме прошедшего времени совершенного вида (СВ), употребленных в определенной последовательности, дает таксисный эффект следования второго действия относительно первого, что в (4) эксплицируется при помощи адвербиального контекста.

К вопросу о предельности. Предельность (П) здесь понимается максимально широко – как соотнесенность с пределом (не обязательно приравненным к естественному результату, см. ниже), а не как констатация достижения естественного предела. Иначе говоря, мы не следуем употреблению термина, принятому, например, в [Татевосов 2005], ср.: «говоря о предельности, мы имеем в виду аналог понятия «telicity», принятый в англоязычной литературе: предельными являются те глагольные предикаты, в значение которых входит указание на достижение естественного предела, после которого дальнейшее продолжение ситуации невозможно» [Татевосов 2005: 109, сноска 3] (выделение наше. – *Е.Г.*).

Данное решение принято в силу того, что, например, при последовательном подходе к виду в русском языке как словоклассифицирующей категории (деривационный вид – при несколько иной терминологии, см. [Татевосов 2005: 138]) и, соответственно, при рассмотрении не только глаголов *падать* и *упасть*, но и *надевать* и *надеть* в качестве различных лексем, мы были бы вынуждены (при понимании «предельности глагольного предиката» как наличия в его семантике

---

[6] Вводимая здесь характеристика контекста как «нулевого» ориентирована на отсутствие в высказывании обстоятельственных групп, обладающих способностью оказать воздействие на аспектуальное значение глагольного предиката. Такое понимание данного типа контекста косвенным образом соотносится с принятым в [Xiao, McEnery 2004] понятием «нейтрального контекста», используемым для классификации глаголов с точки зрения их распределения по акциональным классам. Контекст признается нейтральным в том случае, когда исключены все факторы, способные изменить аспектуальную характеристику глагола. По отношению к английскому языку нейтральный контекст представляет собой простую клаузу, в которой: a) глагол употреблен в прошедшем времени; b) объект и синтаксически и семантически является считаемым существительным, стоящим в единственном числе, причем его присутствие оправдано лишь в том случае, если глагол переходный, и его валентность на объект обязательна; c) «ракурсный» аспект (понятие, фигурирующее в двухкомпонентной теории вида К. Смит) должен быть простым (непрогрессивным) [Xiao, McEnery 2004: 8].

«указания на достижение естественного предела») трактовать глаголы *падать* и *надевать* как непредельные, поскольку они не обладают формами, в плане содержания которых имелось бы «указание на достижение естественного предела».

Такая трактовка, на наш взгляд, не только контринтуитивна, но и серьезным образом противоречит введенному в научный обиход А.А. Холодовичем пониманию предельных глаголов как описывающих «состояния с одной степенью свободы», а непредельных, как описывающих состояния «со многими степенями свободы» [Холодович 1963: 8]. Ср. приводимые А.А. Холодовичем в рамках той же работы примеры: «К предельным обычно относят такие непереходные глаголы, как: *садиться, ложиться, вставать; приходить, приезжать, уходить, уезжать, входить, останавливаться; становиться; худеть, толстеть, стареть, засыхать, жиреть, полнеть, пьянеть, намокать, падать, умирать* и т.д. К предельным же относят и такие переходные глаголы, как: *надевать* (все разновидности глаголов, обозначающих разные способы «облечения себя» <...>), *брать что-нибудь себе на, класть что-нибудь в* или *на, грузить что-либо в* или *на, красить, пудрить* и т.д. и т.п. К непредельным относят обычно такие непереходные глаголы, как: *идти, лежать, отдыхать, петь, плакать, спать, лаять*; такие переходные глаголы, как: *бить, читать, есть, делать* и т.д.» [Холодович 1963: 3–4]. По-видимому, к непредельным глаголам автор здесь относит только те переходные (= двухместные) глаголы, которые допускают так называемое абсолют(ив)ное употребление (с незаполнением второй – объектной – валентности, ср.: *Машенька уже читает* = 'умеет читать'). Укажем также на то, что, иллюстрируя введенное понятие «состояния с одной степенью свободы», А.А. Холодович приводит словосочетания *идти сюда – быть здесь: «Он идет сюда и через несколько минут (если только ему ничего не помешает, или если он сам не передумает, или если я сам не покину то место, где нахожусь) он будет здесь»* [Холодович 1963: 8]. Развивая высказанные А.А. Холодовичем положения, Ю.С. Маслов говорит уже не только о предельных и непредельных глаголах («или, шире, предельных предикатах» [Маслов 2004: 314]), но и выделяет двойственные в отношении предельности глаголы, у которых в соответствующем контексте (ср.: «глагол, непредельный в абсолютном употреблении, становится предельным в сочетании с дополнениями определенного типа или с обстоятельствами цели (границы) движения» [Маслов 2004: 30]) появляются предельные значения и, следовательно, возможность функционирования в совершенном виде [Маслов 2004: 318]; Ю.С. Маслов, как известно, был сторонником словоизменительного характера видового противопоставления русского глагола: *строить дом / построить дом, идти / пойти куда-то, писать / написать письмо*.

За пределами вопроса о правомочности выделения двойственных в отношении П глаголов (впрочем, вопрос этот имеет более общий характер: «чему приписываются значения предельности или непредельности?»; см. обзор возможных решений в [Татевосов 2005: 116–119]; на наш взгляд, целесообразно определять суммарную акциональную характеристику глагольной лексемы после определения акциональных характеристик видо-временных форм этой лексемы, см. [Горбова 1999]), в литературе также существует несколько существенно отличающихся друг от друга подходов к другим сторонам предельности / непредельности. С одной стороны, неоднозначно решается вопрос «что такое предел?». Соответственно помимо понимания оппозиции П/НП как основанной на понятии естественного результата действия, т.е. его внутреннего предела («узкое» понимание), сложилось «широкое» понимание предельности, в рамках которого предельными считаются все глаголы, в семантике которых наличествует указание на ограниченность действия, будь она мотивирована «естественным результатом» (тендентивная предельность согласно терминологии А.В. Бондарко) или же любым количественным пределом: временным – *посидеть, полежать*, точечным скачком в новое состояние – *находить / найти* (нетендентивная предельность по А.В. Бондарко, см., например, [Бондарко 1991]; ему же принадлежит приведенная выше характеристика двух направлений в трактовке предельности как ее «широкого» и «узкого» понимания). Такой же точки зрения придерживаются М.А. Шелякин [Шелякин 1983], В. Брой (см. [Breu 1984; 1985]).

Известна и другая трактовка «широкого» и «узкого» понимания П, причем суть разногласий в этом случае сводится уже к вопросу «как понимать предельность?». Особенностью «широкого» понимания предельности является ее представление как направленности обозначаемого глаголом действия к внутреннему пределу, достижение которого означает исчерпанность действия и изменение состояния субъекта и/или объекта действия (например [Балин 1969; Andersson 1972] и др.); «узкое» понимание (см. [Павлов 1984]) приравнивает содержание оппозиции П/НП к реальному достижению / недостижению предела; направленность действия на свой внутренний предел трактуется при этом как трансформативность действия в рамках оппозиции трансформативность / нетрансформативность (см. подробнее [Горбов 1994]).

II. Эксплицитный аспектуально значимый контекст – «партнерский сценарий». Основная характеристика: оказание воздействия на граммему (граммемы), то есть участие контекста в создании результирующего аспектуального значения на уровне высказывания. Могут быть выделены следующие подклассы эксплицитного контекста, демонстрирующего «партнерское» поведение:

a) контекст, семантически не противоречащий суммарному аспектуальному значению глагольного предиката (в терминологии К.С. Смит – «глагольного комплекса», т.е. глагола с его аргументами, см. [Смит 1998: 407]), но в то же время и не содержащий параллельных семантических компонентов. Это тот случай, когда контекст не препятствует реализации аспектуального потенциала глагольного предиката, но, при этом, никак данной реализации не способствует (например, наличие в контексте именных темпоральных групп (ИТГ), называющих время, не полностью занятое действием (темпоратив – термин М.В. Всеволодовой, см. [Всеволодова 1997]) типа *летом, в среду, в марте*) – индифферентность контекста;

b) контекст, семантически «поддерживающий» суммарное аспектуальное значение глагольного предиката за счет имеющихся параллельных семантических компонентов (например, сочетание ИТГ со значением времени, полностью занятого действием, дименсива – термин М.В. Всеволодовой, см. [Всеволодова 1997], типа *весь день* с аористом (*Paseó* (Aor.) *en el parque todo el día* – '(*Он/она*) *гулял(а) в парке весь день*') или ИТГ с семантикой многократности и имперфекта (*Cada día paseaba* (Imp.) *en el parque* – '(*Он/она*) *гулял(а) в парке каждый день*') – семантическое дублирование;

c) контекст, актуализирующий определенные семантические компоненты глагольного предиката (маркированная в контексте начальная точка, конечная точка либо срединная фаза во взаимодействии с аспектуальными граммемами) – точечное акцентирование.

III. Эксплицитный аспектуально значимый контекст, вступающий в противоречие с базовой семантикой суммарного аспектуального значения глагольного предиката – «конфликтный сценарий». Возможные результаты такого конфликта:

a) семантическая трансформация «под контекст», см., в частности, правило альфа К.С. Смит: «В случаях противоречия между глагольным комплексом и обстоятельством победителем выходит обстоятельство. Этот принцип можно определить как правило альфа, см. схему (5). На входе у этого правила имеется глагольный комплекс (Г ком) с определенным значением ситуационного типа[7] – результатом работы правила базового уровня[8]. В (5) ситуационный тип базового уровня представлен набором темпоральных признаков (abf); правило применяется, если определенный признак имеет одно значение в простом глагольном комплексе и другое значение в обстоятельстве (Обст) или иной релевантной форме.

(5) $_{\text{Г ком}}[abf\alpha] + {}_{\text{Обст}}[f\beta] \rightarrow {}_{\text{П}}[abf\beta]$

---

[7] Ситуационными типами К.С. Смит называет один из двух компонентов своей двухкомпонентной теории вида (см. [Смит 1998]), по сути – это скрытые грамматические категории, «в семантическом плане обладающие набором дистрибутивных свойств, таких как сочетаемость с определенными типами обстоятельств, глаголов со значением завершенности действия и т.п. Многие из этих свойств являются коррелятами семантических темпоральных свойств» [Смит 1998: 408]. Ситуационные типы – такие, как, например, событие и состояние – позволяют адресату понять характер ситуации, на которую «наводится объектив» второго компонента – ракурса [Смит 1998: 404].

[8] В ситуационных типах происходит сдвиг от категории базового уровня к производной категории под воздействием адвербиального контекста. Ср. примеры К.С. Смит:

а) Lynn knocked at the door. (Семельфактив)
'Линн постучала в дверь'
б) Lynn knocked at the door for five minutes. (Многоактная деятельность)
'Линн стучала в дверь пять минут'

На выходе этого правила будет значение производного ситуационного типа, выражаемое всем предложением (П)» [Смит 1998: 419]; ср.:

(6) De pronto Minaya *estaba* (Imp.) solo y era como si nada pudiese atestiguar que había estado besando (Plq. pr.) a Inés en un sofá de la biblioteca iluminada e inerte [Antonio Muñoz Molina: 87] – 'Внезапно Миная *остался* (букв. *был* – Imp.) один, и [все вокруг] было [таким], как будто бы ничто не могло свидетельствовать о том, что он целовал (Plq. pr.) Инес на диване освещенной и застывшей библиотеки'.

b) блокировка употребления соответствующей граммемы, т.е. своеобразный запрет на вторичное выражение данной семантики. Соответствующее явление описывается как «запрет на дублирование лексической информации грамматическими средствами» и было названо «контекстной вытеснимостью» [Плунгян 2000: 139–140], ср.: в английском языке «ни имена собственные, ни указательные и притяжательные местоимения, ни посессивные группы не допускают употребления определенного артикля; между тем, все такие контексты считаются определенными (ср. [**the*] *my house* 'мой дом', [**the*] *this house* 'этот дом', [**the*] *John* 'Джон', [**the*] *John's house* 'дом Джона' и т.п.). <...> Другой характерный пример "контекстной вытеснимости" граммем – невозможность в некоторых языках употребить показатель грамматического времени в контексте обстоятельств времени типа 'завтра' или 'сейчас', эксплицитно задающих временную рамку высказывания» [Плунгян 2000: 139]. (Отметим, впрочем, что употребление *the John*, по-видимому, не является абсолютно аграмматичным в английском языке[9], а в испанском языке параллельные образования типа *la María* если и не вполне нормативны с точки зрения прескриптивной нормы, то абсолютно нормальны и широко распространены в разговорной речи.)

c) крайний случай – смысловое разрушение высказывания (термин В.Г. Гака[10]), грамматическая недопустимость сочетания, ср.:

(7) *За всю неделю *работал*.

(8) **Сказал* два часа.

Случаи, описанные в подклассе c), здесь не рассматриваются. Анализ случаев подкласса b) см. также в работе [Горбова 2004].

---

[9] Сошлемся в этой связи на статью [Matushansky 2006].

[10] Предлагаемая здесь типология взаимодействия контекста и аспектуальных граммем в определенном смысле соотносима с законом семантического согласования В.Г. Гака [Гак 1972], суть которого состоит в том, что каждая значимая для содержания высказывания сема должна иметь своего «дублера» – поддерживающую сему. Закон имеет три разновидности реализации:

1) семантическое согласование – повторение двух или более одноименных сем, ср.: *Птица летит к гнезду; Лиса бежит к норе; Змея ползет к гнезду*; повторение семы 'характерный способ передвижения';

2) семантическое несогласование (= совместимость в терминах М.В. Всеволодовой) – взаимодействие сем разных рангов, в частности, родовой и видовой. Соответственно, родовая сема ('направленное перемещение в пространстве') сочетается с более конкретной видовой ('способ перемещения'), ср.: *Птица направляется к гнезду; Лиса направляется к норе; Змея направляется к гнезду*;

3) семантическое рассогласование, возникающее при столкновении двух противоположных по смыслу сем, в результате чего возникает либо а) смысловое разрушение (приводящее к аграмматичности), либо в) переосмысление (ср.: *После дома ребенку трудно было жить в интернате*, где временная сема предлога *после* приводит к переосмыслению предметного *дом* в качестве событийного *жизнь дома*).

3. ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОНТЕКСТА И АСПЕКТУАЛЬНЫХ ГРАММЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

3.0. Иллюстрациями к выделенным выше сценариям взаимодействия аспектуальных граммем с контекстом служит материал лингвистического эксперимента, проведенного в Гранадском университете (Испания) в мае 2001 года. Целью этого эксперимента было выявление закономерностей использования видо-временных форм испанского глагола в плане прошедшего. Информантами были 49 студентов филологического факультета названного университета, являющиеся носителями испанского языка. Для 45 из них испанский язык являлся родным языком. Информантам был предложен ряд извлеченных из художественных произведений испаноязычной литературы 2-й половины XX века фрагментов, в достаточной степени (с точки зрения экспериментатора) определяющих видо-временную характеристику действия. Всего информанты получили 40 фрагментов со следующим распределением авторских форм: 12 фрагментов с прогрессивным имперфектом, 12 – с прогрессивным аористом, 12 – с прогрессивным перфектом и 4 – с прогрессивным плюсквамперфектом[11]. Заданная в авторском тексте глагольная форма была опущена, а вместо нее были предложены восемь глагольных форм плана прошедшего в соответствующем лице и числе: непрогрессивный перфект (Prf. – *ha cantado*), прогрессивный перфект (Prf. pr. – *ha estado cantando*), непрогрессивный аорист (Aor. – *cantó*), прогрессивный аорист (Aor. pr. – *estuvo cantando*), непрогрессивный имперфект (Imp. – *cantaba*), прогрессивный имперфект (Imp.pr. – *estaba cantando*), непрогрессивный плюсквамперфект (Plq. – *había cantado*), прогрессивный плюсквамперфект (Plq. pr. – *había estado cantando*). Задание для информантов предполагало выбор наиболее приемлемых (с их точки зрения) в данных контекстах форм. В случае множественного выбора предлагалось пронумеровать отобранные формы в порядке убывания степени их уместности в контексте[12]. Как правило, информанты предлагали более одного возможного с их точки зрения варианта видо-временной словоформы, результатом чего явились их «комбинации» (см. второй столбец в приводимых ниже таблицах).

Ниже предлагается анализ материала, полученного в ходе описанного эксперимента (оговоримся, что здесь предлагается анализ не всех 40 фрагментов, предложенных информантам, а 19), сгруппированного в соответствии с обозначенной выше в разделе 2 классификацией типов взаимодействия контекста и аспектуальных граммем.

3.1. Анализ материала группы «нулевой контекст»

а) «Чистый случай» нулевого контекста (в рамках высказывания)

(9) – Siempre tan callado, don Adrián – dijo el Sargento –. ¿Por qué no discutió también?
– *Estuve oyendo* – dijo Nieves –. No me gustan las discusiones, Sargento. Y, además, prefiero no meterme con ellos [Mario Vargas Llosa: 129] – '– Вы всегда такой молчаливый, дон Адриан, – сказал Сержант. – Что ж вы не спорили (Aor.)?
– Я *слушал* (Aor. pr.), – сказал Ньевес. – Мне не нравятся споры, Сержант. К тому же, с ними я предпочитаю не связываться'.

---

[11] Использование термина «прогрессив(ный)» здесь и далее отличается некоторой условностью в том смысле, что продиктовано сложившейся традицией и неготовностью автора немедленно перейти к именованию соответствующей аналитической формы испанского глагола дуративом на том (вообще говоря, существенном) основании, что испанский язык использует один и тот же способ маркирования срединной стадии и у состояний и у процессов (см. о граммемах прогрессива и дуратива в [Плунгян 2000: 300]).

[12] Последняя просьба приблизительно в половине анкет была проигнорирована, как и (в еще большей степени) просьба прокомментировать сделанный выбор.

(10) – ¿Está tomado? ...
– ¡Un poco – dijo Josefino –. *Estuvimos festejando* su llegada donde los León [Mario Vargas Llosa: 167] – '– Он пьян?.. – Немного, – сказал Хосефино. – Мы *отмечали* (Aor. pr.) его приезд у Леонов'.

(11) – No se te ha visto todo el día – dijo Pantacha –. *¿Estuviste pescando*?
– Sí, bajé hasta el Santiago – dijo Nieves –. Pero no tuve suerte [Mario Vargas Llosa: 340] – '– Тебя не было видно (Prf.) весь день, – сказал Пантача. – *Рыбачил* (Aor. pr.), что ли? – Да, спустился (Aor.) вниз до самого Сантьяго, – сказал Ньевес. – Но мне не повезло (Aor.)'.

Таблица 1

Языковой материал, иллюстрирующий «чистый случай» нулевого контекста

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
9. *estuve oyendo* Aor. pr.	14	42	III (5 + еще 5 в комбинациях)	Prf. pr. (13)	Imp. pr. (7)	авторская (5)	Imp. pr. – 12 Imp. – 3 Aor. – 4 Prf. – 1 Prf. pr. – 20
10. *estuvimos festejando* Aor. pr.	14	37	II (6 + еще 4 в комбинациях)	Prf. pr. (13)	авторская. (6)	Prf. (5)	Imp. Pr. – 5 Imp. – 4 Aor. – 1 Prf. – 10 Prf. pr. – 20
11. *estuviste pescando* Aor. pr.	8	37	II (4 + еще 4 в комбинациях)	Prf. pr. (22)	авторская (4)	III/IV места с (3) разделили: Prf. pr. + + Aor. pr; Prf.	Imp. pr. – 3 Imp. – 0 Aor. – 2 Prf. – 4 Prf. pr. – 29

Первое, что с легкостью обнаруживается в ходе анализа примеров данной группы, – это тот факт, что при ближайшем (в рамках высказывания) нулевом контексте имеет место «неугадывание» информантами авторской глагольной формы – Aor. pr.: она занимает III или II место по частотности упоминания в ряду названных комбинаций форм. Однако нельзя не отметить, что вышедшая на первое место форма прогрессивного перфекта, как и авторская, также является прогрессивной. При этом обе они относятся к так называемой зоне перфективной аспектуальности [Плунгян 1998][13].

[13] Следует оговорить употребление терминов «перфектив» и «имперфектив», принятое в данной работе. Оно, безусловно, является широким, т.е. соответствует позициям тех авторов, которые делят всю семантическую зону аспектуальности на две части: перфектив и имперфектив (см., например [Comrie 1976: 25; Плунгян 1998: 373–374]). Соответственно в семантической зоне перфектива оказываются (применительно к испанскому языку) аорист и перфект, а в зоне имперфектива – имперфект и прогрессив (подробнее см. в [Горбова 2002; 2003; 2004]). То употребление термина, в соответствии с которым перфектив – это второе наименование для СВ, а имперфектив – для НСВ, в рамках данной работы не используется.

З а м е ч а н и е. Обсуждая вопрос о конкуренции перфекта и аориста, важно иметь в виду, что эти две граммемы обычно рассматриваются как входящие в различные оппозиции: перфект / неперфект и имперфект / аорист (см., например [Маслов 2004: 39, 53]). Поэтому ни одна из них не может, по-видимому, рассматриваться как семантически маркированная (или немаркированная) относительно другой, что исключает возможность объяснения замещения маркированной формы немаркированной, вбирающей в себя значение противочлена. К тому же, признак, по которому они различаются (актуальность последствий прошедшего действия для плана настоящего / отсутствие этой актуальности), в испанском языке оказывается зависящим от прагматических факторов, субъективным, в значительной степени обусловленным взглядом говорящего на описываемую ситуацию: испаноговорящий может выразить содержание фразы *Мой отец умер три года назад* с использованием перфекта, подчеркивая тем самым собственную скорбь. Отдельным вопросом, останавливаться на котором мы сейчас не имеем возможности, являются ареальные предпочтения в выборе перфекта или аориста.

Примечательным в (9) является выбор информантами формы Imp. pr., вышедшей на 2-е место, от глагольной лексемы, которая в рамках нашей номенклатуры трактуется как ингрессивная[14]: *oir* '*услышать, слышать*'. По-видимому, именно в подобных случаях и проявляется специфика нулевого контекста: говорящий может интерпретировать ситуацию и как пресеченную[15] (лимитированную, двусторонне ограниченную) в случае выбора прогрессивного аориста и, с некоторой спецификой, перфекта, и как непресеченную при выборе имперфекта. Можно считать, что в этом и проявляется преимущественно интерпретационный характер аспекта, выраженный ярче, чем, например, у глагольной категории времени или у именной категории числа.

Относительно предложенных в качестве приемлемых непрогрессивных перфективов (аориста и перфекта) возможен следующий комментарий. Во-первых, их частотность довольно низка в сопоставлении с частотностью соответствующих прогрессивных форм, ср.: Aor. pr. – 10, Aor. – 4; Prf. pr. – 20, Prf. – 1 (приблизительно та же картина и с имперфектом: Imp.pr. – 12, Imp. – 3), что свидетельствует о явном предпочтении, оказанном информантами прогрессиву. Такой результат представляется вполне закономерным, когда речь идет о выборе простого либо прогрессивного перфектива для ингрессивной глагольной лексемы, поскольку перфективу свойственно актуализировать любой предел, наличествующий в семантическом потенциале глагола: как правый, так и левый. В данном случае при актуализации левого предела мы получаем ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ), а не ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ), вопрос о пресеченности или непресеченности которого решается уже при выборе либо аориста (перфекта), либо имперфекта. Однако подобная интерпретация (ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ)) как будто бы и была реализована в тех случаях, когда информанты сочли приемлемыми формы непрогрессивных перфективов. Думается, что все же предложен-

---

[14] Акциональная характеристика глагольной лексемы как ингрессивной (параллельный термин – инхоатив, см., например [Майсак 2005: 372]) предполагает наличие в аспектуальном потенциале глагола начальной точки («левого предела») и непосредственно следующего за ней действия или состояния, соответственно можно различать агентивный и стативный ингрессив см., например [Горбова 1999]. В [Татевосов 2005] предложены следующие термины для соответствующих акциональных классов: ингрессивно-непредельные глаголы (<{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>) и инцептивно-стативные глаголы (<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>); в фигурных скобках даны акциональные характеристики глагольных форм: перфективной и имперфективной. Здесь и далее при использовании терминов С.Г. Татевосова сохраняется их орфографическое оформление.

[15] Термины «пресеченность» и «непресеченность» как наименования для компонентов, составляющих (в числе прочих) семантическое содержание аориста и имперфекта в испанском языке (и являющихся единственными различителями семантики этих граммем), используются, в частности, в работе [Фирсова 1984]; Ю.С. Маслов упоминает в качестве возможного (и близкого, на наш взгляд, к наименованию «непресеченность») обозначения категориального значения имперфекта «интратерминальность»: «действие рассматривается intra terminos, где-то между начальным и конечным пределом» [Маслов 2004: 39, сноска 30].

ные непрогрессивные перфективы от ингрессивного глагола в данном случае свидетельствуют о другом, а именно о том, что здесь проявляется влияние предшествующего (вопросительного) предложения, ответом на которое и является анализируемый глагольный предикат (при однореферентности партиципантов). В предшествующем вопросе употреблена форма непрогрессивного аориста. По всей видимости, принцип «каков вопрос, таков и ответ» таким образом еще раз демонстрирует свою претензию на всеобщность.

В (10) и (11) глагольные лексемы отличаются относительно простой акциональной характеристикой, обе они являются типичными агентивами[16]: *festejar* '*торжественно праздновать, отмечать*', *pescar* '*ловить рыбу, рыбачить*'. При этом оба фрагмента еще в меньшей степени, чем (9), могут считаться «чистыми» случаями нулевого контекста, поскольку и в том и в другом фрагментах достаточно сильно влияние расширенного левого контекста, в котором использован либо результатив (в (10): *está tomado* 'он пьян'), либо перфект (в (11): *No se te ha visto* (Prf.) *todo el día* 'Тебя не было видно (Prf.) весь день'), представляющие анализируемую ситуацию как ограниченную пределом. Кроме этого, в (11) в предшествующем вопросительном предложении (опять же при однореферентности соответствующего партиципанта), использована обстоятельственная группа с возможной диминсивной интерпретацией: *todo el día* 'весь день'; по всей видимости, эта возможность и была реализована. Поэтому в (11), несмотря на формальное отсутствие обстоятельств в рамках того предложения, вершиной которого является глагольная словоформа, можно говорить о сильном влиянии предшествующего адвербиального контекста. Не случайным, по-видимому, являются и предпочтения информантов: из общего количества предложенных в качестве приемлемых глагольных форм (46), только 3 являются имперфективными (Imp. pr.), что составляет около 6,5%, а 43 (93.5%) – перфективными (Aor. pr. – 8, Aor. – 2, Prf. pr. – 29, Prf. – 4). Таким образом, здесь обнаруживается проявление тенденции к использованию партнерского сценария (см. разделы 2 и 3.2) взаимодействия отдаленного адвербиального контекста и перфективных аспектуальных граммем испанского языка: общим семантическим компонентом является соотнесенность с внешними пределами, лимитированность.

b) Имплицитный контекст

(12) Algunos *estuvimos esperando* a que regresara, que cualquier día apareciera de nuevo para volvernos a levantar en armas; pero nos cansamos de esperar [Juan Rulfo: 163] – 'Некоторые из нас *ждали* (Aor. pr.), что он вернется, что когда-нибудь он снова появится, чтобы призвать нас к оружию; но мы устали (Aor.) ждать'.

(13) Los techos no eran tan altos como los recordaba, y los libros ya no cubrian prodigiosamente todas las paredes, pero el suelo entarimado brillaba exactamente igual que entonces y crujía levemente bajo sus pisadas, y el fuego *estaba ardiendo* en la chimenea de mármol para recibirlo [Antonio Muñoz Molina: 22] – 'Потолки не были (Imp.) такими высокими, как он их помнил (Imp.), и книги уже не покрывали (Imp.) так чудесно все стены, но дощатый пол блестел (Imp.) точно так же, как когда-то, и слегка поскрипывал (Imp.) под его ногами, и огонь в камине уже *пылал* (Imp. pr.) к его приходу'.

---

[16] Агентивы (в рамках нашей номенклатуры, см., например [Горбова 1999]) – это акциональный класс, соответствующий «деятельностям» (Activities) З. Вендлера [Vendler 1967], динамическим дуративным непредельным ситуациям [Comrie 1976], а также объединяет непредельные процессы у Е.В. Падучевой [Падучева 1996]. В [Татевосов 2005] соответствующий класс именуется непредельными глаголами, и он характеризуется при помощи акционального ярлыка (термин С.Г. Татевосова) ПРОЦЕСС: <{ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> (т. е. семантика процесса реализуется и в перфективе и в имперфективе).

Таблица 2

Языковой материал, иллюстрирующий имплицитный контекст

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
12. *estuvimos esperando* Aor. pr.	24	48	I/II (7 + еще 23 в комбинациях)	I/II места с (7) разделили: авторская и Imp.	I/II места с (7) разделили: авторская и Imp.	III/IV места с (3) разделили: Aor. pr. + + Aor.; максимально возможный набор	Imp. pr. – 10 Imp. – 17 Aor. – 12 Prf. – 8 Prf. pr. – 13
13. *estaba ardiendo* Imp. pr.	9	49	III (7 еще 15 в комбинациях)	Imp (24)	Imp. + Imp. pr. (10)	авторская (7)	Imp. – 39 Aor. pr. – 5 Aor. – 0 Prf. – 0 Prf. pr. – 1

При наличии контекста, названного выше имплицитным, в ответах информантов отмечается очень незначительное приближение к «угадыванию» авторской формы. Как видим, в (12) авторская форма – Aor. pr – разделила I/II место с Imp. Значительной является также частотность выбора формы Prf. pr., Aor., Imp. pr. и Prf. (см. данные в последнем столбце таблицы). Отметим, что в этом же высказывании информанты предложили и максимально возможный набор форм глагола, т.е. в качестве приемлемой была хотя бы один раз предложена каждая из восьми возможных глагольных форм (их полный перечень приведен в разделе 3.0).

По-видимому, объяснением может служить, с одной стороны, ингрессивный характер глагольной лексемы *esperar* '*ждать*', исключающий возможность интерпретации данного действия как достигшего правого предела, равного естественному результату действия, в перфективных (в широком понимании) формах и, следовательно, не препятствующий выбору со стороны говорящего Aor., Prf. и Plq. С другой стороны, в правом контексте задается темпоральный предел данному «положению дел»: «*ждали, что он вернется, что когда-нибудь он снова появится*». Введенное в имплицитном (в соответствии с принятой терминологией) контексте указание на правую границу «компенсирует» определенным образом свойственную имперфекту семантику непресеченности.

В (13) авторская форма (Imp. pr.) продолжает оставаться на III месте, но нужно учесть, что на I и II места вышли очень близкие «конкуренты»: на I месте Imp., а на II – комбинация Imp. pr. и Imp. Как уже было неоднократно показано (см. [Горбова 1996; 2000; 2003; Gorbova 2000], в испанском языке отсутствуют сильные позиции противопоставления граммем прогрессив / непрогрессив при пересечении этой оппозиции с имперфектом, что приводит к свободному варьированию непрогрессивного и прогрес-

сивного имперфекта[17]. Весьма показательным здесь является также абсолютное неупотребление информантами перфективных непрогрессивных форм – аориста и перфекта.

Отмеченные (в небольшом количестве) в качестве возможных в данном контексте формы Aor. pr. обязаны своем появлением, с одной стороны, отсутствию соотнесенности с правым пределом в акциональной характеристике глагольной лексемы *arder* '*пылать*'. С другой стороны, прогрессивный аорист от глагола с подобной акциональной характеристикой имеет результирующее (на уровне морфосинтаксически оформленного глагола) аспектуальное значение «порции» действия, т. е. временного отрезка, заполненного гомогенным действием. Это значение прогрессивного аориста отличается от значения прогрессивного имперфекта той же глагольной лексемы исключительно наличием семантики двусторонней лимитированности, различие, которым в контексте анализируемого высказывания, как показали ответы информантов, оказалось возможным пренебречь.

3.2. Анализ материала группы «партнерский сценарий»

а) Индифферентность контекста

(14) Nunca hasta entonces había visto esa sonrisa en los ojos y en los labios de Inés, o acaso sí, recordaría luego: esa misma mañana, cuando *estuvieron hablando* de *La Cartuja de Parma* y ella, en el compartido entusiasmo por las aventuras y el coraje de Fabrizio del Dongo, por un instante le sonrió como al cómplice de una pasión secreta [Antonio Muñoz Molina: 84] – 'Никогда до тех пор я не видел (Plq.) эту улыбку в глазах и на губах Инес, хотя, возможно, и видел, вспомнит он потом: тем же самым утром, когда они *разговаривали* (Aor. pr.) о «*Пармской обители*» и она, разделяя его восхищение похождениями и отвагой Фабрицио дель Донго, на мгновение улыбнулась (Aor.) ему как сообщнику по некой тайной страсти'.

(15) Estoy sentado junto a la alcantarilla aguardando a que salgan las ranas. Anoche, mientras *estabamos cenando*, comenzaron a armar el gran alboroto y no pararon de cantar hasta que amaneció [Juan Rulfo: 107] – 'Я сижу около канавы и дожидаюсь, когда покажутся лягушки. Вчера вечером, пока мы *ужинали* (Imp. pr.), они подняли (Aor.) ужасный шум и не прекращали (Aor.) свои песни до самого рассвета'.

(16) Yo acababa de cumplir once años, y una noche, después de echar el último pienso a los animales y atrancar la puerta de la calle, él se sentó frente a mí y apartó el libro que yo *estaba leyendo* para mirarme a los ojos [Antonio Muñoz Molina: 133] – 'Мне тогда только что исполнилось одиннадцать лет, и вот однажды вечером, покормив скотину и заперев на засов входную дверь, он сел (Aor.) напротив меня и отодвинул (Aor.) книгу, которую я *читал* (Imp. pr.), чтобы посмотреть мне в глаза'.

---

[17] На роль позиций максимального различения прогрессива и непрогрессива претендуют «перфективные сегменты» словоизменительного пространства испанского глагола – перфект и аорист, где при выполнении дополнительных условий (в частности, отсутствии адвербиалов с семантикой двусторонней ограниченности типа дименсива при использовании глагольного предиката с терминативной семантикой) прогрессив и непрогрессив действительно распределены контрастно. Ср. пример из [Gramática 1999: 3406]: a. He estado corrigiendo (Prf. pr.) los exámenes. (no implica que «estén todos corregidos») – Я проверял(а) экзаменационные работы (отсутствует импликация того, что «все они проверены»); b. He corregido (Prf.) los exámenes. (acción concluída) – Я проверил(а) экзаменационные работы (завершенное действие, т.е. с достижением естественного предела).

Таблица 3

Языковой материал, иллюстрирующий индифферентность контекста

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
14. *estuvieron hablando* Aor. pr.	19	48	I (9 + еще 19 в комбинациях)	авторская (9)	II, III и IV место с (5) разделили: Imp.; Imp. pr.; Aor. pr. + Plq. pr.		Imp. – 13 Imp. pr. – 14 Aor. – 10 Prf. – 1 Prf. pr. – 3
15. *estábamos cenando* Imp. pr.	13	49	II (8 + еще 31 в комбинациях)	Imp.pr. + + Imp. (19)	авторская (8)	Imp. (7)	Aor. – 8 Aor. pr. – 9 Imp. – 38 Prf. – 0 Prf. pr. – 0
16. *estaba leyendo* Imp. pr.	9	46	I (25 + еще 15 в комбинациях)	авторская (25)	Imp. + + Imp. pr. *(8)*	Imp. pr. + + Plq. pr. *(5)*	Aor. – 0 Aor. pr. – 1 Imp. – *11* Prf. – 0 Prf. pr. – 0

Во всех трех примерах этой группы присутствуют темпоративы – именные темпоральные группы, называющие время, не полностью занятое действием. Кроме этого, необходимо отметить также наличие одного и того же типа ситуации, который можно обозначить как фон – наступление события. Как использованные авторские формы (Aor. pr. в (14) и Imp. pr. в (15) и (16) для обозначения фона), так и предложенные информантами варианты подтверждают отсутствие решающего влияния указанного типа *адвербиального контекста (как, впрочем, и ситуации типа* «фон»[18]*) на выбор видо*временной формы испанского глагола, т.е. налицо индифферентность контекста.

В (14) при заданности формы Aor. pr. II, III и IV места по частотности выбора разделили (наряду с комбинацией форм Aor. pr. и Plq. pr.) формы Imp. pr. и Imp., каждая из которых была предложена в качестве единственно возможной с точки зрения информанта по 5 раз. Всего же Imp. был отмечен в качестве приемлемого варианта 13 раз, а Imp. pr. – 14 раз. Два информанта предложили в качестве наиболее с их точки зрения приемлемых форм комбинацию Imp. pr. и Aor. pr. Тем не менее, нельзя обойти вниманием тот факт, что авторская форма Aor. pr. находится на I месте в ответах информантов по предпочтительности, а Aor. был предложен в качестве приемлемого (но не в качестве наиболее предпочтительного) 10 раз. По-видимому, причиной является то, что обстоятельственная группа *esa misma mañana* '*тем (же) самым утром*' не является однозначно трактуемой как темпоратив, а может быть интерпретирована и как дименсив (со значением времени, полностью занятого действием). Такому пониманию не препятствует и

[18] Темпорально-аспектуальная система испанского глагола дает возможность спрогнозировать (как наиболее вероятные) следующие варианты обозначения компонентов ситуации «фон – наступление события»: а) имперфект – аорист; б) прогрессивный имперфект – аорист; в) прогрессивный аорист – аорист.

семантика глагольного предиката *hablar* '*говорить, разговаривать*', так как наличествующие у говорящих общие знания о мире свидетельствуют о том, что подобное действие может заполнить собой временной интервал, обозначаемый как *то* (*самое*) *утро*. Дименсив же относится уже к другому типу взаимодействия аспектуальных граммем с контекстом, обозначенному выше как дублирование. В данном случае можно говорить о дублировании свойственной аористу семантики пресеченности, двусторонней ограниченности действия.

В (15) использованная обстоятельственная группа однозначно трактуется как темпоратив с учетом семантики соответствующего глагольного предиката: *anoche* 'вчера *вечером*' и *cenar* '*ужинать*' – как правило, ужин не занимает целиком протяженность временного интервала, обозначенного как *вечер*. В соответствии с этим наблюдается явное предпочтение имперфекта (непрогрессивного и прогрессивного; относительно отсутствия противопоставления Imp. pr. и Imp. см. выше в разделе b) аористу: I место с 19 случаями выбора – комбинация Imp. pr. + Imp., II место с 8 – авторская форма (Imp. pr.), III место с 7 – Imp. Впрочем, аорист также не был полностью исключен информантами (Aor. – 8 упоминаний, Aor. pr. – 9), что является следствием отсутствия в контексте какого бы то ни было средства актуализации правого предела действия и, напротив, наличия союза *mientras* '*пока, в то время как*', вводящего в аспектуальный фокус срединную стадию действия. Это в совокупности заблокировало специфическую семантику аориста, способного в принципе актуализировать достижение правого предела у предельного действия, каковым является действие, обозначенное глаголом *cenar* '*ужинать*'.

В (16) наблюдается закономерный, на наш взгляд, результат Aor. – 0. «Виновником» неупотребления непрогрессивного аориста в данном случае является одна из разновидностей предельного[19] (в нашей терминологии – терминативного) характера действия глагольного предиката *leer el libro* '*читать книгу*'. Аорист, обозначающий пресеченность действия, при взаимодействии с данным акциональным типом актуализирует правую границу действия, т.е. достижение результата. Соответственно *leyó el libro* дает значение '*прочитал книгу*', что никак не согласуется с той ролью изображения фона, которую данное действие играет в высказывании. Предположительно, именно такого рода случаи (терминативный глагол в плане прошедшего в ситуации обозначения фона для наступления события и без поддержки эксплицитного контекста, задающего значение двусторонней временной ограниченности действия) претендуют на статус позиции нейтрализации для противопоставления (непрогрессивный) имперфект / (непрогрессивный) аорист, а вовсе не ситуации со значением ограниченной длительности при эксплицитном выражении этого значения соответствующими обстоятельствами, – мнение, достаточно широко распространенное в романистике[20].

b) Семантическое дублирование

(17) Hubo un tiempo que *estuve oyendo* durante muchas noches el rumor de una fiesta. Me llegaron los ruidos hasta la Media Luna [Juan Rulfo: 36] – 'Было время, когда в течение многих ночей я *слышал* (Aor. pr.) шум праздника. Звуки доходили (Aor.) до меня даже в Медиа Луна'.

(18) Y las campanas *estuvieron doblando* a muerto toda la noche, hasta el amanecer, hasta que fueron cortadas por el toque del alba [Juan Rulfo: 141] – 'И колокола *звонили* (Aor. pr.) по усопшему всю ночь, до рассвета, пока не пришло время звонить к заутрене'.

---

[19] См. выше **«К вопросу о предельности»**.

[20] Ср., например, утверждение Аксела Холвута: «употребление имперфекта при обстоятельствах, выражающих ограниченную длительность, не допускается» [Холвут 1995: 178]. Излишняя категоричность этого утверждения демонстрируется на конкретных примерах в [Горбова 2002].

(19) Josefino abrió la boca pero no habló; *estuvo pestañando* u n o s s e g u n d o s, con una sonrisa perpleja y apática que fruncía todo su rostro. Comenzó a frotarse las manos, suave*mente [Mario Vargas Llosa: 37] – 'Хосефино открыл (Aor.) рот, но ничего не сказал* (Aor.); н е с к о л ь к о с е к у н д он *мигал* (Aor. pr.) с растерянной и вялой улыбкой, которая собирала (Imp.) складками все его лицо. Потом он начал (Aor.) мягко потирать руки'.

(20) <...> Quiere decir, en síntesis, que d u r a n t e c a s i v e i n t e a ñ o s *hemos estado luchando* contra los sentimientos de la nación [Gabriel García Márquez: 180] – 'Он хочет сказать, в итоге, что в т е ч е н и е п о ч т и д в а д ц а т и л е т мы *боролись* (Prf. pr.) против интересов нации'.

Таблица 4

Языковой материал, иллюстрирующий семантическое дублирование

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
17. *estuve oyendo* Aor. pr.	10	49	II (9 + еще 17 в комбинациях)	Aor. (10)	авторская (9)	Imp. (7)	Imp. – 24 Imp. pr. – 1 Aor. – 26 Prf. – 0 Prf. pr. – 0
18. *estuvieron doblando* Aor. pr.	17	48	I (12 + еще 19 в комбинациях)	авторская (12)	Plq. pr. (7)	Aor. pr. + + Aor. (6)	Aor. – 18 Imp. pr. – 1 Imp. – 1 Prf. – 9 Prf. pr. – 6
19. *estuvo pestañando* Aor. pr.	5	44	III (2 + еще 13 в комбинациях)	Aor. (36)	Aor. + + Aor. pr. (4)	авторская (2)	Aor. – 41 Imp. pr. – 0 Imp. – 1 Prf. – 0 Prf. pr. – 0
20. *hemos estado luchando* Prf. pr.	6	28	I (11 + еще 9 в комбинациях)	авторская (11)	Prf. pr. + + Prf. (9)	Prf. (4)	Prf. – 13 Aor. – 0 Aor. pr. – 2 Imp. – 0 Imp. pr. – 0 Plq. – 0 Plq. pr. – 3

При данном типе взаимодействия граммемы и контекста мы вправе ожидать высокой степени «угадывания» информантами авторской формы.

Тем не менее, из четырех примеров, представляющих эту группу, только два – (18) и (20) – демонстрируют ожидаемый результат, при котором авторская форма в ответах информантов с наибольшей частотностью предлагалась как единственно возможная (I место). В обоих предложениях присутствуют дименсивы (обстоятельственные группы со значением времени, полностью занятого действием): в (18) – *toda la noche, hasta el amanecer 'всю ночь, до рассвета'*, в (20) – *durante casi veinte años 'в течение почти двадцати лет'*. В результате практически полностью оказалось заблокированным исполь-

зование имперфективных (в широком понимании – см. выше сноску 13) форм: в (20) – Imp. – 0, Imp. pr. – 0; в (18) – Imp. – 1, Imp. pr. – 1. Конкурирующими же формами являются также перфективные: при авторской форме Aor. pr. в (18) ближайшими конкурентами оказались Plq. pr. (7 случаев) и комбинация Aor. pr. + Aor. (6); всего в качестве приемлемого варианта в ответах информантов форма Aor. упоминалась 18 раз, а формы Prf. и Prf. pr. 6 и 9 раз соответственно. При авторской форме Prf. pr., занимающей также I место, в (20) на II месте стоит комбинация Prf. pr. + Prf. (9 случаев), а на III – Prf. (4). В качестве возможных вариантов в комбинациях разного рода были названы также формы Aor. pr. (2 раза) и Plq. pr. (3 раза).

Таким образом, в этих двух примерах действительно оправдываются ожидания относительно важной роли адвербиального контекста, способного «предсказать» употребление граммем(ы), дублирующих(ей), полностью или частично, семантику обстоятельственной группы. Наблюдаемая конкуренция существует в зоне перфектива, куда входят граммемы перфекта (в широком понимании, т.е. с включением плюсквамперфекта) и аориста, а также между прогрессивом и непрогрессивом. Последний вид конкуренции вполне закономерен в присутствии именно дименсивов, снимающих возможность актуализации предела даже в случае использования предельного (терминативного) глагола.

Необходимо, однако, отметить, что апелляция к «предсказывающей силе» контекста имеет смысл только в том случае, если мы имеем дело с языком, которому свойственна стратегия, предполагающая соответствие (а не противоречие) значений контекста, обладающего эксплицитно заданными элементами с релевантной для той или иной грамматической категории данного языка семантикой, и соответствующей граммемой. Обозначим ее как партнерскую стратегию. Заметим, что при использовании данной стратегии (широко распространенной в индоевропейских языках и, в силу этого, привычной), одно и то же значение выражается как минимум дважды: элементом контекста (лексически) и граммемой (грамматически). Подобная стратегия не является универсальной в языках мира.

Рассмотрим примеры (17) и (19), в которых авторские формы, несмотря на поддержку контекста, не заняли лидирующего положения.

В (17) заданная в авторском варианте форма Aor. pr. занимает II место с 9 случаями ее выбора в качестве единственно возможной (в то же время нельзя не отметить, что в общей сложности прогрессивный аорист присутствует в ответах 26 раз). На I месте оказался простой, непрогрессивный аорист, в 10 анкетах названный как единственно возможный вариант (всего же он встретился 26 раз). Учитывая принадлежность глагола *oir* '*слышать, услышать*' к акциональному классу стативных ингрессивов (в нашей номенклатуре, см. сноску 14), конкуренция прогрессивного и непрогрессивного аориста не должна вызывать удивления. Здесь мы имеем дело не с той (довольно редкой, нужно признать) ситуацией в испанском языке, когда прогрессив и непрогрессив находятся в отношениях контрастной дистрибуции (условия реализации контрастной дистрибуции прогрессива и непрогрессива при пересечении с аористом были приведены выше, см. комментарий к (16) в разделе а). Ситуацию с прогрессивным и непрогрессивным аористом в (17) можно рассматривать как случай свободного варьирования граммем, регулируемый скорее прагматическими соображениями говорящего: прогрессив эмфатичен.

Спецификой (17) является эксплицитно заданная итеративность (*durante muchas noches* '*в течение многих ночей*'), которая в то же время может быть интерпретирована как двусторонне ограниченная «порция» времени, что поддерживается и употребленными выше и ниже формами простого аориста (*hubo un tiempo* '*было время*', *llegaron* '*доходили*'), характеризующими тот же временной промежуток. Именно эта двойственность значения обстоятельственной группы привела к возможности употребления форм имперфекта, на которую было указано в ответах информантов: простой имперфект занимает III место (7 случаев); в общей сложности в качестве приемлемого варианта простой имперфект фигурировал 24 раза, а прогрессивный имперфект – 1 раз. Таким образом, возникает вопрос о приоритете двусторонней ограниченности либо итеративности в подобного рода случаях. Данный вопрос нуждается в специальном исследовании, и на данный момент остается открытым.

Пример (19), несмотря на отсутствие полного «угадывания» информантами авторской формы (Aor. pr. всего на III месте с 2 случаями), демонстрирует довольно редкое *единодушие информантов, которые предложили всего 5 комбинаций (ср. в (12) – 24 комбинации, в (14) – 19, в (18) – 17)*. Лидирующей формой оказался Aor. (с 36 случаями выбора), на II месте – комбинация Aor. + Aor. pr. (с 4). Формы Prf. и Prf. pr. отсутствуют, что, по-видимому, является следствием участия анализируемого глагольного предиката в обозначении цепи последовательных событий, оформленных формами непрогрессивного аориста. Имперфективная форма (Imp.) была предложена в качестве возможной всего один раз.

Таким образом, на этот раз мы снова имеем дело со свободным варьированием простого и прогрессивного аориста, но на этот раз – образованного от глагольной лексемы мультипликативного акционального класса (по номенклатуре С.Г. Татевосова, см. [Татевосов 2005]). Мультипликативные глаголы неоднозначны в претерите, так как они «описывают либо МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, ограниченный во времени, либо единичный квант этого процесса, единичное ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ» [Татевосов 2005: 133]. В присутствии обстоятельственной группы с дименсивным значением *unos segundos 'несколько секунд'* в соответствии с описанным выше «правилом альфа» К.С. Смит с неизбежностью реализуется первая из двух имеющихся возможностей, т.е. значение мультипликативного процесса, ограниченного во времени. Использование прогрессива дает в случае с мультипликативным глаголом тот же самый эффект и, таким образом, становится избыточным, вполне прагматическим, что и было продемонстрировано в нашем материале: информанты предпочли непрогрессивный аорист, использовав его в 18 раз чаще, чем прогрессивный.

В то же время, в реализованном информантами с гораздо большей частотностью «неупотреблении» прогрессива в (19) можно увидеть реализацию стратегии, отличной (и даже в некотором смысле противоположной) партнерской, использованной, например, в (18) и (20) и характеризущейся семантическим дублированием. Стратегию эту (обозначим ее как б л о к и р у ю щ у ю) можно описать следующим образом: в случае наличия в контексте эксплицитно заданных элементов, обладающих релевантной для определенной граммемы семантикой, употребление соответствующей граммемы блокируется, т.е. вводится своеобразный запрет на вторичное выражение данной семантики. Соответствующее явление описывается как «запрет на дублирование лексической информации грамматическими средствами» и было названо «контекстной вытеснимостью» [Плунгян 2000: 139–140].

Таким образом, относительно граммемы аориста в (19) мы имеем дублирование, реализацию партнерской стратегии, в то время как относительно прогрессива (имеется в *виду занявшая лидирующее положение в ответах информантов форма непрогрессивного* аориста) наблюдается скорее запрет на семантическое дублирование, применяется блокирующая стратегия.

c) Т о ч е ч н о е а к ц е н т и р о в а н и е

(21) – ¡Pichón, te estoy esperando a ti! – me dijo –. Te *he estado esperando* d e s d e h a c e m u c h o t i e m p o [Juan Rulfo: 164] – '– Пичон, я жду тебя! – сказал он мне. – Я *жду* (Prf. pr.) тебя у ж е д а в н о (букв.: я *ждал* тебя с д а в н е г о в р е м е н и)'.

(22) Ésa era la única pregunta y la única razón para que ella lo hubiera recibido, y Minaya la *había estado esperando* d e s d e q u e e n t r ó en la habitación... [Antonio Muñoz Molina: 73] – *'Это и был тот единственный вопрос и единственная причина, по которой* она его приняла, и Миная *ожидал* (Plq. pr.) его с т о г о с а м о г о м о м е н т а, к а к о н в о ш е л (Aor.) в комнату...'

(23) D e s d e q u e l l e g a s t e *ha estado haciendo preguntas* sobre ti, a Inés y a Amalia, e incluso a Medina, cuando sube a reconocerla, pero sobre todo a Teresa, que le tiene miedo y se siente como hipnotizada cuando mi madre le habla [Antonio Muñoz Molina: 74] – 'С т е х п о р к а к т ы п р и е х а л (Aor.), она *расспрашивает* (Prf. pr.) о тебе Инес и Амалию, и даже Медину, когда он поднимается к ней с врачебным визитом, но

особенно Тересу, которая ее боится и чувствует себя как загипнотизированная, когда моя мать к ней обращается'.

(24) Estaban solos, en el zaguán, y únicamente entonces se atrevió Minaya a hacer la pregunta que lo *había estado inquietando* desde que bajaron de la galería [Antonio Muñoz Molina: 80] – 'Они были (Imp.) одни, в сенях, и только тогда Миная решился (Aor.) задать вопрос, который его *беспокоил* (Plq. pr.) с тех самых пор, как они спустились (Aor.) с галереи'.

(25) Lo subí a la orilla y le hablé: «¿Todavía estás vivo?» Y él no me respondió. *Estuve haciendo la lucha* por revivir al Estanislao hasta que me amaneció; le di friegas y le soplé los pulmones para que se resollara, pero ni pío volvió a decir [Juan Rulfo: 194] – 'Я вытащил его на берег и спросил у него: «Ты еще жив?» Но он мне не ответил. Я *боролся* (Aor. pr.) за жизнь Эстанислао, пока не рассвело (Aor.); я его растирал (Aor.), и вдувал (Aor.) воздух ему в легкие, чтобы он задышал, но он больше не издал (Aor.) ни звука'.

Таблица 5

Языковой материал, иллюстрирующий точечное акцентирование

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
21. *he estado esperando* Prf. pr.	10	37	I (24 + еще 8 в комбинациях)	авторская (24)	Prf. (9)	Prf. pr. + Prf. (3)	Prf. – 8 Aor. – 0 Aor. pr. – 0 Imp. – 2 Imp. pr. – 4 Plq. – 0 Plq. pr. – 2
22. *había estado esperando* Plq. pr	10	33	I (15 + еще 3 в комбинациях)	авторская (15)	Aor. pr. (6)	Prf. pr. (3)	Plq. – 1 Aor. – 1 Aor. pr. – 11 Imp. – 3 Imp. pr. – 1 Prf. – 1 Prf. pr. – 3
23. *ha estado haciendo* (preguntas) Prf. pr.	4	33	I (25 + еще 5 в комбинациях)	авторская (25)	Prf. + Prf. pr. (3)	III/IV место разделили Aor. pr.; Prf. pr. + + Aor. pr. (2)	Prf. – 3 Aor. – 0 Aor. pr. – 4 Imp. – 0 Imp. pr. – 0 Plq. – 0 Plq. pr. – 0
24. *había estado inquietando* Plq. pr	13	27	I (8 + еще 6 в комбинациях)	авторская (8)	Imp. pr. (4)	III/IV/V место разделили Plq.; Imp.; Plq. + Plq. pr. (2)	Prf. – 1 Prf. pr. – 4 Aor. – 1 Aor. pr. – 4 Imp. – 4 Imp. pr. – 5 Plq. – 6
25. *estuve haciendo* (la lucha) Aor. pr.	12	47	I (10 + еще 13 в комбинациях)	авторская (10)	Aor. (9)	Plq. pr. (6)	Aor. – 15 Imp. – 0 Imp. pr. – 5 Prf. – 0 Prf. pr. – 10 Plq. – 0 Plq. pr. – 13

В (21–25) авторская форма глагола в ответах информантов занимает I место, что подводит к следующему, на первый взгляд, наиболее естественному выводу: именно данный тип – точечное акцентирование (в (21–24) маркирована контекстом начальная точка, а в (25) – конечная точка) – обеспечивает наиболее четкое «срабатывание» механизма взаимодействия контекста с граммемой в рамках партнерской стратегии. Однако довольно интересным является выбор информантами «дублеров», т.е. глагольных форм, занявших не первое место. Если в (21), (22), (23) и (25) II место занимают вполне предсказуемые «ближайшие конкуренты» – соответствующие непрогрессивные формы (или комбинация прогрессивной и непрогрессивной форм, как в (23), или также прогрессивный, но иной перфектив, как в (22)), а на III оказались формы из сферы перфектива (как прогрессивные, так и непрогрессивные), то в (24) на II месте стоит Imp. pr. (с 4 случаями его предпочтения), т. е. форма из имперфективной сферы. Причем она дважды имперфективна, так как это комбинация прогрессива и имперфекта. Отметим также, что в (24) в общей сложности Imp. pr. был отмечен в ответах информантов в 5 случаях, а Imp. – в 4 случаях.

По-видимому, ситуация с выбором информантами видо-временных форм в (24) не может рассматриваться как уникальная, поскольку имперфективные формы отмечались как возможные и в (21) (Imp. – 2, Imp. pr. – 4), и в (22) (Imp. – 3, Imp. pr. – 1), и в (25) (Imp. pr. – 5). Таким образом, 4 случая выбора Imp. pr. в (24) не представляются на этом фоне сколько-нибудь выдающимся результатом, а вот занятое II место с таким количеством употреблений вызывает некоторое удивление, но может быть объяснено довольно большим количеством предложенных комбинаций, что естественным образом снижает количественную представленность каждого варианта ответа.

Уникальной на большем основании может быть признана ситуация в (23), где информанты ни в одном случае не предложили в качестве возможной имперфективную форму. Неординарность подобного результата обеспечивается, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Первое заключается в том, что аспектуально значимый «рельеф» в (23) является весьма сходным с таковым в (21), их вполне возможно считать аналогичными. В обоих случаях имеется эксплицированная контекстом левая граница действия (в (21) – *desde hace mucho tiempo 'с давних пор'*, букв. *'с давнего времени'*, в (23) – *desde que llegaste 'с тех пор как ты приехал'*), в обоих случаях отсутствует эксплицированная правая граница ситуации. Ею является момент речи, что и приводит к употреблению (прогрессивного) перфекта в обоих случаях.

Вторым обстоятельством является скорее сходная в рассматриваемых условиях акциональная характеристика использованных в (21) и (23) глагольных лексем. Глагол *esperar 'ждать, ожидать'* из (21) относится к классу ингрессивов (см. выше сноску 14), а *hacer preguntas 'спрашивать, расспрашивать, задавать вопросы'* из (23) – к классу агентивов. Таким образом, в обоих глагольных предикатах отсутствует предельность в смысле соотнесенности с естественным результатом действия, соответственно, актуализация правого предела, равного достижению этого результата, исключается в обоих случаях. Что касается потенциально возможной актуализации левого предела ингрессива при использовании граммем из зоны перфектива, то она оказывается нейтрализованной прогрессивом (напомним, что авторскими формами были формы Prf. pr.).

Суммируя данные обстоятельства, мы вынуждены признать, что на данный момент мы не можем предложить какого бы то ни было объяснения возможности употребления имперфекта, зафиксированной в ответах информантов, в (21) и неупотреблению того же имперфекта в (23), кроме как принять вероятность проявления простой случайности.

В общем, необходимо отметить, что использование такой имперфективной граммемы, как имперфект в высказываниях с заданной контекстом начальной или конечной точкой ситуации, при реализации в языке (в данном случае – испанском) партнерской стратегии выглядит в достаточной степени неорганичным, поскольку имперфект характеризуется непресеченностью, т.е. отсутствием соотнесенности с обозначенными границами ситуации. Использование имперфекта при эксплицировании в контексте лимити-

рованности (пресеченности) в большей степени отвечает логике противоположной стратегии, названной выше блокирующей.

Впрочем, в рассмотренной группе примеров информанты продемонстрировали высокую степень «угадывания» авторских глагольных форм, являвшихся точками пересечения зон перфектива и имперфектива в испанском языке, своеобразными перфективно-имперфективными гибридами. Речь идет о прогрессивном перфекте (21, 23), прогрессивном аористе (25) и прогрессивном плюсквамперфекте (22, 24). При этом перфективные граммемы явились «партнерами» адвербиального контекста, в то время как имперфективный компонент результирующего аспектуального значения (прогрессив) способствовал актуализации срединной фазы каждой ситуации, «гася» возможную при точечном акцентировании актуализацию левого предела у ингрессивов (как в (21, 22, 24)).

3.3. Анализ материала группы «конфликтный сценарий»

а) Трансформация значения под воздействием контекста

(26) – Lo decías porque *has estado viendo* a ese soldado durante varios días. De tanto observarlo lo conoces ya [Zaragoza Cristóbal: 128] – '– Ты так говоришь (Imp.), потому что *видела* (Prf. pr.) этого солдата в течение нескольких дней. Так на него насмотрелась, что он уже стал твоим знакомым'.

(27) – Les voy a decir una cosa – dijo Lituma –. Se acabaron los viajes para mí. Todo este tiempo *he estado pensando* y me he dado cuenta que la mala me vino por no haberme quedado en mi tierra, como ustedes. Al menos eso he aprendido, que quiero morirme aqui [Mario Vargas Llosa: 40] – '– Я вам скажу одну вещь, – произнес Литума. – Закончились для меня поездки. Все это время я *думал*, и до меня дошло, что невезенье навалилось на меня из-за того, что я не остался на своей земле, как вы. По крайней мере, этому я научился – тому, что хочу умереть здесь'.

Таблица 6

Языковой материал, иллюстрирующий трансформацию значения под воздействием контекста

№ примера и авторская форма	Кол-во комбинаций форм	Кол-во информантов, давших ненулевые ответы	Место авторской формы по частотности (количество упоминаний)	Форма или комбинация форм, занимающая I место	Форма или комбинация форм, занимающая II место	Форма или комбинация форм, занимающая III место	Кол-во упоминаний противочлена оппозиции
26. *has estado viendo* Prf. pr.	10	29	I (9 + еще 6 в комбинациях)	авторская (9)	Plq. pr. (5)	Prf. (4)	Prf. – 7 Aor. – 3 Aor. pr. – 4 Imp. – 1 Imp. pr. – 1 Plq. – 0 Plq. pr. – 6
27. *he estado pensando* Prf. pr.	3	32	I (27 + еще 3 в комбинациях)	авторская (27)	Prf. pr. + + Aor. pr. (4)	Prf. (1)	Prf. – 1 Aor. – 0 Aor. pr. – 4 Imp. – 0 Imp. pr. – 0 Plq. – 0 Plq. pr. – 0

В (26, 27) авторскими формами, как и во всех фразах, участвующих в эксперименте, являются прогрессивы (прогрессивный перфект), что определенным образом снимает

остроту конфликта между семантикой перфективных аспектуальных граммем и адвербиального контекста.

В (26), в частности, был использован глагольный предикат, относящийся к акциональному классу ингрессивов, что в сочетании с семантикой перфекта должно было дать актуализацию начального предела ситуации: *has visto a este soldado* дает интерпретацию '*увидел(а) этого солдата*'. Обстоятельственная группа *durante varios días* '*в течение нескольких дней*' обеспечивает непредельную интерпретацию, помещая в фокус актуализации срединную фазу ситуации, соответственно наша по-прежнему перфективная форма (непрогрессивный перфект) описывает уже не ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, а СОСТОЯНИЕ. Таким образом, без участия прогрессива в окончательном оформлении глагольной словоформы, мы имеем именно трансформацию значения под воздействием контекста (в терминах К.С. Смит – сдвиг от категории базового уровня к производной категории [Смит 1998]). Подобный же относительно «чистый» случай приведен в (6). Однако в авторской версии (26) был употреблен прогрессивный перфект, а прогрессив оказывает на ингрессивный глагол воздействие, аналогичное воздействию адвербиального контекста дименсивного типа. Таким образом, относительно пары прогрессив + дименсив мы можем констатировать реализацию партнерской стратегии, а по отношению к паре перфект + дименсив – один из видов «конфликтного сценария»[21], в результате которого на поверхностный уровень выходит трансформированное под воздействием обстоятельства результирующее значение глагольного предиката. В обсуждаемом случае это состояние, имевшее место в течение некоторого периода и актуальное для момента речи.

Отметим также, что в ответах информантов непрогрессивный перфект оказался на III месте (с 4 случаями его предпочтения в качестве единственной формы), всего же он был упомянут 7 раз. В общей сложности непрогрессивные формы были предложены 11 раз (Prf. – 7, Aor. – 3, Imp. – 1), в то время как прогрессивные – 26 раз (Prf. pr. – 25 упоминаний, Plq. pr. – 6, Aor. pr. – 4, Imp. pr. – 1), т.е. использование прогрессивных форм отличалось частотностью, приблизительно в 2.4 раза превышающей частотность непрогрессивных. Приведенные данные в анализируемом конкретном случае демонстрируют, по-видимому, предпочтительность партнерской стратегии, предполагающей семантическое дублирование адвербиального контекста хотя бы одной из составляющих грамматической семантики глагольного предиката.

В (27) наблюдается сходная ситуация, однако все тенденции, присутствующие в (26), в этом примере оказываются еще более ярко выраженными и практически достигают кульминации. Авторская форма – также прогрессивный перфект – оказывается на I месте с 27 случаями ее выбора в качестве единственно возможной. При этом проявляется редкое «единодушие» информантов: было предложено всего 3 варианта заполнения пробела на месте глагольного предиката. На I месте – Prf. pr. (27 случаев), на II – комбинация Prf. pr. + Aor. pr. (с 4 случаями использования), а на III – Prf. (1 случай); таким образом, 31 из 32 предложенных в качестве приемлемых форм являются прогрессивными, т.е. соотношение использования прогрессива и непрогрессива – 31 к 1. Отметим, что все предложенные информантами формы относятся к сфере перфектива, но из них 96.8% являются при этом прогрессивными, т.е., по сути, перфективно-имперфективными «гибридами».

Обратимся теперь к анализу акционального характера использованной в (27) глагольной лексемы. Испанский глагол *pensar* 'думать, подумать' относится, с нашей точки зрения, к акциональному классу, характеризующемуся двухкомпонентным характером действия СТАТИВ / АГЕНТИВ + МОМЕНТАТИВ (см. [Горбова 1996;

[21] Семантическая трансформация, но не блокирование употребления соответствующей граммемы, поэтому блокирующая стратегия в данном случае не реализуется.

1999])[22]. Глаголы этого класса характеризуются способностью обозначать однократный непрерывный процесс, лежащий в двух (или более) смежных временных планах, ср.: *ha pensado y sigue pensando* 'подумал и продолжает думать' (тест из [Правдзивый 1974]). Употребления такого рода допускают также и ингрессивы (в отличие от моментативов и терминативов), ср.:

ha callado y sigue callando 'замолчал и продолжает молчать'(ингрессив);
**ha llegado y sigue llegando* 'пришел и продолжает приходить' (терминатив);
**ha tropezado y sigue tropezando* 'наткнулся и продолжает натыкаться' (моментатив).

Однако в отличие от ингрессивов, мгновенное «проявление» действия (*ha pensado*) не влечет за собой непосредственного и обязательного его развертывания в виде процесса (*sigue pensando*), т.е. здесь отсутствует логически предопределенная и обязательная связь возникновения действия (состояния) и его последующего развития (наличия), что является типичным для ингрессивного характера действия, ср.: *de pronto calló y seguía callando* 'вдруг замолчал и продолжал молчать' и *de pronto pensó y ?seguía pensando* 'вдруг подумал и продолжал думать'.

Особенностью глаголов данного акционального класса является возможность их двоякой интерпретации при употреблении в перфективных формах: либо ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ), либо ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ). Однако реализация той или иной интерпретации не равновероятна. В нулевом контексте (в отсутствии аспектуально значимых обстоятельств и/или столь же аспектуально значимой экстралингвистической информации) в качестве дефолтной интерпретации в зоне перфективности у глаголов обсуждаемого класса реализуется моментативная интерпретация, ср.: *Pedro ha pensado* (Prf.) 'Педро подумал'; *Pedro pensó* (Aor.) 'Педро подумал'. Для получения второй возможной интерпретации – агентивно-стативной – необходим соответствующий контекст, так или иначе вводящий информацию о длительности ситуации, и/или использование прогрессива: *Pedro ha pensado* (Prf.) *mucho* (*todo el día*) 'Педро долго думал (весь день)'; *Pedro ha estado pensando* (Prf. pr.) 'Педро думал'; *Pedro ha estado pensando* (Prf. pr.) *mucho* (*todo el día*) 'Педро долго думал (весь день)'; *Pedro pensó* (Aor.) *mucho* (*todo el día*) 'Педро долго думал (весь день)'; *Pedro estuvo pensando* (Aor. pr) 'Педро думал'; *Pedro estuvo pensando* (Aor. pr) *mucho* (*todo el día*) 'Педро долго думал (весь день)'.

Таким образом, если считать дефолтную интерпретацию в зоне перфектива основной, то, например, дименсивы (обстоятельства со значением двусторонне ограниченного временного периода, полностью занятого действием) вступают в конфликт с этой основной интерпретацией ВХОЖДЕНИЯ В ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ) и несут полную ответственность за реализацию второй интерпретации – ДВУСТОРОННЕ ОГРАНИЧЕННОГО ПРОЦЕССА (СОСТОЯНИЯ). Аналогичное влияние оказывает и использование прогрессива. Именно поэтому в условиях нашего эксперимента – при заданности контекста – преимущественный выбор информантами в (26) и (27) прогрессивных

---

[22] В работе [Татевосов 2005] описываемому здесь классу соответствует класс (слабых) ингрессивно-непредельных <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> или слабых инцептивно-стативных глаголов <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>. Слабыми в рамках концепции С.Г. Татевосова называются те глаголы, у которых Претерит описывает не только ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (или СОСТОЯНИЕ), но и может описывать сам ПРОЦЕСС (СОСТОЯНИЕ).

Мы склонны не различать стативы (вендлеровские States), соотносимые с акциональным ярлыком СОСТОЯНИЕ, и агентивы (у Вендлера – Activities), соотносимые с ПРОЦЕССОМ, поскольку единственное различие между стативами и агентивами, установленное З. Вендлером (возможность их употребления в прогрессиве), снимается в испанском языке, так как испанские соответствия и агентивам, и стативам употребляются в прогрессивной форме. Именно поэтому здесь применяются следующие обозначения: СТАТИВ/АГЕНТИВ, СТАТИВ/АГЕНТИВ + МОМЕНТАТИВ.

форм можно оценивать как тенденцию использования партнерской стратегии относительно такой пары взаимодействующих факторов как адвербиальный контекст – прогрессив. Один из видов «конфликтного сценария» – семантическая трансформация – реализуется по отношению к другой паре: адвербиальный контекст – перфектив.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

4.0. Проведенный выше анализ, основной целью которого явилась попытка предложить основанное на композиционном анализе[23] аспектуальной характеристики глагольного предиката в заданном контексте объяснение множественности выбора, продемонстрированного информантами в ходе лингвистического эксперимента, позволяет сделать ряд выводов.

4.1. Прежде всего, следует остановиться на относительности отсутствия влияния контекста в ситуации, названной выше «чистым случаем» нулевого контекста (в рамках высказывания). Как показал анализ примеров – (9–11), особенно показательны примеры (9) и (11) – даже при действительно нулевом контексте в рамках высказывания, выделенного формально (для письменного текста – знаки препинания, в первую очередь – точка), оказывается ощутимым влияние предшествующего контекста, в частности, использованное в нем видо-временное оформление глагольного предиката. Значимость этих характеристик особенно существенна при однореферентности глагольных словоформ в левом контексте и анализируемом высказывании. Таким образом, формально выделенный тип «чистый случай» нулевого адвербиального контекста имеет право на существование, но в нем не исключено влияние расширенного левого контекста, не ограниченного требованием присутствия в нем обстоятельственной группы.

4.2. В ходе анализа результатов лингвистического эксперимента были выявлены два вида языковой стратегии в сфере взаимодействия семантики аспектуальных граммем и адвербиального контекста, которые были обозначены как партнерская и блокирующая. Первая, действующая в основном в рамках партнерского сценария, но окказионально отмеченная и за его пределами, характеризуется семантическим дублированием, обеспечивающим определенный «запас прочности», и, соответственно, относится к зоне действия языковой избыточности. Вторая стратегия, отличная (и в определенном смысле противоположная) партнерской и реализующаяся в основном на базе одного из видов «конфликтного сценария» – блокировки употребления, описывается следующим образом. В случае наличия в контексте эксплицитно заданных элементов, обладающих релевантной для определенной граммемы семантикой, употребление соответствующей граммемы блокируется, т.е. вводится своеобразный запрет на вторичное выражение данной семантики (соответствующее явление в [Плунгян 2000: 139–140] было описано как «запрет на дублирование лексической информации грамматическими средствами» и названо «контекстной вытеснимостью»). Здесь явным образом проявляется тенденция к языковой экономии.

4.3. На уровне высказывания в испанском языке мы имеем дело со сложными с точки зрения грамматической аспектуальной семантики образованиями, которые вслед за авторами работ [Смит 1998] и [Xiao, McEnery 2004] могут быть названы ситуационными типами. Ситуационные типы являются результатом протекающего по определенным правилам взаимодействия между акциональной характеристикой глагольной лексемы, именными и предложными группами, заполняющими обязательные и факультативные валентности глагола, а также обстоятельственными группами в роли перифе-

[23] Ср. с понятием композиции на уровне глагольной предикации с заполнением обязательных валентностей глагола и на уровне глагольной предикации в высказывании с заполнением и факультативных мест (core level composition и clause level composition) в [Xiao, McEnery 2004] и аспектуальной композиции в [Татевосов 2006].

рийных участников ситуации и аспектуальными граммемами (см. [Xiao, McEnery 2004: 1]). В соответствии с этим реализация обеих стратегий – партнерской и блокирующей – может быть констатирована при анализе одного отдельно взятого глагольного предиката, поскольку названные стратегии оказываются примененными, например, к разным аспектуальным граммемам (см. выше анализ примера (19) в разделе 3.2. b).

Теми же причинами обусловлен аналогичный механизм, приводящий к одновременной (но проявляющейся относительно разных пар взаимодействующих факторов) реализации партнерской стратегии и «конфликтного сценария» (см., например, анализ примера (26) в разделе 3.3. a).

4.4. Поскольку здесь рассматривался материал одного языка (испанского), мы вправе констатировать использование обеих стратегий при функционировании одной и той же языковой системы. Вопрос о преобладающем характере той или иной стратегии в данном языке нуждается в отдельном исследовании и на настоящий момент остается открытым.

Также задачами дальнейших исследований является анализ материала других языков с целью установления релевантности выявленных стратегий для иных языковых систем и возможной типологической значимости партнерской и блокирующей стратегии в сфере взаимодействия грамматической категории и контекста, понимание которого, без сомнения, может быть существенно расширено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балин 1969 – *Б.М. Балин*. Соотношение основных понятий аспектологии // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. III. Челябинск, 1969.

Бондарко 1991 – *А.В. Бондарко*. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // ИАН СЛЯ. 1991. № 3.

Бондарко 2002 – *А.В. Бондарко*. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.

Всеволодова 1997 – *М.В. Всеволодова*. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 1. М., 1997.

Гак 1972 – *В.Г. Гак*. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Горбов 1994 – *А.А. Горбов*. Сопоставительный анализ аспектуальных значений глаголов в текстах русской драматургии и их переводах на немецкий язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

Горбова 1996 – *Е.В. Горбова*. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале переводов художественных текстов): Дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1996.

Горбова 1999 – *Е.В. Горбова*. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Мат-лы XXVIII Межвузовской научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999.

Горбова 2000 – *Е.В. Горбова*. Оппозиция прогрессив / непрогрессив: общеаспектуальная сущность и идиоэтнические особенности // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. I. СПб., 2000.

Горбова 2002 – *Е.В. Горбова*. Оппозиция имперфект / аорист в испанском языке // Мат-лы XXXI Всероссийской научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 22. Общее языкознание. Ч. 1. СПб., 2002.

Горбова 2003 – *Е.В. Горбова*. Анализ пересечения оппозиций имперфект / аорист и перфект / неперфект в испанском языке (на материале лингвистического эксперимента) // Мат-лы XXXII Междунар. филол. конф. Вып. 24. Общее языкознание. Ч. 1. СПб., 2003.

Горбова 2004 – *Е.В. Горбова*. Прогрессивные формы перфекта испанского глагола (на материале лингвистического эксперимента) // Мат-лы XXXIII Междунар. филол. конф. Вып. 24. Общее языкознание. Ч. 2. СПб., 2004.

Касевич 2006 – *В.Б. Касевич*. Труды по языкознанию. СПб., 2006.

Майсак 2005 – *Т.А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Маслов 1978 – *Ю.С. Маслов*. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

Маслов 2004 – *Ю.С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознания. М., 2004.

Павлов 1984 – *В.М. Павлов*. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.

Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Плунгян 1998 – *В.А. Плунгян*. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида, проблемы, поиски, решения. М.,1998.

Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980.

Правдзивый 1974 – *А.А. Правдзивый*. Видовая актуализация настоящего и прошедшего времени глагола в испанском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1974.

Смит 1998 – *К.С. Смит*. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.,1998.

Татевосов 2005 – *С.Г. Татевосов*. Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005. № 1.

Татевосов 2006 – *С.Г. Татевосов*. Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы. СПб., 2006.

Фирсова 1984 – *Н.М. Фирсова*. Грамматическая стилистика современного испанского языка. М., 1984.

Холвут 1995 – *А. Холвут*. Глагольный вид и временной дейксис // Семантика и структура славянского вида I. Kraków, 1995.

Холодович 1963 – *А.А. Холодович*. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока. 1963. № 14.

Шелякин 1983 – *М.А. Шелякин*. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллинн, 1983.

Шелякин 1987/2006 – *М.А. Шелякин*. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2006.

Andersson 1972 – *S.-G. Andersson*. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Karegorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen // Studia Germanistika Upsaliensia 10. Uppsala, 1972.

Breu 1984 – *W. Breu*. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // Die Welt der Slaven. XXIX. I. N.F. VIII. I. München, 1984.

Breu 1985 – *W. Breu*. Handlungsgrenzen als Grundlage der Verbklassifikation // Slavistische. Beiträge. Bd. 184. München, 1985.

Comrie 1976 – *B. Comrie*. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.

Gorbova 2000 – *E.V. Gorbova*. Acerca del problema del potencial semántico del progresivo en español // Language design. V. 3. 2000.

Gramática 1999 – Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999.

Guzmán Tirado, Herrador del Pino 2000 – *R. Guzmán Tirado, M. Herrador del Pino*. Investigaciones de gramática funcional: la aspectualidad en ruso y español. Granada, 2000.

Hewings, Hewings 2005 – *A. Hewings, M. Hewings*. Grammar and context: An advanced resource book. London, 2005.

Matushansky 2006 – *O. Matushansky*. Why rose is the rose: On the use of definite articles in proper names // O. Bonami; P. Cabredo Hofherr (eds.). Empirical issues in syntax and semantics 6. Paris, 2006.

Vendler 1967 – *Z. Vendler*. Verbs and times // Linguistics in philosophy. New York, 1967.

Xiao, McEnery 2004 – *Z. Xiao, A. McEnery*. A corpus-based two-level model of situation aspect // Journal of linguistics. 40. 2004. http://journals.cambridge.org/action/displayFulltext?type...

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. *Márquez García Gabriel*. Cien años de soledad. M., 2003.
2. *Muñoz Molina Antonio*. Beatus Ille. Barcelona, 1993.
3. *Vargas Llosa Mario*. La casa verde. Barcelona, 1991.
4. *Zaragoza Cristóbal*. Y Dios en la última playa. Barcelona, 1981.
5. *Rulfo Juan*. Pedro Páramo. El llano en llamas. Barcelona, 1995.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В СТАТЬЕ

Imp.	– Imperfecto	– имперфект
Imp. pr.	– Imperfecto progresivo	– прогрессивный имперфект
Aor.	– Aoristo	– аорист
Aor. pr	– Aoristo progresivo	– прогрессивный аорист
Prf.	– Perfecto	– перфект
Prf. pr.	– Perfecto progresivo	– прогрессивный перфект
Plq.	– Pluscuamperfecto	– плюсквамперфект
Plq. pr.	– Pluscuamperfecto	– прогрессивный плюсквамперфект
СВ		– совершенный вид
НСВ		– несовершенный вид

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. Т. А. МИХАЙЛОВА

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖНОМ СИНКРЕТИЗМЕ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КЕЛЬТСКОМ: ГАЛЛЬСКОЕ *gobedbi*

Статья посвящена анализу галльской надписи римского периода, имеющей долгую историю исследования. В континентальном галльском уже имел место процесс падежного синкретизма, затрагивающий в первую очередь формы датива – инструменталя множественного числа. Автор показывает, что конкретное распределение форм носит региональный характер.

Слияние падежных форм – явление универсальное. При этом собственно группы падежей, наиболее подверженных сокращению – также, как правило, универсальны. Как отмечал Эрну, «в латинском языке уже со времени его засвидетельствования наблюдается тенденция к сокращению количества падежей. Так, в единственном числе исчез орудийный падеж; существование местного падежа – непрочное; звательный и именительный падежи стремятся к слиянию. Что касается множественного числа, то в латинском языке всегда существовала лишь одна форма для дательного, отложительного, орудийного и местного падежа» [Эрну 1950: 25]. То же явление, слияние локатива, датива, аблатива и инструменталя, наблюдается и в греческом, причем, видимо, на более архаической стадии: «Что касается дательного падежа, в котором слились дательный в собственном смысле слова, местный и орудийный, то этот последний случай "синкретизма" объясняется отчасти фактами, восходящими к и.-е. общности: и.-е. язык обладал окончаниями, содержавшими *bh* и *m*, не определенными вполне отчетливо ни по значению, ни по структуре» [Шантрен 2001: 15].

Универсальность в слиянии именно данной группы падежей (как и номинатива – аккузатива) объясняется не только фонетическими особенностями падежных флексий, но и самими значениями падежей. Совпадая по признаку «периферийности» (т.е. не включенности в субъектно-объектные отношения, см. [Якобсон 1985: 152; Тронский 1967: 7; Красухин 2005: 88]), именно эти падежи имеют тенденцию к первоочередному слиянию (в трехмерной схеме Тронского – как находящиеся на одной грани куба). Функциональная методика диахронического описания изменения именной парадигмы по отношению к древнеирландскому языку пока не применялась, однако данное направление представляется достаточно перспективным (особенно анализ закономерностей сокращения числа падежных форм при переходе к среднеирландскому состоянию).

Применительно к континентальному кельтскому материалу, в основном – к галльским диалектам, говорить о падежном синкретизме, как правило, не принято. Однако, нам кажется, фрагментарность и принципиальная неполнота языкового материала в данном случае вызывают неоправданное стремление искусственно навязать языку более архаическую модель. Это, в свою очередь, приводит к неверным прочтениям и дешифровкам дошедших до нас текстов. Попытаемся продемонстрировать нашу мысль на примере «истории интерпретации» всего лишь одной формы.

Галльская форма *gobedbi* зафиксирована единократно в надписи L–13 (Alise-sur-Reine, публикацию надписи см. в [RIG 1988: 147–155]):
MARTIALIS DANNOTALI IEVRU VCVETE SOSIN CELICNON ETIC GOBEDBI DUGIIONTIO VCVETIN IN ... ALESIA.

Надпись была обнаружена в ходе раскопок 1839 г. С точки зрения палеографической она считается относительно поздней, надпись выполнена латинским инициалом и датируется римским периодом, примерно I–II вв. н. э. Текст надписи практически не поврежден, необычайно отчетлив, и поэтому собственно дешифровка ее на уровне словоделения и прочтения отдельных графем не представляет трудности. Надпись выполнена на камне размером 49 × 74 см и носит несомненно вотивный характер – подношение богу Укуэту, предположительно – покровителю кузнечного дела. Последнее подтверждается обилием вотивных кладок, обнаруженных также в этом районе, в основном состоящих из металлических предметов. Позднее там же была найдена бронзовая чаша с латинской надписью – DEO VCVETI ET BERGVSIAE REMVS PRIMI FIL. DONAVIT V.S.L.M. «Рем, сын Прима, дал богу Укуэту и Бергузии» (votum soluit libens merito – обет исполнил охотно в благодарность). Рядом с тем местом, где была найдена надпись, в 1908 г. были обнаружены также развалины культового сооружения неправильной круглой формы, имевшего два этажа (так наз. «храм Укуэта»). Возможно, это был зал для собраний, а также, судя по некоторым следам органики, – для пиров.

Перевод надписи, в общем, не так уж сложен: и значение (относительное), и форма составляющих его слов довольно прозрачны, за исключением падежа слова GOBEDBI (dat. pl. или instr. pl.) и значения основы **dugi-* (по форме – предположительно rel. pres. 3 pl. 'которые делают'). На первом месте, как обычно в вотивных галльских надписях, стоит имя посвятителя, в данном случае – римское, но с галльским патронимом. За ним следует глагол *ievru*, условно – «посвятил» (точная этимология и форма глагола не совсем ясны, возможен также разброс форм *ievru/ievri*), встречающийся в вотивных надписях достаточно регулярно (обзор литературы по вопросу, а также возможные этимологии см. в [О'Шей 2005], а также [Lambert 1997]). За ним – имя божества в dat. sg., реконструируемая форма – *Ucuetis*, этимология не ясна. После него – объект посвящения с артиклоидным редуплицированным демонстративом (*sosin* 'этот вот', ср. также в посвятительной надписи из Нарбоннской Галлии G–153, записанной греческим алфавитом – σοσιν νεμητον, «это вот святилище»). Семантика слова *celicnon* также не совсем ясна, предположительно – «зал для пиров круглой формы, круглое блюдо» (см. [Lejeune 1996]). Форма *etic* предположительно означает «а также и» и вводит следующее слово – *gobedbi*, которое, судя по основе, встречающейся также в гойдельском, означает «кузнец» (см. ниже), а по форме – явно множественное число, но либо дательный, либо – творительный (так наз. «социативный инструменталь», передающий субъект совместного действия). Соответственно, в первом случае слово должно быть передано как «кузнецам», во втором – «вместе с кузнецами».

В соответствии с трактовкой формы *gobedbi* можно трактовать и относящийся к нему глагол – либо «изготовляют Укуэта» (при этом имя бога, предположительно, употреблено метафорически – бог металла > металл, ср. аналогичное обозначение огня как Вулкана), либо «почитают Укуэта». В любом случае – форма *Ucuetin* не меняет своего очевидного аккузативного статуса.

Последняя строка *in ... Alesia* трактуется как «в Алезии» (т. е. там, где и была найдена надпись). Незначительное повреждение, как принято считать, не затронуло сам текст, и

на месте возможного недостающего знака, видимо, находился характерный для соответствующих римских надписей на камнях листочек лавра.

Таким образом, возможны два прочтения надписи, находящиеся в прямой зависимости от трактовки формы *gobedbi*:

1. «Марциал (сын) Данотала посвятил Укуэту этот зал для пиров, а также кузнецам, которые изготовляют Укуэта в Алезии».
2. «Марциал (сын) Данотала посвятил Укуэту этот зал для пиров, а также вместе с кузнецами, которые почитают Укуэта в Алезии».

Естественно, все сказанное в значительной степени представляет собой упрощение. Однако, намеренно избегая проблем, связанных с семантикой и формой глагола *ievru*, а также с этимологией, со значением и с готскими параллелями слова *celicnon*, обратимся к форме *gobedbi* и ее возможной этимологической и морфологической трактовке.

Трактовка формы *gobedbi* уже имеет огромную историю, насчитывающую не менее десятка работ, кроме того, форма неоднократно привлекалась в качестве сопоставительного материала и, естественно, в каждом случае автор должен был как-то определить для себя соответствующую позицию и точку зрения.

Идея, что форма *gobedbi* представляет собой dat. pl., была впервые высказана в 1908 г. еще Р. Турнейзеном[1], который при этом остерегался утверждать, что само слово означает именно «кузнецы», и предполагал, что гойдельское обозначение кузнеца (др.-ирл. *gobae*, gs. *gobann*, ср. также ср.-валл. *gof*, pl. *gofein*) здесь могло оказаться лишь случайным совпадением. Семантику *gobedbi* он передавал как «жрецы», исходя из общего реконструированного им контекста [«...богу Укуэту, а также жрецам, которые прославляют (или – почитают[2]) Укуэта в Алезии»]. Примерно в то же время параллельно с Турнейзеном к идее рассматривать *gobedbi* как датив пришел археолог Г. Пуассон, который, напротив, видел в лексеме именно обозначение кузнеца, причем полагал, что кузнец в данном случае оказывается отчасти жрецом бога, являющегося покровителем металлургии (ср. металлические объекты в его храме).

Данная трактовка долгое время считалась единственно возможной. Однако в 1979 г. она была поставлена под сомнение М. Леженом, который в работе, посвященной глагольной форме *ievru*, предположил, что в надписи из Алезии его логическими субъектами являются также кузнецы, которые вместе с Марциалом принимали участие в сооружении храма и посвящении его Укуэту (см. [Lejeune 1979]). Сама форма *gobedbi* трактуется как инструменталь. Данная трактовка в настоящее время является общепринятой для французских кельтологов, которые занимают ведущие позиции в том, что касается галльских древностей (см. [Lambert 1997: 99–101; Delammare 2003: 182]). В учебнике галльского языка П.И. Ламбера дается инструментальная трактовка формы, причем в своей аргументации автор исходит из следующих аргументов:

1. чисто формальные аргументы: в галльском засвидетельствованы как формы множественного числа, имеющие продолжение и.-е. датива на *-bh(y)os* (представлен в санскрите, итало-кельтских языках и соответствует германским и балто-славянским формам на *-mos*), так и продолжения раннего инструменталя *-bhis* (балто-славянское *-mi*) – *atrebo aganntobo, kloidiabo, matrebo glaneikabo ~ suorebe, argantebi, eiabi, mesamobi*. Особенно важным для него является сопоставление форм *atrebo*, *matrebo* с формой *suorebe*, поскольку все слова являются терминами родства и относятся к консонантному типу склонения с расширителем *-r*;
2. синтаксические аргументы: аналогичный пример социативного инструменталя находим в древнеирландском: *clirib 7 tuathaib* «клириками (и) народами»;

---

[1] Статья опубликована в журнале Zeitschrift für celtische Philologie (ZCP), VI, 1908, к сожалению, пока для нас не доступна. Пересказ идей Турнейзена, а также Пуассона см. в [RIG 1988: 152].

[2] Такая семантическая трактовка формы *dugijontio* воспроизводится и в труде [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 353].

3. мифологические аргументы: сакрализация кузнеца как мифо-поэтическая универсалия, имеющая много подтверждений в островном кельтском материале (в основном – древнеирландском).

В собрании галльских надписей, выпускаемом французской академией наук и имеющем «нормативный» характер, в томе, подготовленном М. Леженом и вышедшем в 1988 г., корректно дается неоднозначная трактовка формы *gobedbi* и допускается альтернативный вариант: «Можно допустить в галльском начало падежного синкретизма, в частности, объединяющего датив и инструменталь, но в ситуации, когда язык еще не сделал выбора между формами на *-bo* и на *-bi*» [RIG 1988: 153]. И все же автор явно склоняется к другой интерпретации. В работе 1996 г. он предлагает трактовать форму *gobedbi* как «комитативный инструменталь» [Lejeune 1996: 126].

Инструментальную интерпретацию формы *gobedbi* разделяют также Дж. Кук, видящий в надписи в целом клефтовую конструкцию («и это есть они, которые изготовляют...» [Koch 1985]), и П. Схривер, который в приложении к своей книге «Исследования по истории кельтских местоимений и частиц» [Schrijver 1997] поместил специальный очерк о надписи из Алезии и предложил несколько иную трактовку надписи в целом: *etic*, по его мнению, есть свернутое **esti-kwe* 'и которое есть' и относится к посвятительному объекту: «зал для пиров, который есть (изготовлен) кузнецами...».

Форму *gobedbi* называет примером галльского инструменталя и К. Штюбер (которая, отметим, считает, что сама лексема не имеет параллелей вне кельтских языков и предположительно является до-индоевропейским заимствованием [Stüber 1998: 172]).

В то же время, в ряде работ (как правило – немецких) сохраняется «дативная» трактовка. Теорию галльского падежного синкретизма разделяет К. Шмидт, который отмечает традиционный синкретизм локатива, аблатива, инструменталя и датива в древнеирландском, обобщившем все падежные формы по модели инструменталя, и предлагает видеть начало этого процесса уже в галльском, базируясь именно на форме *gobedbi* [Schmidt 1974: 403]. См. также [de Bernardo Stempel 1994]. Наш список «истории вопроса», естественно, не полон.

В относительно недавней работе Дж. Эски [Eska 2003] предлагается вернуться к прежней, дативной, трактовке формы *gobedbi*. Поддерживая идею намечающегося падежного синкретизма в Галлии времен Империи, автор отмечает, что «не существует ни одного галльского текста, в котором бы были одновременно засвидетельствованы обе формы» [Eska 2003: 106].

Трактовка падежной формы, естественно, должна опираться на общую картину галльской именной парадигмы, которая зафиксирована лишь фрагментарно. Особенно это касается форм множественного числа консонантных основ. Так, достаточно очевидные дативные (с точки зрения семантики) формы «матерям» и «отцам» (как объектам почитания) дают надписи из Нима (юг Франции) – *ματρεβο* и Плумергата (Бретань) – *atrebo*. В то же время в надписи из Нериса (центральная Франция) форма *suiorebe* предположительно (!) трактуется как инструменталь («...вместе с сестрами»). Ср. также предположительные (!) трактовки форм из надписи на блюде из Лезу – *gandobe* 'редкими' и *mesamobi* 'наихудшими'. Таким образом, можно, как кажется, говорить о сохранении в галльском двух различных форм – dat. и instr. pl., восходящих к соответствующим и.-е. флексиям. В древнеирландском позднее произошло слияние форм abl., dat. и instr. pl., видимо, по инструменталю, поскольку др.-ирл. dat.pl. на *-(a)ib* несомненно восходит к формам на **-(a)bi* (*i* перед *b* – маркер позиционной палатализации).

В то же время против идеи инструменталя по-прежнему говорит странный синтаксис надписи, неестественно разрывающий два логических субъекта [букв. «Марциал (сын) Даноталла посвятил Укуэту этот вот храм, а также вместе с кузнецами, которые почитают Укуэта в Алезии»]. В надписи из Нериса, в которой (возможно?) также указано совместное посвящение, порядок слов иной: «Братрон (сын) Нантона Эпадеторику священную рощу вместе с сестрами воздвиг» [Lambert 1997: 105].

Гойдельское упрощение именной парадигмы, выразившееся в первую очередь в слиянии датива, аблатива и инструменталя, происходило с точки зрения хронологической

когда-то между реконструируемым прото-гойдельским состоянием и фиксируемыми ранними древнеирландскими формами, т.е. на огромном временном промежутке от VII–VI вв. до н. э. до V–VI вв. н. э. (в VII в. беспредложный датив уже считается архаизмом). Мы не можем также сказать, строго говоря, произошло ли это явление уже в Ирландии или еще на континенте, до переселения прото-гойдельских племен на Британские острова. В бриттском процесс упрощения именной парадигмы зашел дальше, поэтому практически невозможно говорить о каком-то выделении его этапов. Но при этом можно предположить наличие аналогичных тенденций уже в континентальном кельтском, в частности – в галльском, особенно в поздних памятниках. В гойдельском, с точки зрения формальной, обобщение падежной парадигмы произошло по инструменталю, о чем говорит палатализованность конечного согласного, на письме выражаемая при помощи буквы *-i*, передающей бывший вокальный глайд (к **-bi*): ср. реконструкцию падежа, условно называемого «дательным» для множественного числа слова *siur* (и.-е. **swé-sōr*) 'сестра' – др.-ирл. *sethraib* < прото-гойдельское **swetr-ivih* < обще-кельтское **swerr-ibi* < и.-е. **swe-srb^{h}í* [McCone 1994: 170]. Аналогичное слияние форм наблюдается и в германских языках, в которых «аблатив, датив и инструментальный падежи не так различались во множественном числе, как в единственном» [Прокош 1954: 257]. В принципе слияние форм могло бы иметь в качестве обобщающей модели и датив множественного числа. При этом в разных диалектах могли реализоваться разные модели (ограниченность данных не позволяет судить о дальнейшем развитии процесса, т.к. к концу IV в. галльский практически вышел из обращения)[3].

Анализ соответствующих форм с данной точки зрения дает следующие результаты: формы на *-bo* фиксируются в южных районах (как правило, более ранние памятники, записанные греческим алфавитом), а также в районе Плумергат, Бретань; формы на *-bi/-be* зафиксированы в центральной Франции. Таким образом, в разных диалектах Галлии, возможно, наблюдаются аналогичные в плане содержания, но не полностью совпадающие в плане выражения процессы. Нашу идею диалектного распределения форм подтверждает также выполненная латинским письмом надпись, перевод и прочтение которой невозможны ввиду плохой сохранности текста: от нее дошел до нас лишь фрагмент камня с окончаниями двух, стоящих друг над другом слов -]*trabo*/]*tabo* [Whatmough 1970: 64]. Надпись обнаружена в приальпийском районе, т.е. тоже в южном районе Галлии.

Более того, у нас нет полной уверенности в том, что трактуемые как инструментали формы на *-bi/-be* всегда действительно таковыми являются. Так, мы не уверены в том, что в надписи из Нериса BRATRONOS/NANTONTICN EPAĐATEXTO/RICI. LEVCVTIO/SVIOREBE/TOGI/TOI[4] [RIG 1988: 1–6], которая традиционно переводится как «Братрон (сын) Нантона Эпадатехторику "левкутио" (священную рощу?) вместе с сестрами установил», форма *suiorebe* действительно является инструменталем. Во-первых, отметим, что в надписи не употреблен традиционный посвятительный глагол. Во-вторых, имя Эпадатехторик нигде не засвидетельствовано как теоним и по форме скорее напоминает традиционное галльское двучленное имя со значением «Король едущих на лошади» (именно так оно и трактуется в [Evans 1967: 88]). Сама надпись, таким образом, имеет характер скорее надгробный, чем посвятительный (что отмечено и у Эванса), и ее следует трактовать как надгробное посвящение Братрона с сестрами, детей Нантона, некоему Эпадатехторику (видимо, другу семьи). Однако слово BRATRONOS, как отмечает П.И. Ламбер, означает «большой брат, старший брат» [Lambert 1997: 106], что дает

---

[3] Слияние падежных форм в **единственном** числе в древнеирландском реализует разные модели для разных типов основ, однако, говоря огрубленно, более частыми оказываются дативные модели. В галльском также отмечается определенная тенденция к слиянию форм датива и инструменталя в единственном числе, но скорее по инструментальной модели [Delamarre 2003: 344–345].

[4] По неясной причине слово традиционно читается как *logitoi*.

возможность осторожно предположить, что первое слово надписи является апеллятивом. В этом случае собственно именем «брата» будет *Nantonticn-* (падение окончания характерно для римского периода). Лексема, обладающая характерным суффиксом принадлежности, часто встречается в патронимах Галлии, однако можно отметить редкие случаи, в которых этот же суффикс выступает и в собственно имени – *Segomanicos, Kragsiknos, Krasanikna* и др. [Evans 1967]. В таком случае имя *Epadatextorici* можно рассматривать уже как патронимный генитив, также характерный для сложных галльских имен. Элемент *-rix* («король») представляет собой гуттуральную основу, и его gen. sg. должен был бы кончаться на *-os/-s*. Однако банализация основ в позднем галльском, выражающаяся в частности в обобщении тематического склонения на *-o-*, как раз дает новую генитивную форму данного (отметим – очень распространенного) слова *-rici* [Delamarre 2003: 261]. Надпись в целом, в таком случае, следует читать примерно как: «Старший брат Нантоникн (сын) Эпадатехторика надгробие (а что еще?) сестрам установил».

Еще менее «инструментальными» выглядят соответствующие формы в надписи на блюде из Лезу, сохранившейся, к сожалению, лишь наполовину: блюдо разбито, половина его утеряна и от надписи сохранились лишь начала строк. И прочтение надписи, и ее интерпретация более чем проблематичны. Форма *gandobe* (предположительно соотносимая с др.-ирл. *gand* 'редкий') может трактоваться и как датив («редким вновь...»), и как инструменталь; форма *mesamobi* (если она действительно соотносится с др.-ирл. *messam* 'наихудший') выглядит скорее как инструменталь: если принять идею о возможных вкраплениях в текст латинских искаженных слов, мы получим: *mesamobi molatus* «худшими испорченный» или «худшими измученный» (*moletus*). Впрочем, последняя трактовка, как и предыдущая, остается скорее предположительной.

Таким образом, прочтение *gobedbi* как датива автоматически демонстрирует однонаправленность процесса упрощения именной парадигмы в разных ветвях кельтских языков.

Строго говоря, предположение о слиянии форм датива и инструменталя уже в континентальном галльском вновь возвращает нас к проблеме интерпретации исследуемой формы, т.к. в этом случае она может быть, естественно, и тем и другим. Дальнейшая трактовка надписи, уже с новых позиций, требует как синтаксического анализа текста, так и семантического изучения составляющих его лексем. Говоря иначе: мог ли Марциал посвятить зал для пиров кузнецам?

С точки зрения чисто семантической посвящение храма «а также кузнецам» возможно при расширенном понимании значения глагола *ievru* 'посвятил', но также 'дал, предназначил' (соотносимый с ним древнеирландский глагол *ernaid* означает не столько «посвящает», сколько «предоставляет, обеспечивает»). Таким образом, надпись может читаться «Марциал, сын Данотала, принес в дар этот храм богу Укуэту, а также кузнецам, которые почитают Укуэта в Алезии».

В своей работе Дж. Эска задается вопросом: «Как можно объяснить, что два реципиента посвящения, бог Укуэтис и люди-кузнецы, оказываются сведенными вместе, несмотря на разницу в их статусе?» [Eska 2003: 112]. Предложенное им объяснение кажется рациональным, ввиду отмеченной нами многозначности посвятительного глагола: зал для пиров был посвящен богу, но одновременно передан для использования кузнецам (ср., например, «Я посвящаю свой труд Ломоносову, а также студентам, которые изучают химию в Московском университете»).

Однако возможность именно посвящения зала кузнецам, как кажется, может быть обусловлена и особым статусом носителей этой профессии в кельтском мире (да и за его пределами). Так, мы можем вспомнить знаменитую строку из гимна, приписываемого св. Патрику, в котором он призывает бороться с представителями языческих культов и веры в магию: *fri brichtu ban ocus* ***gobann*** *ocus druad* «против заклинаний женщин и кузнецов и друидов», а также имя бога-кузнеца из ирландских Племен Богини Дану (богов-демиургов) – *Goibniu*.

В любезно предоставленной нам и пока неопубликованной работе В. Блажека [Blažek, рук.] высказывается предположение о соотнесении ирландского бога-кузнеца с литовской Габией, персонификацией огня домашнего очага. В то же время само кельтское божество, кодируемое основой *Gob-*, он предлагает изначально трактовать не столько как собственно кузнеца, сколько как воплощение мастерства в широком смысле слова (аналогичного мнения, кстати, в свое время придерживался и Т. О'Рахилли [O'Rahilly 1946: 314–315]). В. Блажек находит подтверждение своей идеи в тексте древнеирландского заговора, сохранившегося в кодексе Санкт-Галленского монастыря[5]: заклинание против «колючки» называется там *fiss Goibnen* «знание Гойбниу», из чего автор делает заключение, что божество Гойбниу имело также статус лекаря. В.П. Калыгин также отмечал полифункциональность бога Гойбниу, который, в частности «на празднике Племен Богини Дану (fled Goibnenn) готовит пиво, дающее бессмертие и вечную молодость» [Калыгин, рук].

Мы в свою очередь могли бы добавить к этому параллель с другим персонажем ирландской традиции – плотником по имени *Gobbán*, также обладающим несомненными магическими способностями и приобщенным к тайному знанию. В стихотворении, сохранившемся в монастыре Св. Павла в Каринтии и датируемом VIII в., описывается «маленькая келья» Безумного Суибне, о которой говорится *Gobbán du-rigni sin* «Гобан это сделал», а имя Гоббан предположительно трактуется как «Творец» (келья при этом символически означает весь мир, см. [Murphy 1956: 224]).

В качестве этимона кельтского обозначения кузнеца в свое время выдвигалось несколько разных «кандидатур», кроме того, ряд исследователей (К. Штюбер, В.П. Калыгин) склоняются к идее, что не имеющее параллелей за пределами кельтского региона слово не поддается и.-е. реконструкции, а, следовательно, может квалифицироваться как доиндоевропейское заимствование. В то же время, естественно, выдвигался ряд других предположений, из которых нам наиболее логичным и простым кажется предложенная П. Де Бернардо Штемпель и.-е. основа *$*g^h eub$- 'гнуть, давить' (см. [de Bernardo Stempel 1994]). Однако не совсем ясным при этом остается вокализм в обозначении кузнеца, а также семантический переход, поскольку обработка железа, в отличие от меди, предполагает не «сгибание», а удары молотом. Действительно, в данном случае постоянно следует помнить о том, что обработка железа – явление позднее, и поэтому обозначение собственно кузнеца на и.-е. уровне реконструировано быть не может. Поэтому в каждом конкретном случае речь должна идти о какой-то вторичной семантической мотивации основы или о расширении значения слова, имеющего изначально иную семантику (ср., например, русск. *стрелять*). Интересно, что именно значение «ударять» (и.-е. *$*k'el$-) лежит в основе галльского теонима *Sucellos* – божество изображается с огромным молотом в руке [Duval 1976, 64 f.].

В. Блажек предлагает в качестве изначального этимона реконструируемую им и.-е. основу *$*g^{wh}/g^h wob$- (у Покорного не выделенную) и полагает возможным соотнесение исследуемого слова с лат. *faber* 'мастер, изготовитель, кузнец, художник', при литовск. *gabus* 'умелый', а также герм. *$*wēp$-*na* 'оружие' (ср. также имя мифологического кузнеца – Вёлунд). Не ясным при этом остается соотнесение бога Гойбниу с литовской Габией: параллель «кузнечное дело» – «огонь» достаточно понятна, тогда как семантический переход «ремесло, мастерство» – «огонь» кажется проблематичным, возможно, имеется в виду огонь как укрощенная стихия, огонь, служащий человеку[6]. Действительно, богиня Габия предстает не как символ разрушительной силы огня, которую следует как-то умилостивить, но скорее как помощница и покровительница: «К ней обращают-

---

[5] Полный текст заговора с русским переводом подготовлен в настоящее время для 8-го выпуска альманаха «Атлантика» (приложение к статье Дж. Кэри «Магические тексты в раннесредневековой Ирландии», пер. Н. Чехонадской).

[6] Подробное цитирование работы В. Блажека не кажется нам возможным, поскольку она еще не опубликована.

ся с молитвами о благополучии в доме и хорошем урожае, ее просят благословить хозяйство, охранить дом от пожара, задержаться на месте, не расширяться, зажечь свечу и т.п.» [Завьялова 1998: 374]. В словаре К. Буга имя литовского божества Габии (не только богини домашнего очага, но и «охранительницы овина») возводится к и.-е. основе **gab-* с общим значением 'покрывать, окутывать, хранить' [Būga 1958: 210].

В то же время полифункциональность сакрализованных продолжений, кодируемых обще-балтийским **gab-/*gob-* основ, отмечалась и В.Н. Топоровым, который видел и в имени литовской богини Габии, и в многочисленных прусских и литовских гидронимах с этим же (?) корнем один глубинный концепт: «корнем *gab-* кодировались понятия воды и огня (во-первых) и мифологического персонажа (в частности женского рода), претендующего на то, чтобы в реконструкции быть женой Громовержца (во-вторых)» [Топоров 1979: 124]. Не самим ли Громовержцем или хотя бы его помощником-демиургом должен в таком случае быть персонаж, давший название кузнеца в кельтском?

Но не стоит все же преувеличивать «сакральность» данной фигуры, по крайней мере, в континентальном кельтском.

Следует отметить, что в ирландском соответствующая лексема (как имя бога *Goibniu*, gen. *Goibnenn*, так и собственно обозначение кузнеца *gobae*, gen. sg. *gobann*) принадлежит к *-n* основам, традиционно оформляющим теонимы посредством персонификации апеллятива (см. [Stüber 1998: 99 f.]), причем уже – в общекельтском – как собственно на уровне суффиксов (*Epona* – богиня-лошадь, *Abona* – божество реки, *Mapon* – бог-юноша, *Gwion* – воплощение мудрости и проч.), так и в качестве маркеров типа основы: *Danu-Danann* («Влага», мать племени богов), *Ériu-Érinn* («Жир, обилие, процветание», к ОК **piH-wer-ih$_2$-on-*, персонификация Ирландии), *Albiu-Albann* («Свет, Белизна», Сев. Британия, на мифо-поэтическом уровне как персонаж не засвидетельствована) и проч. Мы предлагаем видеть здесь дейктическую частицу с общим значением «тот, вон тот», откуда соответствующее семантическое развитие типа: «вода» > « вот та вода» > Вода-божество (как персонификация идеи воды, предположительно также при переходе в активный класс, ср. [Shields 1997: 371]). Ср. также, например, галльск. ARTIONI (dat.sg.) – имя богини-медведицы (к РС **artijo-n*, «относящийся к медведям» или «та-вот медведица», к реконструируемой основе fem. **h$_2$r$_o$ k'pih$_2$*). Видимо, здесь представлен гетероклитический тип склонения – **-ā/ă-s*, gsg. **-ā/ăs-n-os*. Этот же тип основы представлен в галльских nomina propria – *Gobannitio, Gobano, Gobannio, Gobannicnus* (см. [Evans 1967: 350–351]). *Goibniu* – предположительно вторичное образование с синкопой и с таким же назальным расширителем. Либо, что кажется вероятнее, – имя Гойбниу реализует развитие агентивного суффикса *-nt-* (> *nd* > *n*) с тем же индивидуализирующим расширителем *-n-* [Hamp 1988: 54].

Галльская форма *gobedbi* предположительно реализует другую модель – основа с дентальным распространителем, возможно, вторичным, характерным, в частности, для класса nomina agentis (**gob-e-nt-* > *gobed-*). Следовательно, в галльском, казалось бы, в отличие от ирландского, кузнец предстает не совсем как сакральная фигура, а просто как лицо, *совершающее* нечто (с металлом). Однако в галльском возможен и другой вариант фонетического развития *-*gob-e(n)t-bi* > *gobedbi*, т.е. вокализация глухого денталя под влиянием звонкого консонанта флексии (см. об этом [Hamp 1988: 54; de Bernardo Stempel 1987: 117]). Таким образом, гойдельские и галльские формы оказываются этимологически тождественными даже на уровне суффиксов, однако фонетически воплощают «борьбу с консонантными кластерами» по-разному. Обращает на себя внимание и разброс форм множественного числа в валлийском: ср. валл. *gof* – *gofein*, совр. валл. *gof* – *gofaint*. Предположительно, происхождение *-d* в галльском можно было бы объяснить и как адъективное образование (ср. литовск. *Gabieta* 'огненная').

Не ясным остается также вопрос о синкопе: *gobedbi*, а не **gobedebi* (при *suiorebe*, а не **suiorbe*).

Итак, сопоставление островных и континентальных форм, а также восстановление культа бога-кузнеца в Галлии представляют собой, с нашей точки зрения, интересный и перспективный исследовательский маршрут. Сопоставление с мифами о Гефесте и Вул-

кане, явно известными в Галлии, а также попытка реконструкции мифа и имени бога Укуэта, о котором мы говорили выше, может сделать финал этого пути совершенно неожиданным. Но в любом случае уже сейчас очевидно, что галльские кузнецы как сакральная и профессиональная корпорация, несомненно, были достойны посвящения им зала для пиров и собраний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.

Завьялова 1998 – *М.В. Завьялова*. Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998.

Калыгин, рук. – *В.П. Калыгин*. Этимологический словарь кельтских теонимов (рукопись).

Красухин 2005 – *К.Г. Красухин*. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.

О'Шей 2005 – *Н.А. О'Шей*. Галльские и лепонтийские формы претерита – традиция, инновации и вопрос диалектного распределения // ВЯ. 2005. № 6.

Прокош 1954 – *Э. Прокош*. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.

Топоров 1979 – *В.Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь: Е–Н. М., 1979.

Тронский 1967 – *И.М. Тронский*. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.

Шантрен 2001 – *П. Шантрен*. Историческая морфология греческого языка. М., 2001.

Эрну 1950 – *А. Эрну*. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.

Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа (1936, нем.) // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

Blažek, рук. – *V. Blažek*. Celtic 'smith' and his colleagues (рукопись).

Būga 1958 – *R. Būga*. Rinktina raštai. T.I. Vilnius, 1958.

de Bernardo Stempel 1987 – *P. de Bernardo Stempel*. Die Vertretung der indogermanischen Liquiden und nasalen Sonanten im Keltischen. Innsbruk, 1987.

de Bernardo Stempel 1994 – *P. de Bernardo Stempel*. Zum gallischen Akzent: eine sprachinterne Betrachtung // ZCP. 44. 1994.

Delamarre 2003 – *X. Delamarre*. Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Paris, 2003.

Duval 1976 – *P.M. Duval*. Les dieux de la Gaule. Paris, 1976.

Eska 2003 – *J.F. Eska*. On syntax and semantics in Ilise-Sainte-Reine (Côte-d'or) again // Celtica. 24. 2003.

Evans 1967 – *D.E. Evans*. Gaulish personal names. Oxford, 1967.

Hamp 1988 – *E. Hamp*. (Aber)Gevenni // BBCS. 35. 1988.

Koch 1985 – *J. Koch*. Movement and emphasis in the Gaulish sentence // BBCS. 1985. 32.

Lambert 1997 – *P.Y. Lambert*. La langue gauloise. Paris, 1997.

Lejeune 1979 – *M. Lejeune*. Le dossier gaulois *IEVRU* // Recherches de linguistique. Bruxelle, 1979.

Lejeune 1996 – *M. Lejeune*. Notes d'etymologie gauloise. XIII. Autour de CELICNON // EC. 32. 1996.

McCone 1994 – *K. McCone*. An tSean-Ghaeilge agus a réamhstair // Stair na Gaeilge. Maigh Nua, 1994.

Murphy 1956 – *G. Murphy*. Early Irish lyrics / Ed. with translation, notes and glossary. Oxford, 1956.

O'Rahilly 1946 – *T.P. O'Rahilly*. Early Irish history and mythology. Dublin, 1946.

RIG 1988 – Recueil des inscriptions gauloises. V. II: Textes gallo-latins sur pierre / Éd. par M. Lejeune. Paris, 1988.

Shields 1997 – *K. Shields*. Linguistic typology and reconstruction: The animacy hierarchy and its implications for the Indo-European inflectional number category // Word. 48. № 3. December 1997.

Schmidt 1974 – *K.-H. Schmidt*. Zur Vorgeschichte des keltischen Kasussystems // BBCS. 35. Pt. IV. 1974.

Schrijver 1997 – *P. Schrijver*. Studies in the history of Celtic pronouns and particles. Maynooth, 1997.

Stüber 1998 – *K. Stüber*. The historical morphology of N-stems in Celtic. Maynooth, 1998.

Whatmough 1970 – *J. Whatmough*. The dialects of ancient Gaul. Cambridge (Mass.), 1970.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2007

© 2007 г. А. В. ЗЕЛЕНИН

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ (1919–1939 гг.)

В статье рассматривается три типа компрессивного словообразования в русском языке: аббревиация, универбация, усечения на материале русской эмигрантской прессы (1919–1939 гг.). На фоне аналогичных словообразовательных процессов, происходивших в русском языке в советское время – 20–30-е годы, делаются выводы о динамике, темпах формирования и функционирования данных типов в эмигрантском варианте русского языка. Выявлены типичные зоны и механизмы аббревиации как основного типа компрессивного словообразования в эмигрантской прессе, показана дистрибуция аббревиатур. Универбация и усечения, в отличие от русского материкового языка, оказались неразвиты в эмигрантском узусе ввиду отсутствия «социального заказа».

Социальные, политические, экономические изменения в жизни людей быстрее и непосредственнее всего отражаются на лексике и словообразовании. Лексические инновации могут проявляться либо в бурном заимствовании новых слов, либо в перемещении лексических пластов, классов, групп внутри литературного языка (их пассивизации и активизации), могут происходить сдвиги в значениях, вступают в действие механизмы метафоризации и др. Словообразовательные инновации обычно (но не всегда) не столь заметны и связаны с активизацией словообразовательных типов и моделей, образующих производные слова для номинации новых реалий. Сошлемся на языковую ситуацию XIX в. Это был век чрезвычайно интенсивных лексических заимствований; по подсчетам Ю.С. Сорокина, именно на заимствования падает примерно 1/3 всех лексико-словообразовательных новообразований. Их укоренение или освоение в русском языке сопровождалось семантической аморфностью, диффузностью, размытой семантико-синтаксической валентностью, словообразовательной вариативностью (явным признаком недостаточной степени адаптации иностранного слова в русском языке). Какие же заимствования были характерны для того времени? Основными семантическими группами новой лексики были:

• сфера образования, воспитания, культуры (социальный посыл: мощное развитие учебно-воспитательных и образовательных концепций в XIX в., сначала ориентировавшихся на западные модели, но затем сформировавших свои методы и методики);

• политическая терминология (социальный посыл: изменение классовой структуры общества: смещение на политическую периферию дворянства и появление на политической арене разночинной интеллигенции);

• философская, этическая, эстетическая терминология (социальный посыл: увлечение западной и – меньше – восточной философией, этикой и эстетикой и появление оригинальных русских философско-этических учений, развитие эстетической, художественной, театральной терминологии).

К концу XIX – началу XX в. наступает стабилизация заимствований в семантическом и структурном отношениях[1]. На первое место выдвигаются словообразовательные механизмы, осваивающие новые лексические элементы в деривационном отношении, т.е.

[1] «Во второй половине (XIX в. – *А.З.*) века мы наблюдаем процесс нормализации в употреблении заимствованных слов» [Сорокин 1965: 179].

при вхождении их в русские словообразовательно-морфологические парадигмы[2]. Иногда интенсивные лексические и словообразовательные процессы могут накладываться друг на друга, пересекаться, происходить в одно и то же время, как это произошло, например, в (после)революционные годы: бурное пополнение лексикона новыми понятиями, связанными с наименованием реалий нового строя, смещением на лексико-семантическую периферию некоторых тематических групп (термины царской, религиозной, политико-государственной тематики и др.) протекало одновременно с активизацией отдельных словообразовательных моделей.

Изучение словообразовательных процессов, рассмотренных в связи с неязыковыми (социальными) событиями 1917 г., было свойственно уже работам А. Мазона, С.И. Карцевского, А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, Е.Д. Поливанова. В послемарровский период одной из центральных работ, обобщающей словообразовательные тенденции советской эпохи, стала монография [РЯСОС 1968], рассматривающая деривационные процессы в совокупности собственно лингвистических и нелингвистических (социальных, экономических, политических) функций. Функциональное направление в лингвистике, пришедшее в 80-е годы XX в. на смену структурализму, в первую очередь стало развиваться в области изучения грамматики и лексики. В дериватологии функциональный подход был реализован, в частности, в [РГ-1980]. По мнению Е.А. Земской, словообразование, в зависимости от выполняемой функции, может быть дифференцировано как: 1) номинативное; 2) конструктивное; 3) компрессивное; 4) экспрессивное; 5) стилистическое [Земская 1992]. Однако уже в революционную эпоху А.М. Селищев рассматривал суффиксацию имен существительных, по сути, в функциональном аспекте, выделяя эмоциональные, коммуникативные и номинативные суффиксы [Селищев 1928].

Исследователи языка русской эмиграции неоднократно подчеркивали актуальность изучения словообразовательных процессов в речевой практике русскоговорящих за границей: «вопрос о том, **как** (выделено автором цитаты. – *А.З.*) функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес» [Земская 2004: 418], также [ЯРЗ 2001: 128; Земская 2002]. Больше повезло эмигрантам третьей и четвертой волн эмиграции; записи их речи позволили выявить функционирование некоторых словообразовательных моделей в устном (некодифицированном) языке [ЯРЗ 2001; Осипова 1999; 2002]. В последние годы предпринимаются активные попытки описания языка русскоязычной прессы ближнего и дальнего Зарубежья [Комарова 2000; Протасова 2000; 2002; Авина 2000; 2003; 2004; Витцлак-Макаревич 2004]. Функциональная точка зрения на словообразование проводится Е.А. Земской и в отношении действия словообразовательных механизмов в (преимущественно) устной речи эмигрантов дальнего Зарубежья. По ее мнению, нужно говорить о двух функциях словообразования, участвующих в производстве дериватов: н о м и н а т и в н о й и э к с п р е с с и в н о й [Земская 2000]. Однако даже и здесь нет согласия в интерпретации словообразовательных процессов: то, что одни считают «разрушением» (дезинтеграцией, пиджинизацией) или, по крайней мере, ослаблением словообразовательных моделей (в частности, в речи последней волны эмиграции) [Осипова 1999; 2002; Polinsky 1996; 1998], другие оценивают противоположным образом – как подтверждение силы русского словообразования, подчиняющего себе иноязычные лексемы и включающего в русские словообразовательные сети [ЯРЗ 2001; Земская 2001; 2002].

Следует согласиться с Е.А. Земской, считающей, что «исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы)» [ЯРЗ

---

[2] «В обогащении лексического состава русского литературного языка в эту эпоху (последние десятилетия XIX – начало XX в. – *А.З.*) главная роль принадлежит словообразованию» [Лексика 1981: 187].

2001: 128]. Исследование же словообразовательных механизмов публицистической сферы языка русского зарубежья в 20–30-е годы XX в. еще, по сути, не начато. Словообразование эмигрантской прессы той поры предстает перед нами как terra incognita, о которой мы имеем случайные, фрагментарные и отрывочные сведения. Для первых советских лет, в первую очередь, А. Мазон и А.М. Селищев снабдили нас материалами, показывающими активизацию той или иной словообразовательной модели[3]. На основании этих данных исследователи могут судить о динамике словообразования в первые революционные и послереволюционные годы. Но в каком темпе словообразовательные процессы проходили в эмигрантской публицистике после того, как сотни тысяч беженцев покинули Россию и начали новую жизнь вдали от Родины? Значит ли это, что словообразовательные процессы в эмигрантской публицистике остановились, «замерли», законсервировались? Если ответить на этот вопрос положительно, то это значит отказаться от функциональной точки зрения на словообразование как на живой процесс, служащий для реализации языковых интенций, это значит признать словообразования неким застывшим монолитом, а не динамической системой. Если ответить на этот вопрос отрицательно, то сразу рождается ряд исследовательских гипотез: какие словообразовательные типы и модели представлены в языке эмигрантских газет? как они корреспондируют с аналогичными в советской публицистике? какие модели активизируются, а какие – напротив – не получают развития? можно ли говорить о связи (обусловленности) деривационных механизмов с экстралингвистическими факторами? Рассмотрим теоретические и практические вопросы словообразования на примере некоторых словообразовательных типов, активизировавшихся в послереволюционное время.

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Наряду с номинативной функцией словообразования, заключающейся в производстве новых номинативных единиц, важное место в словообразовательном синтезе занимают также конструктивная функция (сжатие словосочетания, пропозициональной структуры до одного слова) и компрессивная (образование лексико-деривационных единиц, более экономных по сравнению с исходным однословным или описательным, многословным прототипом). Аббревиация, универбация и усечение являются, пожалуй, одними из самых ярких и характерных моделей словообразования, демонстрирующих действие компрессивной функции словообразования в русском языке. Аббревиатуры – это языковые элементы особой морфолого-синтаксической структуры, являющиеся продуктом вторичной номинации. Активизация усечений в русском языке XX в. и проникновение их на страницы прессы находится в прямой зависимости от аббревиатурного способа словообразования. Более экономным языковым элементом являются и универбаты (обычно к ним относят дериваты, образованные при помощи суффикса *-к*(а)); несомненно, универбаты – массовый языковой продукт XX в. Однако какие тенденции в аббревиатурных механизмах, что есть особенного в процессах универбации и усечения в эмигрантской публицистике, насколько эти словообразовательные модели были развиты в сравнении с аналогичными фактами советской прессы – эти вопросы будут центральными в настоящей статье.

АББРЕВИАЦИЯ

Появление аббревиации как нового способа словообразования в русском языке обычно связывают со становлением советской политической системы[4]. Если исходить

---

[3] С.И. Карцевский составляет известное исключение, так как появление новых дериватов по уже существующим моделям (то есть количественный рост) он не считал принципиальным моментом для признания «качественного скачка» в русском языке.

[4] «Невозможно отрицать качественный скачок в развитии аббревиации, происшедший после 1917 г., не подлежит сомнению связь этого скачка с революцией» [РЯСОС 1968: 74].

из теории языковых антиномий, схематично намеченных в середине – конце 1920-х годов Е.Д. Поливановым и развитых в 1960-е годы М.В. Пановым [РЯСОЛ 1968: 24–28] (1. Антиномия говорящего и слушающего; 2. Антиномия узуса и возможностей языковой системы; 3. Антиномия кода и текста; 4. Антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; 5. Антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной), то аббревиация ближайшим образом связана с первым и третьим типами антиномий. Аббревиация как новый тип передачи информации основана на изменении привычных кодов коммуникации между говорящим и слушающим; аббревиация также связана с функциональным перераспределением между кодом и текстом (аббревиатура «сжимает» пропозициональное выражение) [Ярмашевич 1990; 1993; 2002].

Если до революции 1917 г. способы сокращения слов находились на языковой периферии, то после социальных потрясений и массовых аббревиатурных процессов этот новый способ деривации явился в каком-то смысле когнитивным «вызовом» как языковой личности, так и всему социуму в целом. В этой связи уместно привести высказывание К. Чуковского, показывающего импульсный, массированный характер появления аббревиатур после революции 1917 г.: «Вот несколько разительных примеров. В России *сберегательные кассы* были учреждены в 1841 году, но лишь после 1917 года, то есть после того, как они просуществовали лет восемьдесят, они, подчиняясь новым темпам общественной жизни, стали именоваться в народе *сберкассами*. Такова же участь *Литературного фонда*, который превратился в *Литфонд*. Литературный фонд был основан А.В. Дружининым в 1859 году, и в дореволюционное время ни у кого не было ни желания, ни надобности называть его сокращенно *Литфонд*. И еще пример такого же запоздалого словесного сплава. Московский Художественный театр лет двадцать был Московским Художественным театром и только в советскую пору сделался для каждого МХАТом. Прежде в домашнем кругу мы для скорости говорили: «Художественный», отбрасывая первое и последнее слово: – Достали билет в Художественный? – В Художественном нынче «Дядя Ваня». Но до МХАТа никто не додумывался. А если бы и додумался, слово это повисло бы в воздухе и не вошло в широкий речевой обиход, так как такое сцепление звуков еще не стало массовой привычкой» [Чуковский 1962: 79]. Распространение и укоренение аббревиации в русском языке, по мнению исследователей, «за короткий срок было бы немыслимо без принятия ее большинством населения» [РЯСОС 1968: 74]. Ср. также суждение очевидца бурных языковых изменений: «Разница между образованиями дореволюционными и современными в широте распространения. В то время как до войны подобные термины были доступны только немногим лицам, после революции они стали всеобщим достоянием» [Баранников 1919: 68]. Целый «веер» оценочных суждений об аббревиации (от ее восторженного восхваления до полного отрицания[5]) содержится в текстах той эпохи[6].

Типология сложносокращенных слов стала предметом внимания лингвистов сразу же в первые послереволюционные годы, что было обусловлено массовым возникновением таких дериватов в языке. Основная оппозиция в сложносокращенных словах установилась между инициальными и слоговыми аббревиатурами: инициальные сокращения были слишком непривычны структуре русского языка (»без заметных словообразовательных прецедентов, без опоры на какие-либо словообразовательные типы»[7]), напротив – слоговая аббревиация «в какой-то мере была приемлема в качестве своеобразного про-

---

[5] Как полагали некоторые исследователи, критики аббревиации выдвигали в основном «эстетические» критерии неприемлемости таких новых языковых образований, однако «"эстетическая функция" в суровое революционное время не могла быть определяющей в развитии языка» [РЯСОС 1968: 74].

[6] Подборка таких высказываний приведена, например, в [РЯСОС 1968: 70–75; Виноградов 1977: 37–45; Lehikoinen 1990: 102–104].

[7] [РЯСОС 1968: 75]. Ср. высказывание Д.И. Алексеева, данное им в другой работе: «Инициальные аббревиатуры... воспринимались на первых порах как нечто совершенно необычное в русском языке, новое и странное» [Алексеев 1979: 244–245].

должения русского словосложения» (типа *Святополк, Златоуст, Новгород, пустослов*) [Алексеев 1979: 75]. Кратко представим некоторые классификации сложносокращенных слов лингвистами той поры.

Таблица 1

Мазон	Карцевский	Селищев
1. Буквенные (abréviation littérale), напр.: *эс-эр* (*с.-р.*), *ка-дэ* (*к.-д.*), *Буп* (Бюро украинской печати)	1. Буквенные, напр.: *с.р.* (социалист-революционер), *н.с.* (народный социалист), *к.р.* (контрреволюционер)	1. Названия по начальным буквам или звукам слов: а) буквенные: *МЧК* (Московская чрезвычайная комиссия) б) по начальным звукам: *ВАПП* (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей)
2. Слоговые (abréviation syllabique), напр.: *Продамет*, *Продуголь*, *комарм* (командующий армией), *Военмин* (военное министерство)	2. Звуковые, напр.: *МОНО* (Московский отдел народного образования), *ГВИУ* (Главное военно-инженерное управление), *нэп* (новая экономическая политика), *юк* (юный коммунист)	2. Произношение по начальным слогам, напр.: *агитпроп* (агитационная пропаганда)
3. Смешанные (abréviations mixtes), напр.: *Викжедор* (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог), *Цеквод* (Центральный комитет союза работников водного хозяйства), *Всепрофжель* (Всероссийский железнодорожный профессиональный союз агентов технического-распорядительного комитета)	3. Слоговые, напр.: *совдеп*, *совнархоз*, *внешторг*, *генштаб*, *политком* (политический комиссар). Сюда же: *спец* (специалист), *экс* (экспроприация), *зам* (заместитель)	3. Слого-словные, напр.: *совпредставитель*, *парторганизация*
	4. Смешанные, напр.: *Роста* (Российское телеграфное агентство), *Викжедор* = *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), *Диск* (дом искусств), *шкраб* (школьный работник)	
	5. Сложные[8], напр.: *Главнефть*, *Центрокнига*, *Центробалт* (центральная политическая организация Балтийского флота), *политбюро*, *ревтрибунал*, *Добрармия*	

Источники: [Mazon 1920: 2–12; Карцевский 2000: 247–249; Селищев 1928: 158–164][9].

[8] По мнению Карцевского, этот тип аббревиатур имеет больше всего шансов на распространение, поскольку «мотивированность подобных образований доступна пониманию широких кругов» [Карцевский 2000: 251].

[9] Обзор работ лингвистов в послереволюционную эпоху дан также в [Lehikoinen 1990: 35–36].

Один из блестящих эмигрантских журналистов и публицистов Н.И. Федоров, эмигрировавший из Советской России в начале 1920-х годов и под конец жизни осевший в Аргентине, в 1952 г. выпустил острую публицистическую книгу «Советизация эмигрантского языка», в которой, среди прочих «уродств» русского языка советского времени, называет и аббревиацию (в его терминологии, сокращения: «*совдеп, комсомол, совхоз, компартия, киноактер*»), которую большевики довели «до крайности» [Федоров 1952: 7–8]. Насколько обоснованы упреки Федорова «советскому (большевистскому) языку» и как обстояло дело с процессами аббревиации в русском языке зарубежья? Использовали ли эмигранты аббревиатуры и если да, то насколько широко, в каких сферах? Материал для последующих примеров извлечен из эмигрантских газет первой волны (1919–1939 гг.); газеты публиковались в разных странах, придерживались разных (зачастую резко полярных) политических программ. В нашем корпусе аббревиатур, выбранных нами из эмигрантских изданий, мы зафиксировали следующие типы сложносокращенных слов.

I. ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

1. С точечным написанием: *В.Ф.П.* (Всероссийская фашистская партия), *Ч.С.Р.* (Чехословацкая республика), *Р.С.Ф.С.Р.* (Российская Советская Федеративная Социалистическая республика), *Р.Ф.О.* (Русская фашистская организация), *С.М.* (Союз младороссов), *О.Г.П.У* (Объединенное Государственное Политическое Управление), *Г.К.Т.* (Генеральная конфедерация труда (Мексики)), *М.-Б. ж.д.* (Минско-Белорусская железная дорога), *М.И.Д.* (Министерство иностранных дел), *У.Н.К.* (Союз французских комбатантов[10]), *Р.с.-д.р.-п.* (Российская социал-демократическая рабочая партия). Ср. также вариативность, обусловленную включением в аббревиатуру сочинительного союза в исходном термине: *К.И.А.и Ф.* = *К.И.А.Ф.* (Корпус императорских армии и флота), которая может встречаться в одном издании или даже на одной странице. Включение/невключение союза *и* в структуру аббревиатуры – обычно явление фонетического порядка: для устранения скопления консонантов (ср., например, раннее сокращение *РОПиТ*, а также послереволюционные типа *СРиСД* «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов»). Скопление же гласных звуков препятствует участию гласного *и* в структуре аббревиатуры, отчего и происходит его элиминация и приспособление сложносокращенного слова к более удобному произношению. Интересно отметить, что в данную группу входят как аббревиатурные образования, возникшие на почве эмигрантского языка, так и советские аббревиатуры.

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С. Нового поколения*, Общеказачьим Объединением и местной организацией *В.Ф.П.* (Родзаевского) (Сигнал. 1938 г. 1 окт. № 40);
Председателем Совнаркома *Р.С.Ф.С.Р.* и *С.С.Р.* избран Рыков (Огни. 1924 г. 11 февр. № 6);
После молебна все собрались за городом, у начальника вуковарского отдела *К.И.А.Ф.* кап. Воронова на обед (Младоросская искра. 1933 г., 15 авг. № 32) – Ср.: С приветствиями Союзу Младороссов выступали от *К.И.А.и Ф.* полк. Ерофеев (Младоросская искра. 1933 г. 15 авг. № 32).

2. Лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) буквенного типа: *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *НСРЖ* (Национальный союз русских женщин), *РООВА* (Русское объединенное Общество взаимопомощи в Америке), *РДО* (Республиканско-демократическое объединение), *РОНД* (Российское освободительное народное движение), *ГССМ* (Главный совет Союза Младороссов), *ОПКСМ* (Отдел подготовки кадров Союза Младороссов), *РКИ* (Рабоче-крестьянская инспекция), *Окдва* (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия), *СРД* (Совет рабочих депутатов), *ВЦСПС* (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов), *РСХД* (Русское студенческое христианское движение). В этой группе находятся как советские аббреви-

[10] Транслитерация франц. аббревиатуры *UNK* – Union Nationale des Combatants.

атуры, так и неизвестные советскому языку, появившиеся в эмигрантском обиходе. Сюда же относятся и транслитерированные акронимы типа *НБС* (англ. *NBC*[11]), *ПТТ*[12], *СЖТ*[13], ср. примеры:

...с сообщением о своей поездке на Балканы выступил председатель Казачьего Центра *СМ* член *ГССМ* Г.И. Чапчиков (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34);

Краснота Частей *Окдва* (название раздела в статье. – *А.З.*) (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1);

На днях этот павильон посетил французский министр *ПТТ*, в последнее время особенно интересующийся телевизией (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

Почему *СЖТ* ведет именно теперь такую усиленную агитацию? (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

Концерт будет передаваться по всей стране «красной» сетью *НБС* с 10 часов вечера по Восточному времени (в Чикаго с 9 часов) (Рассвет. 1937 г. 11 февр. № 35).

Очень редко используется такой прием ввода аббревиатуры, как сосуществование аналитической номинации с последующей аббревиатурой. Предполагается, что читатель данной газеты уже знаком с неким репертуаром аббревиатур, функционирующих на страницах издания или в пределах данной группы (политической, военной):

В июне 1932 года был образован в нашем Союзе (Младороссов. – *А.З.*) Отдел Подготовки Кадров (*ОПКСМ*) (Младоросская искра. 1934 г. 1 дек. № 42).

Приведенный список явственно показывает практически равноправное сосуществование в языке эмигрантов инициальных как точечных, так и бесточечных написаний. Подтверждением этого может служить также двоякое (вариативное) написание одних и тех же сложносокращенных слов: *Р.Н.С.У.В.* = *РНСУВ* (Русский Национальный Союз участников войны), *С.С.С.Р.* = *СССР* = *С.С.Р.* (Союз Советских Социалистических республик), *Р.К.П.* = *ВКП* (Российская коммунистическая партия, Всесоюзная коммунистическая партия), *Н.Т.С.* (Национально-трудовой союз) = *НТСНП* (Национально-трудовой союз нового поколения), *Ц.К.* = *ЦК* = *цк* (Центральный комитет), *Р.Ц.С.М.* = *РЦСМ* (Руководящий центр Союза Младороссов), *Г.П.У.* = *ГПУ* (Главное политическое управление), *Р.О.В.С.* = *РОВС* (Русский общевоинский союз), *к.д.* = *кадет* = *ка-дет, ка-дэ* (конституционный демократ), *с.-р., эсер* = *эс-эр, эс-ер* (социалист-революционер), *ч.к.* = *Чека* = *чека* = *че-ка* (Чрезвычайная комиссия), *Д.В.* = *ДВ*[14] (Дальний Восток), ср. примеры:

(1) На собрании председательствовал Председатель Главного Правления *Р.Н.С.У.В.* подполковник А.В. Чернощеков (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52);

(2) Императорский Штандарт как символ монархической сущности *РНСУВ*... (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52).

(1) Не прекращаются стачки рабочих и судебные процессы против «контр-революционной» интеллигенции, обычно обвиняемой чаще всего в «шпионаже» против *С.С.С.Р.* (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405));

---

[11] Транслитерация английской (американской) аббревиатуры *NBC* (National Broadcasting Company), крупнейшей радиовещательной радиокомпании Америки.

[12] Транслитерация франц. аббревиатуры *PTT* для обозначения Министерства связи Франции (по первым буквам: Poste. Téléphone. Télégraphe).

[13] Транслитерация аббревиатуры *CGT* – Confédération Générale du Travail «Всеобщая конфедерация труда».

[14] В советском обиходе чаще пользовались аббревиатурой *ДВР* (< Дальневосточная республика), причем в очень ограниченный промежуток времени (6 апреля 1920 – 15 ноября 1922). Аббревиатуру *ДВ* следует, видимо, признать эмигрантским изобретением, поскольку в советских газетах нам не удалось ее зафиксировать.

(2) Тиккар совершенно легально с заграничным паспортом уехал из Эстонии в *СССР* (Сегодня. 1930 г. 10 янв. № 10);
(3) Наркомвнутдел заявляет, что прием просьб от живущих в России о разрешении въехать в *С.С.Р.* их родственникам – прекращается (Огни. 1924 г. 21 янв. № 3).

(1) Председатель *РЦСМ* на Чехословакию... (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34);
(2) Лиц, интересующихся младоросским движением, ...просят обращаться письменно к генеральному секретарю представительства *Р.Ц.С.М.* на Францию (Младоросская искра. *1933 г. 10 июля. № 31).*

(1) Казаки знали давно и были готовы к тому, что за ударами по *Р.О.В.С.* последуют удары по казачеству (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417);
(2) ...вольно или невольно играет в руку тех же большевиков, старающихся разрушить так ненавидимый ими *РОВС*... (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417).

(1) Дело как будто сводится к тому, что от партии *к.-д.* требуется некое исповедание революционного символа веры... (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);
(2) ...*кадеты*, вплотную переплетшиеся с монархистами и погромщиками (Воля России. 17 сент. 1920 г. № 5);
(3) В этом отношении *ка-деты* все-таки оказались рассудительнее: по крайней мере, мы в печати не встретили никаких соответственных «требований», предъявляемых ими другой стороне (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);
(4) Это восстание (во Владивостоке. – *А.З.*) объединило все партии от левых *ка-дэ* до большевиков. (Воля России. 1920 г. 14 сент. № 2);
(5) В состав дальневосточного правительства входят в настоящее время с.-р. А. Круглов, *кадет* Виноградов... беспартийный Болдырев, *кадэ* Исакович и др. (Воля России. 1920 г. 19 сент. № 7).

Даже в одном предложении в контактной позиции могут встречаться аббревиатуры точечного и бесточечного типа; очевидно, это связано с разной степенью фонетической адаптации аббревиатур:

Советская каторга под наименованием «Лагерей Особого Назначения *О.Г.П.У.*» или «УЛОНОВ» представляет поистине жуткую картину... (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1).

Так, первая аббревиатура предполагает буквенное прочтение, вторая – фонемное: в языковом сознании *О.Г.П.У.* выбивается из числа обычных слов (между звуками есть минипаузы, что и маркируют точки между буквами), вторая аббревиатура (*УЛОН*) фонетически больше удовлетворяет критериям обычного слова, что и маркирует отсутствие точек внутри сложносокращенной формы.

Проблематичной для эмигрантов оставалась родовая принадлежность аббревиатуры *СССР* – была ли она мужского, женского или среднего рода; зачастую решение было *связано с эмоциональными факторами – в случае неприятия как большевистского* режима, так и – вследствие сего – данной аббревиатуры: «в самой *С.С.С.Р.*»[15] (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405)) – «безличное *СССР*»[16] (Дни. 1925 г. 27 янв. № 675).

Очевидно, для эмигрантов не существовало явного предпочтения ни того, ни другого типа инициального сокращения слов, однако первая группа (точечные написания), ориентированная на аббревиатурную номинацию эмигрантских референтов, все-таки склоняет «чашу аббревиатурных весов» в сторону признания точечных написаний преимущественным типом. Если в русском языке «устранение точечных написаний [...] началось в 1918–1919 гг., а закончилось к началу 30-х годов» [РЯСОС 1968: 77], то для языка

---

[15] Возможно, отождествление по референту: *Россия → СССР*.

[16] Средний род призван подчеркнуть временный, преходящий характер как самого денотата, так и его словесного обозначения; таким образом, категория среднего рода в данном случае становилась прагматическим маркером фиктивности и негации референта.

эмигрантов это утверждение неприемлемо. Зияющая пропасть между слоговыми и буквенными аббревиатурами в первые послереволюционные годы стала быстро преодолеваться уже в 20-е годы XX века вместе с утратой точечных написаний, и (под влиянием слоговых и инициально-слоговых сложносокращенных слов) «начинает все более и более активно использоваться как средство собственно словообразовательное» [РЯСОС 1968: 77]. Тем самым происходило приспособление инициальных аббревиатур к системе языка в ее живом функционировании. Действительно, устранение точек внутри сложносокращенного слова – это скорейший путь к превращению данного деривата в лексикализованную форму, лишению ее формальных характеристик неизменяемого слова и проникновению в узуальное употребление. Эмигрантская публицистика не дает такого поступательного развития сложносокращенных слов (от инициального точечного написания → к последующему инициальному бесточечному лексикализованному), свойственного русскому языку этого времени. Напротив, точечные написания аббревиатур поддерживали в языковом сознании эмигрантов условный, искусственный характер номинаций, образованных путем стяжения частей нескольких слов в одно. Лексикализация аббревиатур в эмигрантском узусе происходила гораздо более замедленными темпами, чем в русском языке СССР/России.

С одной стороны, можно говорить о сложении некоторого фонда аббревиатур в эмигрантской прессе, даваемых без пояснения, с другой – встречаются случаи комбинации в структуре лексемы как аббревиатурного, так и лексического (автономного) компонентов:

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С.* Нового поколения... (Сигнал. 1938 г. 1 окт. № 40);

Трудовым отделом *О.-К. С.-Х.* (общеказачьего сельскохозяйственного) Союза получено от Министерства Путей Сообщения право на 50% скидки при проезде членов союза на сельско-хозяйственные работы (Огни. 1924 г. 18 февр. № 7).

Ср. также синонимическое сосуществование в одном ряду языковых феноменов разной степени аббревиации: *С.А.С.Ш.* (Северо-Американские соединенные штаты) = *САШ* (Северо-Американские штаты) = С.А.С. *Штаты* = С. *Штаты* (Соединенные штаты) = *Соед. Штаты*:

(1) ...Соед.[иненные] Штаты... (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406));
(2) ...президент С.А.С.Ш. Рузвельт сделал на тайном заседании сенатской комиссии по обороне заявление, что С.А.С.Ш. должны сотрудничать с Англией и Францией... (Рус. голос. 1939 г. 5 февр. № 409);
(3) С.[оединенные] Штаты предпочитают выждать дополнительных сведений о характере советско-японского сближения (Последн. новости. 1940 г. 1 янв. № 6853).

Последняя аббревиатура примечательна также тем, что ее аббревиатурные варианты могут соседствовать с графическими усечениями (особенно это касается частотных, употребительных номинаций); таким образом, графические сокращения постоянно «подтачивают» процесс складывания аббревиатур в эмигрантском языке, «отбрасывая» аббревиацию на уровень графики текста и затрудняя оформление ее на словообразовательном уровне.

3. Лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) звукового типа: *нэп* (новая экономическая политика), *ЦИК* = *цик* (Центральный исполнительный комитет), вуз (высшее учебное заведение), *УЛОН* = *улон* (Управление лагерей особого назначения), *ЗАГС* (запись актов гражданского состояния), *АРОСК* (Англо-русский объединенный совещательный комитет), *Допр* (Дом предварительного заключения), *ИМКА* (русское прочтение транскрипции английской аббревиатуры *YMCA* – Young Men's Christian Association), *МОПР* (Международное общество помощи революционерам), *НОВ* (Национальная организация витязей), *ТАСС* (Телеграфное агентство Совет-

ского Союза), *ОРЭСО* (Общество русских эмигрантских студенческих организаций). Такого типа аббревиатуры редко встречаются в эмигрантских газетах, представляя в подавляющем большинстве случаев советские номинации. Ср. немногочисленные собственно эмигрантские аббревиатуры:

Зато всевозможные воспитательные организации: соколы, скауты несколько организаций, разведчики, витязи *НОВ*, витязи *РСХД*, *ИМКА*, добровольцы, мушкетеры и т.д. – все они играют большую роль в «русификации» нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально (Возрождение. 1939 г. 14 июля. № 4192);

Прекращение деятельности *АРОСК* знаменует собой отход английских рабочих от советской власти как насадительницы классовой войны, и отход глубокий и безвозвратный (Возрождение. 1927 г. 4 окт. № 854);

Правлением *ОРЭСО*... постановлен срок намечаемой уже давно конференции (Огни. 1924 г. 25 февр. № 8).

Как видно из приведенного списка, звуковой тип аббревиатур мало распространен в эмигрантской прессе.

Показателем приспособления сложносокращенных слов инициального типа является также парадигматическое изменение их по законам русской морфологической системы (т.е. включение в категории рода, числа, падежа). Морфологические процессы обнаружились в них практически сразу с появлением этого класса слов; многочисленные примеры приведены в [Mazon 1920; Селищев 1928; РЯСОС 1968; Lehikoinen 1990; Comrie et al. 1996]. Как же происходила адаптация сложносокращенных слов инициального типа в эмигрантских изданиях? Вхождение аббревиатур в систему склоняемых имен существительных в эмигрантской публицистике происходило с большим языковым сопротивлением. С одной стороны, мы видим случаи склонения аббревиатур, например, *Чека, нэп, вуз, цик* по падежам, что есть признание их статуса как обычных слов языка, подчиняющихся морфолого-синтаксическим законам:

ЦК [германской компартии. – *А.З.*] заявляет, что в Германии вообще не может быть «*чеки*», так как здесь нет советской власти... (Дни. 1925 г. 31 янв. № 679);

Жданов... руководил на Урале расстрелами спецов, а в Нижнем Новгороде стоял во главе *Чеки*, причем заслужил там репутацию изувера (Возрождение. 1939 г. 7 июля. № 4191);

Ну, и придумали: придумали образовать при *Цике* совещание, в состав которого вошли «герои» Екатеринбургского злодейства Белобородов, Зиновьев, Енукидзе, Коганович, Наумчик, Семашко, Милютин, Полуян и еще полсотни членов *Цика*, – с Калининым во главе (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406)).

С другой стороны, есть примеры и другого рода – неизменяемости звуковой аббревиатуры, что может свидетельствовать о стремлении включить их в разряд неизменяемых существительных (очевидно, ввиду необычности семантики и структуры):

Меккель остается сидеть, а Лиза, незадолго до того освобожденная из «*чека*», снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения (Анархич. вестник. 1923 г. № 1);

Самое состояние ГПУ, переделанного из *Чека*, вполне иллюстрирует назначение и роль этих войск. Это янычары диктатуры Коммунистической партии (Голос России. 1931 г. 1 сент. № 2);

Осадить чересчур ретивых агентов *Чека* (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13).

Влиянием вышеприведенных звуковых аббревиатур с финальным консонантом можно объяснить и редкие случаи склонения созданных эмигрантами аббревиатур, ср.:

...сольются воедино ручейки дальневосточного Русского фашизма, фашизма подъяремного, Союза младороссов и *РОНД-а*... (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34).

Попытка морфологической адаптации аббревиатуры *СССР* по модели имен собственных, обозначающих названия государств на *-ия*, имела словообразовательные прототипы в первые послереволюционные годы, когда возникли такие дериваты, как *Совдепия* [Павловская 1967: 16], *Скоропадия, Красновия* [Селищев 1928: 194]. Тем не менее, названия *СССР-ия, Триэсерия* (игровое прочтение аббревиатуры *СССР* как слова, состоящего количественно из трех звуков-букв «с» и одного звука (одной буквы) «р») следует, видимо, признать «изобретением» эмигрантов, которое долго служило в эмигрантской прессе средством экспрессивно-денотативной (игровой, травестийной) референции.

Игровое прочтение аббревиатуры проявляется и в прочтении *РКП* по законам «народной фонетики» – *Рыкапы* (вместо нормативного [эркапэ[17]]):

Минувший год начался почти сразу драматическим моментом для *Р.К.П.*: в конце января от нее отпала, наконец, совершенно отгнившая голова ее: умер Ленин, «мозг *Рыкапы*», ее вдохновитель, ее творец и ее бессменный лекарь (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405)).

Одним из свидетельств адаптации аббревиатур в узусе является также возможность выступать в качестве производящих слов, то есть служить базой для создания словообразовательных гнезд. Эмигрантская публицистика в этом отношении дает намного более скромные деривативные результаты, чем это было в русском языке этого периода. Ср., в частности, трансплантированные из русского в эмигрантский узус словообразовательные ряды, возникшие в первые послереволюционные годы:

Чека – чекист – чекистка – чекистский:

(1) Двадцать лет коммунистические пионеры доносят *чекистам* на своих родителей, и тем не менее половина жителей СССР не побоялась заявить на переписи свою верность религии отцов (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

(2) В пределах Советской России *чекистским* ищейкам удалось пронюхать некоторые линии нашего распространения (Рус. правда. 1925 г. июль-авг.);

(3) ...подчиненный надзору *чекистов* (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

(4) *Чекисты* заливают Россию человеческой кровью... (Возрождение. 1939 г. 14 июля. № 4192);

эсер – эсеровский – эсеровско-большевицкий [sic]:

(1) Часто от комсомольцев приходилось слышать, что если придется сдавать позиции, то лучше их сдать монархистам или кадетам, чем меньшевикам и *эсерам* (Голос России. 1932 г. сент.-окт. № 13–14);

(2) Никакой «традиции» ленинской ведь и нет: была демагогия – сначала противопомещичья, купно *эсеровско-большевицкая*... (За свободу. 1925 г. 4 янв. № 3 (1407));

(3) ...*левоэсеровские* течения и организации (Анархич. вестник. 1923 г. №1);

нэп – нэпман – нэпмановский:

(1) ...*нэпмановский* «коммунизм» (Анархич. вестник. 1923 г. № 2);

(2) Против этой открытой буржуазной хозяйственной идеологии *нэпманов* и трестов восстают коммунистические литераторы, а также комиссарская знать, стоящая за ограничение нэпа или даже за его ликвидацию (Анархич. вестник. 1924 г. № 7);

совдеп – совдепы – Совдепия – совдеповский:

(1) ...с нелегкой руки вчерашних слуг *«совдепов»* и новоявленных «спасителей отечества» и «вождей» теперь уже и улица выносит свое мнение и свои суждения. (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417);

(2) ...паек [улучшенного питания. – *А.З.*] можно получить по свидетельству врача, главным образом после тифа. Но получить его крайне трудно, надо ловить момент, когда в какой лавке есть соответствующий продукт и иметь знакомство или в *совдепе* или в лавке (Воля России. 1920 г. 17 сент. № 5);

---

[17] Очевидно стремление сблизить звучание (и значение) аббревиатуры с глаголом *рыкать*, существительным *рычание*, обладающими негативной ассоциативно-звуковой фоникой.

(3) ...в *Совдепии* процветает небывалое в истории России взяточничество... (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);

(4) В этом галдеже одни по недомыслию, по общей распущенности, другие сознательно, творя волю купивших их, кричат о том, что подсказывается *«совдеповскими»* агентами, о том, что составляет одно из очередных заданий по разложению эмиграции, по ослаблению наших сил (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417).

II. СМЕШАННЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

Смешанные аббревиатуры – это такие сложносокращенные слова, которые сочетают в своей структуре «как инициальные, так и слоговые звенья» [Алексеев 1979: 203]. В нашем корпусе встретился только один пример такого рода: аббревиатура *ИНОГПУ* (Иностранный отдел Главного политического управления); референт был особенно актуален для жизни многих эмигрантов:

Красное «недремлющее око» *ИНОГПУ* тотчас же замечает вновь возникший наш «внутренний фронт», а Коминтерн начинает старательно разжигать наши страсти нашептыванием сплетен, инсинуаций и «легенд» (Сигнал. 1938 г. 1 сент. № 38).

Итак, смешанный тип аббревиатур неактивен в эмигрантской публицистике; единственный пример представляет собой заимствование из русского языка.

III. СЛОГОВЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

Этот тип сложносокращенных слов в нашем корпусе многократно превосходит количество инициальных аббревиатур, что может объясняться двумя причинами: 1) структурным составом таких номинаций, более соответствующих русскому языку, чем инициальные аббревиатуры; 2) стилистической функцией – инициальные аббревиатуры более книжные по стилистической окраске, слоговые же аббревиатуры чаще всего располагаются в нейтральном или разговорном регистрах [РЯСОС 1968: 79; СРЯ 1981; Виноградова 1984: 28–29]. Типология слоговых аббревиатур в эмигрантской прессе такова:

• Аббревиатуры из начальных частей слов: *политком* (политический комиссар), *совдеп* (совет депутатов), *рабкор* (рабочий корреспондент), *колхоз* (коллективное хозяйство), *сексот* (секретный сотрудник[18]), *фининтерн* (финансовый интернационал), *краском* (красный командир), *военспец* (военный специалист), *селькор* (сельский корреспондент), *губздрав* (губернское здравоохранение), *наркомвнутдел* (народный комиссар внутренних дел), *рабфак* (рабочий факультет), *партком* (партийный комитет), *полпред* (полномочный представитель), *комсомол* (коммунистический союз молодежи), *главк* (главный комитет), *совнарком* (совет народных комиссаров), *Коминтерн* (коммунистический интернационал), *нарком* (народный комиссар), *ревтриб* (революционный трибунал), *завком* (заводской комитет), *исполком* (исполнительный комитет), *комнезам* (укр.: комитет незаможных селян; ср. русский эквивалент: комитет бедноты, или *комбед*), *крайком* (краевой комитет), *крестинтерн* (крестьянский интернационал), *наркомпрос* (народный комиссар просвещения), *наркомфин* (народный комиссар финансов), *профинтерн* (Красный Интернационал профсоюзов), *совнархоз* (совет народного хозяйства), *упродком* (уездный продовольственный комитет). Приведем несколько примеров:

---

[18] Эта номинация не попала в СУ. Она фиксируется только в позднейших иностранных специальных работах [Росси 1987: 354] с указанием, что это слово используется уже с 1917 г.; ср. также иные словесные аналоги, зафиксированные преимущественно в языке маргинальных групп по крайней мере уже в начале XX в.: *«кукушка», стукач, чакма, чакар, утка, крякушник, лярва* «доносчик». Впервые обозначение *сексот* появилось в отечественных словарях, изданных в постсоветское время (1990-е годы).

Терроризированный командный состав, боясь ответственности, подчиняется требованиям, военным комиссарам и *политкомам*... (Рус. голос. 1939 г. 12 марта. № 414);

Но связь с деревней ярче всего иллюстрируется на массовом истреблении так наз. «*селькоров*» – корреспондентов сов. газет с мест (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405));

Бывшие городовые, жандармы, а также разные темные личности заседают в так называемых *комнезамах* (Анархич. вест. 1924 г. № 7);

В поездах КВжд столовые в руках советского агента, в Общество спальных вагонов введены чекисты и *сексоты* (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1);

Спустя два дня арестовали и также посадили «под строгую изоляцию» т. Меккеля, который имел неосторожность послать *ревтриба* к черту (Анархич. вестник. 1923 г. № 1).

Среди приведенного списка сложносокращенных слов, состоящих из частей нескольких лексем, словообразовательная деривация минимальна, что свидетельствует о преобладании чисто номинативного аспекта аббревиации (для новых денотатов); ср., впрочем:

комсомол – комсомолка – комсомольский:

(1) Отношения между *комсомольцами* и комсомолками самые близкие, и комсомолка, не отвечающая на притязания комсомольца, может навлечь на себя подозрение в буржуазном уклоне (Голос России. 1932 г. июль. № 12);

(2) *Комсомольские* закрытые школы-общежития (Голос России. 1932 г. июль. № 12);

коминтерн – коминтерновский:

Бравый *коминтерновский* тактик обсуждает такой вопрос... (Дни. 1925 г. 12 февр. № 689).

Мутационное словообразование, проявляющееся, в частности, в осложнении семантики производного слова некоторым смысловым «приращением», в эмигрантской прессе практически отсутствует, исключения редки и касаются важных для эмигрантов референтов: *полпред* > *полпредство*, *торгпред* > *торгпредство* (мутационный суффикс *-ство*). Ср.:

...есть в Финляндии и *полпредство* и *торгпредство* (Руль. 1930 г. 20 июня. № 2906).

• Аббревиатуры из начальной части слова с целым словом: *интуризм* (иностранный туризм), *интурист* (иностранный турист), *комсостав* (командный состав), *рабсила* (рабочая сила), *губсуд* (губернский суд), *губфинотдел* (губернский финансовый отдел), *политграмота* (политическая грамота), *комвласть* (коммунистическая власть), *Добрармия* (Добровольческая армия), *эвакпункт* (эвакуационный пункт), *компартия* (коммунистическая партия), *профсоюз* (профессиональный союз), *райсовет* (районный совет), *концлагерь* (концентрационный лагерь), *госпромышленность* (государственная промышленность), *госторговля* (государственная торговля), *Татреспублика* (Татарская республика), *стенгазета* (стенная газета), *комячейка* (коммунистическая ячейка), *партактив* (партийный актив), *промстроительство* (промышленное строительство), *ревтрибунал* (революционный трибунал), *госбанк* (государственный банк), *промбанк* (промышленный банк), *политсостав* (политический состав), *санинструктор* (санитарный инструктор), *сельсовет* (сельский совет), *Дальлес* (Дальневосточный лес), *совшкола* (советская школа), *соваппарат* (советский аппарат), *совконсульство* (советское консульство), *совкооперация* (советская кооперация), *совчиновник* (советский чиновник), *трудармеец* (человек, исполняющий воинскую повинность в Трудовой Армии[19]), *зарплата* (заработная плата), *жилплощадь* (жилая площадь), *совдисциплина* (советская дисциплина), *политизолятор* (политический изолятор), *политбюро* (политическое бюро), *главсахар* (Главное управление сахарной промышленности), *главтабак* (Главное управление табачной промышленности), *ак-театр* (академический театр), *Главнаука* (Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений), *госки-*

[19] [Протченко 1975: 181; Росси 1987: 412].

но (Государственная контора по производству кинофильмов), *колдоговор* (коллективный договор), *комдеспотия* (коммунистическая деспотия), *коминтеллигенция* (коммунистическая интеллигенция), *комищейка* (коммунистическая ищейка), *профчиновник* (профсоюзный чиновник). Ср. примеры:

[Француз. – *А.З.*] увидел в самых окрестностях Москвы поразительную картину бедности и дикарства, босоногую толпу, для которой и автомобиль был в диковину, пустую деревенскую лавку, а потом был окружен переводчицами, попал в условия «*интуризма*»... (Рус. голос. 1939 г. 26 февраля, № 412);

Подкупить начальника *эвакпункта* в Тамбове можно было за 100 тысяч рублей (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);

Мы имеем теперь все основания предложить им обратить, наконец, свое благосклонное внимание на количество заключенных в коммунистических тюрьмах, *концлагерях* и застенках (Младоросская искра. 1933 г. 5 янв. № 26);

...кого *комячейка* хочет почему-либо уничтожить, того уничтожает (Дни. 1925 г. 11 февр. № 688);

[Моральный разрыв между высшими штабами и войсками. – *А.З.*] несомненно был в *Добрармии*, и особенно остро мы чувствуем его теперь, в настоящее время (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52).

В первые послереволюционные годы вариативность усеченного компонента относительного прилагательного *советский* была все-таки невелика [Павловская 1967: 19; РЯСОС 1968: 75; Lehikoinen 1990: 95]; в нашем корпусе встретился один случай: *совласть* – *советвласть*. Ср:

(1) Чека была в России «политической полицией» *совласти*, предназначенной для борьбы с контрреволюцией (Дни. 1925 г. 31 янв. № 679);

(2) Товарищ И. Карташев впервые вошел в [махновское] движение в ноябре 1920 г., в дни соглашения махновцев с *советвластью*... (Анархич. вестник. 1923 г. № 2).

Как в русском языке советской России существовавшая вариативность быстро была ликвидирована за счет победы варианта *сов-*, так и в эмигрантских газетах усеченный компонент *совет-* следует рассматривать как вариант, не поддержанный эмигрантским узусом.

Образование дериватов при помощи интерфикса *-о-* в русском языке советского периода было гораздо более активным[20], чем в русском языке эмигрантов; в нашем материале встретилось два примера, заимствованных из русского языка: *центросоюз* (Центральный союз < Центральный союз потребительских обществ СССР), *центротекстиль* (Центральный текстиль < Центральный комитет профсоюза рабочих текстильной промышленности). Ср.:

Такие большие учреждения, как Центросоюз, Центротекстиль, Высший Совет Народного Хозяйства и различные главки – глав-табак, глав-сахар – получали лучше других (Воля России. 1920 г. 17 сент. № 5).

Интерес представляют окказиональные дериваты, построенные с целью языковой игры. *Можно выделить следующие механизмы:*

а) принцип антитезы: *профактив* (профессиональный актив) → *профпассив* (профессиональный пассив; правда, пример можно отнести скорее к некодифицированному русскому языку, чем к номинативному словообразованию эмигрантской публицистики).

---

[20] Интерфикс *-о-* в данных образованиях следует, конечно, рассматривать как семантически незначимый, интерфиксальный элемент. Обширный список образований приведен, например, в [Lehikoinen 1990: 95].

В Москве приспособившиеся спецы – полусерьезно, полуиронически – называют себя «*профпассивом*», т.е. людьми, как бы профессионально неспособными и неприспосабливаемыми к политическому действию (Дни. 1926 г. 19 нояб. № 1163);

б) комбинация компонентов внутри аббревиатуры, логически и семантически слабо сочетающихся друг с другом: *главмилитармысль, мыслармия*[21], *комищейка*, см. примеры:

...совет Северной коммуны принял его [проект Сашки Граммофона. – *А.З.*] без прений. Немедленно был организован «*Главмилитармысль*», и работа закипела [Н. Рахманов. Милитаризация мысли. – *А.З.*] (Воля России. 1920 г. 18 сент. № 6);

...под присмотром Вавилы Тяпки и Сашки Граммофон была милитаризована мысль. Мобилизованные ученые, художники, писатели и композиторы составили «*Мыслармию*» [Н. Рахманов. Милитаризация мысли. – *А.З.*] (Воля России. 1920 г. 18 сент. № 6);

На требовательных мастеров и техников рабочие, наиболее развращенные призраком своей якобы диктатуры, доносят в заводскую комячейку; *комищейки*[22] бегут в чеку и неизбежное совершается. Головорубка Дзержинского начинает действовать... (Дни. 1925 г. 3 февр. № 681);

в) окказиональная комбинация компонентов, мотивированных референтами текущей ситуации: *леском* (< лесной комитет; по аналогии с *партком, профком*), *нацмальчик(и)* (национальный мальчик/национальные мальчики)[23], ср.:

Мобилизация в деревнях большевикам ничего не дает. Обычно крестьяне аккуратно являются в воинское присутствие, получают оружие и сейчас же убегают и скрываются в лесах – «поступают в *лескомы*», как выражаются повстанцы (Руль. 1920 г. 2 дек. № 14);

«*Нацмальчики*» хорошо формулировали эту характерную черту будущей России: «здоровый национальный эгоизм». Надо полагать, что и в эмиграции наш старинный российский космополитизм выветрился окончательно (Сигнал. 1938 г. 1 сент. № 38).

Наиболее частотными усечениями слов в эмигрантских газетах являлись следующие (по степени убывания):

сов-, совет-: совдеп, совдепия, совдисциплина, совшкола, совнарком, совкооперация, соввласть и др.;
ком- (< коммунистический): комсомол, коминтерн, комвласть, компартия, комячейка;
раб-: рабкор, рабфак, рабсила;
глав-: главк, главсахар, главтабак, главнаука;
полит-: политграмота, политсостав, политотдел;
губ-: губздрав, губсуд, губфинотдел;
гос-: госпромышленность, госторговля, госбанк, госкино;
сель-: селькор, сельсовет;
рев-: ревтриб, ревтрибунал;
парт-: партком, партактив;
пол-: полпред, полпредство;
торг-: торгпред, торгпредство;
ком- (< командный): комсостав.

---

[21] Использование в фельетоне ментального обозначения *мысль* как объекта воздействия большевистской идеологии весьма примечательно. Это поразительно корреспондирует с одним из ведущих компонентов Словаря «В» (*правмысль* < правильно мыслить, *преступмыслие* < преступление в мыслях, *мыслеполис* < полиция мыслей, *старомысльцы* < мыслящие по-старому) в романе Дж. Оруэлла «1984».

[22] Игровой эффект рождается благодаря аллитерации: *комячейка – комищейка*.

[23] Семантическая и референциальная мотивировка данного деривата недвусмысленно указывает структуру референта: осуществление **национальной** революции **молодым** поколением (в члены организации (Национально-Трудового Союза Нового поколения – НТСНП) принимали людей, родившихся не ранее 1895 г.). Другие, нейтральные в стилистическом отношении, номинации денотата: *новопоколенцы, солидаристы*.

Если сопоставить этот репертуар препозитивных элементов с соответствующим списком в русском языке [Селищев 1928: 160–162; Алексеев 1966: 22; РЯСОС 1968: 71–88; Lehikoinen 1990: 73–104], то очевидна их и количественная, и тематическая ограниченность в структуре сложносокращенных слов в эмигрантской прессе.

• Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного. В нашем корпусе представлено только несколько случаев: *предколхоза* (председатель колхоза), *помкомвзвода* (помощник командира взвода), *райземдел* (районный отдел по земельным делам), *окрземдел* (окружной отдел по земельным делам), *Минземдел* (Министерство по земельным делам), ср.:

Первый прицел всеобщей ненависти – это **большевик** [выделено автором статьи. – *А.З.*]: чекист, раскулачиватель, активист, *предколхоза*, сексот, и пр., и пр. (Сигнал. 1938 г. 15 сент. № 39);

Но местная ячейка и сельсовет и *Райземотдел* и *Окрземотдел* усмотрели в нем кулака... (Руль. 1930 г. 2 янв. № 2767).

УСЕЧЕНИЯ

Бурное развитие аббревиатурных процессов послужило, по мнению многих исследователей, стимулом для формирования такого деривационного явления, как усечения: «возникновения новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу»[24]. В первые послереволюционные годы возникли, в частности, такие усечения: *зам* (< заместитель), *зав* (< заведующий), *пом* (< помощник), *контра* (< контрреволюция) [Селищев 1928; Шанский 1967: 6; Comrie et al. 1996: 141; Lehikoinen 1990: 28]. Заметим, что Карцевский относил данные языковые феномены к слоговым аббревиатурам [Карцевский 2000: 248], в [РГ-1980, 1: 256] усечения рассмотрены как разновидность аббревиации. Слова эти, возникнув в языке и став широко употребительными, быстро лексикализовались; ср., например, их фиксацию в СУ:

Спец, спеца и (простореч.) спеца, м. (нов. разг.). Сокращение слова специалист;
Зам, зама, м. Сокращение слова заместитель (нов. канц. и разг.);
Зав, зава, м. (нов. канц. арго). Сокращение слова заведующий;
Пом, пома, м. Сокращение слова помощник (нов.). Помощник какого-н.[ибудь] должностного лица.

В эмигрантской публицистике из приведенных выше усечений довольно часто используется только одно – *спец*:

Тяжелое положение заграничных «*спецов*» в СССР [название статьи. – *А.З.*] (Сегодня. 1930 г. 1 янв. № 1);

...в советской промышленности заняты всего около 1000 заграничных «*спецов*», из которых в одной Москве служат около 200 (Сегодня. 1930 г. 1 янв. № 1);

...те или иные *спецы* считаются ненужными, так как их заменили красные выдвиженцы... (Сегодня. 1930 г. 3 янв. № 3).

ДИСТРИБУЦИЯ АББРЕВИАТУРНЫХ ДЕРИВАТОВ

Если вычленить из списка приведенных аббревиатур только те, которые встречаются в эмигрантских газетах, то их репертуар весьма незначителен. Р. Лехикойнен [Le-

---

[24] См. [РЯСОС 1968: 273], где дано объяснение данному явлению как «не совсем новому для русского языка»; также [РЯСОС 1968: 274, 280]. Этот феномен привлек внимание лингвистов, о нем много писали и пишут как об одном из активных процессов в современном русском языке [Шанский 1968: 288; Алексеев 1979: 10; РРР 1981: 199; Литвиненко 1987, 1988; Немченко 2003]. Кроме указания самого явления, важны также попытки отграничения его от смежных процессов в языке [Брагина 1978; Алексеев 1979; РРР 1981; Сигалов 1986; Осипова 1994; Лазарева 2002].

hikoinen 1990: 27] предлагает такую идеографическую классификацию аббревиатур, возникших в первое десятилетие после революции 1917 г.; последовательность отражает, видимо, по мысли автора, количественные пропорции аббревиатур:

1) в области партийного строительства, партийной и политической жизни страны;

2) в области государственной администрации, советской промышленности, сельского хозяйства, вооруженных сил;

3) в области культурного строительства; в области юстиции; названия общественных организаций и их представителей; слова, связанные с критикой отрицательных явлений в общественно-политической жизни (типа *комчванство, профбюрократ*).

Таким образом, можно сделать вывод, что прежние аббревиатурные зоны (военная область, названия предприятий, почтовая служба) явно оказались отодвинутыми в сравнении с номинациями общественно-политической, экономической, культурной жизни. Какие же тематические зоны охватывают эмигрантские аббревиатуры? Приводим их градацию по мере убывания:

1) сфера обозначений военных и военизированных организаций: *В.Ф.П., Р.Ф.О., С.М., К.И.А.Ф. (К.И.А.и Ф.), РОНД, ГССМ, РНСУВ, ОПКСМ, НТС, НТСНП, РОВС*;

2) сфера общественных, политических организаций, движений, партий, групп: *РНОВ*[25], *НСРЖ, ОРЭСО, РООВА, АРОСК, ИМКА, НОВ, РСХД*;

3) политико-географические названия: *Ч.С.Р., Д.В., С.А.С.Ш.*;

4) разговорные номинации: *нацмальчики, комдеспотия, комищейка, главмилитармысль, мыслармия*.

Итак, эмигрантская пресса сохраняет идущую из дореволюционного языка тенденцию номинировать при помощи аббревиатур военно-профессиональные референты; кроме того, на активность военных аббревиатур мог оказать влияние и такой неязыковой, внешний по отношению к процессу аббревиации, факт, как сохранение многих военных объединений Белой армии в зарубежье. В лексиконе военных сохранялись данные аббревиатуры, и таким образом они попадали на страницы изданий, часто финансируемых той или иной политической (военно-политической) группой. Однако обращает на себя внимание также осторожное, робкое появление в эмигрантском дискурсе аббревиатур, связанных с номинациями общественно-политической сферы, а также разговорных дериватов. Любопытна попытка признать и оправдать «законный» характер аббревиации в языке, придать ей социально-языковой статус; ср. характерную цитату, в которой использование аббревиатуры, на наш взгляд, является намеренным – подчеркнуть военизированный («мужской») характер женских добровольных формирований сестер милосердия:

> Кто перевязывал ваши раны, зачастую еще под огнем противника? Кто вырывал вас из рук смерти в лазаретах?.. Русские женщины, русские девушки – члены *НРСЖ*... (Сигнал. 1939 г. 15 мая. № 55).

С тематической классификацией напрямую связан вопрос о продуктивности аббревиатурных моделей в эмигрантской публицистике. Д.И. Алексеев на большом фактическом материале советских изданий (газеты, словари, партийные, военные документы) пришел к выводу, что в советское время 20-е годы XX века в советском языке господствовала слоговая аббревиация; в 30-е годы происходит усиление инициальных аббревиатур [РЯСОС 1968: 99][26]. Покажем соотношение аббревиатурных форм, встретившихся нам в эмигрантских газетах, в количественном и процентном виде:

---

[25] Русская национальная организация витязей.

[26] См. также: «Однако несомненное ограничение в создании и использовании слоговых аббревиатур в 30-е и последующие годы наступило» [РЯСОС 1968: 92].

Таблица 2

Тип аббревиатур	Советские аббревиатуры (а также дореволюционные)	Эмигрантские аббревиатуры (а также транслитерированные иноязычные)
1. Инициальные буквенные		
а) с точечным написанием	4 (37,7%)	9 (62,3%)
б) лексикализованные (бесточечные) аббревиатуры	5 (38,4%)	8 (61,6%)
кроме того:		
вариативные формы (точечные и бесточечные) инициальных буквенных аббревиатур	4 (44,4%)	5 (55,6%)
в) инициальные лексикализованные аббревиатуры звукового типа	7 (50%)	7 (50%)
2. Смешанные аббревиатуры	1 (100%)	0
3. Слоговые аббревиатуры		
а) из начальных частей слов	32 (100%)	0
б) из начальной части с целым словом	46 (85,2%)	8 (14,8%)
в) из начальной части с формой косвенного падежа	4 (100%)	0
Усечения	1 (100%)	0
Итого:	104 (74,3%)	36 (26,7%)

Итак, в эмигрантской прессе очевидно значительное преобладание инициальных аббревиатур над слоговыми на протяжении 20–30-х годов; практически все слоговые сложносокращенные слова являются трансплантированными из языка советского времени. Слоговые аббревиатуры (почти) не приживались в языке эмигрантов; единственным исключением являются аббревиатуры, построенные на языковой игре. Аббревиатурное внимание эмигрантов сосредоточено на инициальных обозначениях, причем можно говорить об отсутствии стандартизации (кодификации) точечных и бесточечных буквенных написаний. В русском языке России массовая вариативность разных типов аббревиатур была характерна для 20-х годов, но велась борьба (как на законодательном, так и на научно-образовательном уровне) за их упорядочение, в результате чего в 30-е годы аббревиатурное словообразование стабилизировалось (очень важно на морфемном уровне!) и практически прекратилось словопроизводство индивидуальных аббревиатур (в первую очередь слоговых). В языке эмигрантов можно наблюдать отсутствие кодификационных регламентаций, поэтому вариабельность аббревиатурных форм значительно растянута во времени. Очевидно, что даже стремление к кодификации точечных и неточечных аббревиатур было невелико ввиду периферийности данной группы номинаций для языка эмигрантов в целом. Гораздо более широкое использование советских аббревиатур в эмигрантской прессе было вызвано потребностью точнее передать референт чуждой для них действительности; тем самым вместе с чисто номинативной функцией преследовалась и оценочно-модальная цель.

Показательна специфика дистрибуции разного типа аббревиатур в эмигрантских газетах в зависимости от политической позиции издания или даже издателя. Сопоставим несколько газет.

Пример 1. Газету «Голос России» (1936–1938 гг.) в Софии издавал И. Солоневич, который в 1933 г. вместе с братом Борисом и сыном Юрием попал в ГУЛаг (в Карелии), откуда все трое в 1934 г. бежали в Финляндию и затем перебрались в центральную Европу. Формирование языковой компетенции Солоневича, таким образом, происходило под значительным влиянием русского языка того времени. Можно ли видеть отражение этого в издаваемой им газете, для которой он сам писал много материалов? В материалах этой газеты мы обнаружили:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного и звукового типов: *СССР, ЦИК, НЭП, ГПУ, ВКП, Улон, ВУЗ, ДВ.*

2. Аббревиатуры слогового типа: *совнарком, сексот, компартия, коминтерн, краском, комсостав, Госбанк, комячейка, политсостав, санинструктор, сельсовет, Дальлес, комсомол, помкомзввода, совшкола, зарплата, жилплощадь, совдисциплина.*

В проанализированных нами номерах не встретилось ни одного (!) случая точечных аббревиатур. Если принять во внимание наблюдение Д.И. Алексеева, приведенное выше, то можно утверждать, что используемые в «Голосе России» аббревиатуры отражают состояние и динамику аббревиатурных процессов в русском языке этого времени. Зрительная привычка Солоневича к бесточечному написанию аббревиатур, доминирующая в советском дискурсе в 30-е годы, проявилась и в редактируемой им газете. Кроме того, обилие сложносокращенных слов слогового типа, всех без исключения советских по своему происхождению, также служит фактом укорененности данного типа слов в русском языке и свободного воспроизведения их в тексте языковой личностью (в данном случае И. Солоневичем).

Пример 2. Газета «Младоросская искра» (1931–1939 гг.)[27] издавалась эмигрантами, покинувшими страну вскоре после революции 1917 г.; следует ожидать, что в их языковом багаже (их языковой компетенции) содержатся те модели аббревиатурных слов, которые были в ходу в до- и первые послереволюционные годы. Действительно, типология аббревиатурных сокращений такова:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *Р.О.В.С., С.М., С.С.С.Р., К.И.А.и Ф., Н.С.Н.П*[28]; сюда же мы включили графические сокращения (акронимы) по аббревиатурной модели: *Е.И.В.* (< Его Императорское Величество), *и.д.* (< исполняющий должность), *ген. лейт.* = *ген.-лейт.* (< генерал-лейтенант).

2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *РДО, Цик, ГПУ, РОНД, ГССМ, ОПКСМ.*

2а. Вариативные написания: *Р.Ц.С.М.* = *РЦСМ, СМ* = *С.М.*

3. Аббревиатуры слогового типа: *райсовет, концлагерь, колхоз.*

4. Усечения: *спец.*

В отличие от рассмотренного выше Примера 1, эта эмигрантская газета проявляет намного меньшую степень унифицированности написания аббревиатур: точечные и бесточечные написания фактически равноправны; кроме того, вариативность написания также свидетельствует о колебаниях в орфографии аббревиатур (а значит, и степени их лексикализованности, освоенности массовым языком, узусом). Сложносокращенных слов слогового типа очень немного (ср. их обилие в «Голосе России» Солоневича), и все они – трансплантированные номинации из русского языка того времени; значит, этот тип словообразования не свойствен собственно эмигрантскому узусу. Языковой механизм сложения таких сокращений является, с точки зрения языковой компетенции эмигрантов, ясным и даже словообразовательно прозрачным, но сама модель все-таки непродуктивна в их языковом багаже.

---

[27] Младороссы – члены Младоросской партии, преобразованной из Союза «Молодая Россия» под председательством А.Л. Казем-Бека (учрежденного на «Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодежи» в 1923 г. в Мюнхене). Они считали необходимым восстановление в России надклассовой монархии трудящихся и возведение на престол «законного царя из дома Романовых».

[28] Национальный союз нового поколения.

Пример 3. Газета «Сигнал» (1937–1940 гг.) – издание монархического толка (с явной симпатией к фашистским идеям), ее редактором был полковник Н.В. Пятницкий; газета служила политическим рупором Русского национального союза участников войны (РУНСВ). Девиз газеты: «Наш идеал – фашистская монархия». Типология аббревиатурных форм в этом издании следующая:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *С.С.А.Ш., С.А.С. Штаты, Н.Т.С., В.Ф.П.*

2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *ИНОГПУ, НКВД, РОВС, СССР, НСРЖ, САШ, НТСНП.*

2а. Вариативные написания: *Р.Н.У.С.В. = РНУСВ.*

3. Аббревиатуры слогового типа: *комвласть, нацмальчики, колхоз, сексот, фининтерн, Добрармия.*

Итак, инициальные аббревиатуры буквенные (точечные и бесточечные) находятся в равновесии, сосуществуя друг с другом без конкуренции. Очевидно, это является следствием того, что данное издание, большинство материалов которого было посвящено обозрению военного состояния Красной (Советской) армии и подготовке военного наступления на СССР, ориентировано на военную категорию читателей, в военном же языке бесточечные сокращения более обычны и доминировали еще в предреволюционный период [Mazon 1920; Jakobson 1921; Селищев 1928]. Слоговые написания также нечастотны, представляя языковые трансплантанты из русского языка этого времени. Вместе с тем необходимо отметить и разговорную (ироническую) номинацию, созданную уже в эмигрантском узусе, – окказионализм *нацмальчики*.

Пример 4. Газета «Огни» (1923–1924 гг.), выходившая в Праге и посвященная в основном культурным вопросам (ее издавала эмигрировавшая из России интеллигенция), дает такую типологическую картину аббревиатурных форм:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные): *с.-р., С.С.С.Р., Ч.С.Р., Р.С.Ф.С.Р., С.С.Р., О.-К. С.-Х. Союз* (< Общеказачий Сельскохозяйственный).

1а. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (лексикализованные): *чека, эрдек* (*р.-д.*; революционер-демократ), *эсде* (*с.-д.*; социал-демократ).

2. Инициальные аббревиатуры звукового типа: *нэп, ОРЭСО.*

3. Аббревиатуры слогового типа: *компартия, профсоюз, наркомвнутдел, губфинотдел, совнарком.*

Очевидна зависимость аббревиатур в данной газете от языка русской прессы первых лет революции: обилие точечных написаний; использование трансплантированных слоговых аббревиатур; лексикализованные формы буквенных аббревиатур (*чека, нэп*).

Таким образом, представленный сравнительный анализ четырех эмигрантских изданий красноречиво свидетельствует:

1) перераспределение между буквенными и слоговыми аббревиатурами в русском языке в 20–30-е годы (от буквенных → к слоговым) эмигрантским изданиям было несвойственно;

2) инициальные аббревиатуры абсолютно преобладают в эмигрантской прессе, выступая более обычным номинативным средством, чем слоговые;

3) слоговые аббревиатуры представляют собой чаще всего номинативные элементы, характеризующие советскую действительность и потому несущие яркий прагматический заряд.

УНИВЕРБАЦИЯ

Универбацию (в рамках семантико-синтаксического способа словообразования), несомненно, следует отнести к новейшим продуктивным способам словообразования как разновидности компрессивной дериватологии [Лазарева 2002]. Можно, конечно, ссылаться при изучении данной проблемы на отдельные факты даже древнерусского языка

(*мастерская* < мастерская комната, *рядовой* < рядовой боец; *белка* < белая веверица[29] (по цвету шкурки осенью), *копейка* < копейная деньга, *варежки* < варяжские рукавицы, *перчатки* < перстяные (перчатые) рукавицы) [История лексики 1981: 53–54; Азарх 1984: 31, 46, 99, 107] и усматривать в них прототипические модели универбации, однако именно в XX в. сформировались те словообразовательные модели, которые пополнили русский язык сотнями и тысячами производных слов. Впервые термин «семантическая конденсация» использовал А.В. Исаченко [Исаченко 1958]; см. также [Kaliszan 1986; 1989], однако о схожих явлениях, образованных «семантическим сжатием», упоминал чуть раньше В.В. Виноградов [СРЯМ 1952: 55]; см. также [Янко-Триницкая 1964: 18]. В современной русистике используется целый ряд синонимических обозначений для данного словообразовательного феномена: «универбация», «семантическое стяжение», «семантическая конденсация», «семантическая компрессия», «свертывание именований», которые часто выступают недифференцированно как взаимозаменимые термины для описания одного и того же явления. В современной лингвистике существует две точки зрения на универбацию: широкая и узкая. Узкое понимание универбации, предложенное М. Докулилом [Dokulil 1962] и кодифицированное в работах А. Едлички, Й. Ружички, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, ограничивает использование данного понятия сферой суффиксального словообразования. Широкое понимание универбации, помимо суффиксального стяжения, включает в область рассмотрения также сложные слова (*зерносклад, автомашина, телебашня*), некоторые типы аббревиатур (*пединститут, соцстрах, вуз, дот* «долговременная огневая точка»), эллиптические субстантиваты (*сборная, позывные, выходной*), нульсуффиксальные дериваты (*демисезон, марафон, огнеупор*) [Kaliszan 1986: 17–19].

Мы используем термин «универбация» как обозначение процесса создания суффиксальных существительных, соотносительных со словосочетаниями (такое понимание принято, в частности, в исследовательской группе (под руководством Е.А. Земской) по изучению разговорной речи [РРР 1981: 199]). Универбы (универбаты) в процессе трансформации (свертывания) словосочетания оформляются чаще всего при помощи суффикса *-к(а)*.

Ведущими причинами роста универбатов в русском языке являются: а) общеязыковая тенденция языковой (речевой) экономии (термин О. Есперсена; economy of speech), б) частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [Kaliszan 1986: 86–89]. В частности, Ю.С. Сорокин, анализируя лексический состав русского языка 30–90-х годов XIX века и приводя множество примеров отглагольных существительных на *-к(а)* со значением действия, не отмечает случаев трансформации словосочетаний с прилагательным и сложения на его основе однословного деривата с *-к(а)* [Сорокин 1965: 219]. Однако уже с 90-х годов XIX в. – начала XX в. отмечено бурное развитие категории слов на *-к(а)* как «разговорных дублетов атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний» [Лексика 1981: 189–191]; см. также [Виноградов 1994: 142–144].

Непосредственные свидетели изменений как в социальной жизни, так и в языковой материи той эпохи А. Мазон, С.И. Карцевский, А.М. Селищев обратили внимание на рост дериватов на *-к(а)*, образованных от словосочетаний, однако отнесли их в класс обычных суффиксальных дериватов, не усматривая специфики их образования. В частности, А. Мазон, одним из первых начавший описание инноваций в русском языке революционной эпохи, просто указал, что «la plupart des innovations de la vie russe ont été notées au jour le jour du suffixe familier *-ка*, dont on connaît la productivité dans la langue populaire» [Mazon 1920: 30][30], т.е. посчитал образование производных на *-к(а)* только стилистическим приемом, характерным для разговорно-просторечного языка. А.М. Селищев так-

---

[29] Веверица (в современной орфографии) – общее название пушных зверьков (белка, горностай, соболь) в древнерусском языке.

[30] «Большая часть нововведений в русской жизни тут же была отмечена разговорным суффиксом *-к(а)*, продуктивность которого в просторечии известна» [Перевод наш. – *А.З.*].

же обращает внимание на рост таких (компрессивных по своей природе) образований в языке послереволюционного времени, замечая, впрочем, что модель была популярной и раньше, в частности, особенно «в студенческой и близкой к ней среде» [Селищев 1928: 175]. Однако использование универбатов на *-к(а)* было свойственно не только молодежной речи. Уже в 40-е годы XIX в. в петербургском театральном лексиконе бытовали разговорные номинации *Маринка* (Мариинский оперный театр), *Александринка* (Александринский драматический театр) [Лопатин 1973: 47]. В профессиональном просторечии имело хождение слово *кредитка* «общество взаимного кредита»[31] (у Чехова), в городском просторечии – презрительно-ироническое *кварташка* «квартальный надзиратель» (у Достоевского). В.А. Гиляровский в цикле репортажных очерков «Москва и москвичи», повествуя о Москве 80–90-х годов XIX в., приводит, в частности: *толкучка* «толкучий рынок», *обжорка* «обжорный ряд (место торговли пищевыми продуктами)», *меблирашки* «меблированные комнаты», *Хитровка* «Хитров рынок». Увеличение разговорных дериватов на *-к(а)* в речи разных социальных групп свидетельствовало об укреплении данной модели словообразования в некодифицированном языке. Сопоставим списки производных в [Mason 1920; Карцевский 2000; Селищев 1928; Лексика 1981] и эмигрантской прессе, чтобы увидеть, какие семантические типы универбатов на *-к(а)* были популярны в языке той поры и есть ли различия в использовании дериватов на *-к(а)* в эмигрантских текстах и русском послереволюционном языке.

Таблица 3

Дериваты, образованные от топонимов, микротопонимов, а также от названий заводов, учебных заведений

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
Александринка	нет	*Петровка* *Тимирязевка* *Свердловка* *Третьяковка* *Цинделевка*	*Александринка* *Воздвиженка* *Знаменка* *Ильинка* *Маринка* *Сретенка* *Петропавловка* *Покровка* *Варварка* *Владимирка*	нет

В русском языке дореволюционной поры образования на *-к(а)* от названий улиц чаще всего возникали в «московском языке», нежели в «петербургском». Ср. характерное признание А.Г. Горнфельда: «*Маринка* нас возмущает, *Александринка* коробит меньше, к *предварилке* мы привыкли, а московские улицы – *Варварка, Ильинка, Лубянка* и даже – столь неуважительно – *Покровка, Сретенка, Воздвиженка* кажутся нам просто незаменимыми. В Москве *Знаменка* и *Владимирка* естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге *Знаменскую* или *Владимирскую*...» [Горнфельд 1922] (цит. по [Лексика 1981: 190–191]). Эта цитата красноречиво показывает и психолингвистические оценки, прагматические коннотации вокруг разных типов универбатов: более приемлемыми, в частности для Горнфельда, оказываются производные от названий улиц (ввиду частотности их использования в языке), названия же теат-

[31] Впоследствии универбат приобрел новое значение «кредитный билет», оттеснившее первоначальное.

ров с трудом поддавались такому способу словопроизводства (ввиду некоторой уникальности, «неповседневности» данных денотатов). В эмигрантской прессе нам не удалось обнаружить словообразовательных инноваций на базе иноязычных названий улиц, что объясняется отсутствием мотивирующего комплекса «прилагательное (с названием улицы) + *улица*». Также нам не встретилось в эмигрантских газетах ни одного производного, образованного от собственного названия театра, учебного заведения, завода. Не отмечают таких разговорных дериватов и авторы монографий [ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001]. Можно предположить, что эта словообразовательная модель, конечно, знакомая беженцам первой волны еще по жизни в России, оказалась в иноязычных условиях невостребованной.

Таблица 4

Дериваты с обозначением помещений (отапеллативные производные)

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
теплушка	*изобразилка* *семилетка*	*дежурка* *нормалка* *универсалка* *читалка*	*централка* *одиночка* *ночлежка* *раздевалка* *теплушка*	*столовка*

Этот семантический класс универбатов на *-к(а)* впоследствии стал очень популярным и продуктивным в разговорном словообразовании. Много производных приводит В.В. Виноградов [Виноградов 1986: 120], и среди них интересный пример из романа П.Д. Боборыкина «Китай-город» (1882 г.), показывающий неузуальный, окказиональный характер таких образований, в частности, в конце XIX в.: «Вы бываете в концертах? – *В музыкалке*? – Так их зовут? Я не знала. Да, в *музыкалке*». В эмигрантской прессе мы обнаружили только один разговорный дериват:

> По проверочным данным выяснилось, что означенное в очерке «Д. Джона» лицо не состояло в числе деятелей *русской столовки*, а было только ее весьма частым посетителем (Дни. 1926 г. 20 нояб. № 1164).

Авторы монографии [ЯРЗ 2001] не фиксируют таких образований. Следовательно, как записи устной речи, так и газетные материалы позволяют высказать предположение, что модель на *-к(а)* для номинации помещений, публичных мест (школы, библиотеки) осталась, по-видимому, периферийной, лексически невостребованной в языке эмигрантов первой волны.

Таблица 5

Дериваты, обозначающие общества, организации

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
межрайонка *учредилка* *говорилка* *потребилка*	нет	*учредилка*	*интернационалка* *потребилка* *предварилка* *Путейка* *учредилка*	*учредилка* *чрезвычайка* *охранка*

Этот тип универбатов в эмигрантской прессе представлен производными, уже существовавшими в дореволюционном русском языке. В речи эмигрантов они оставались в употреблении, в то время как в советском дискурсе они перешли в разряд историзмов. Эмигранты же использовали их в номинативной функции, продолжая именовать старыми лексемами новые референты: и *НКВД*, пришедший на смену *ВЧК* (*чрезвычайка*), и новый для эмигрантов орган государственного управления в СССР – *Верховный совет* (*учредилка*; по семантической модели функционального переноса). Иными словами: при смене социальных референтов чуждой им реальности эмигранты не видели необходимости в смене языковых номинаций, на первый план выдвигая функциональный или прежде принятый, но не внешний, социально-прагматический, аспект именования. См. примеры из эмигрантской прессы:

Разогнав 20 лет тому назад учредительное собрание, он [Сталин. – *А.З.*] при помощи Ежова готовит свою *Учредилку*... (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

Вновь назначенный председатель «*Чрезвычайки*» в Петрограде издал прокламацию, в которой, обычным языком рассерженного на врача буйно помешанного, излагает, что «белогвардейцы» и иностранные агенты удваивают свою «террористическую» деятельность... (Призыв. 1919 г. 7 (23.9) окт. № 77);

[Анархисты. – *А.З.*] были так терроризированы, что избегали встретиться несколько человек в одном месте, боясь как бы Государственное Политическое Управление («коммунистическая» *охранка*) их не заподозрило в устройстве собрания... (Анархич. вестник. 1923 г. № 5–6).

Таблица 6

Дериваты, называющие документы, печатные издания, приказы, распоряжения

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
биржевка	нет	*агитка*	*зеленка* (карта)	*тиражка*
летучка (газета)		*ежедневка*	*вечерка*	*памятка*
вечерка		*зачетка*	*дисциплинарка*	
памятка		*стенновка*		
		вечерка		
		семинарка		

В эмигрантской прессе данный семантический тип не продуктивен, оба примера являются, очевидно, словами, уже существовавшими до революции.

...стоит только взять за данный день все издаваемые в СССР-ии органы периодической печати, от центрально-правительственных до последней стенгазеты или *тиражки*, и во всех вы найдете статьи не только на одну и ту же тему, но изложенные в одном и том же направлении и даже в одних и тех же выражениях (Голос России. 1933 г. янв.-февр.-март. № 17–18–19);

Большевики же упростили интернационализм до неузнаваемости и ...превратили в какую-то чудовищную смесь коммунистического манифеста с камаринским мужиком («похабный мир») и «солдатской *памяткой*» («держись, пока Либкнехт со своими ребятами не подоспеет») (Дни. 1925 г. 28 янв. № 676).

Таблица 7

Дериваты, обозначающие названия денег, ценных бумаг

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
керенки	*думки* *керенки* *двадцатки* *липовки* *сороковки* *ленинки* *жидки* *интернационалки* *вавилонки* *китайки* *крылатки* *фазанки* *галки* *врангелевки* *верхотуровки*	*керенки*	нет	*аваловки* *кредитка*

Названия денежных единиц в революционную эпоху представляли одну из самых обширных семантических групп, где осуществлялась универбация; неслучайно Карцевский приводит большой список дериватов [Карцевский 2000: 238][32]. Любопытно, что еще в самом начале XX в. таких дериватов в русском языке, очевидно, не было; следовательно, разговорные номинации денег на *-к(а)* можно считать языковым продуктом второго десятилетия XX в., появившимся накануне и во время Первой мировой войны. Однако очень часто эти производные представляли сиюминутные или кратковременные номинации, быстро сменявшие друг друга вместе с рождением новых денежных знаков. Референты могут оставаться теми же самыми, однако актуальность денотатов для повседневной жизни провоцирует бурное создание разговорных номинаций на *-к(а)*. В эмигрантской прессе этот тип не актуален, так как пребывание за рубежом в странах с денежными единицами, имеющими свои языковые обозначения, не способствовало рождению разговорных номинаций при помощи русских словообразовательных средств.

Возвращающиеся из Прибалтики войска, по-видимому, привезли с собой в большом количестве кредитные знаки, выпущенные Западно-русской армией – так называемые «*аваловки*» (Призыв. 1919 г. 4 (21.12) дек. № 135);

[32] Механизм возникновения таких номинаций задан существовавшими в узусе *екатеринками* (вариант: *катеринками*) и *керенками*. Неофициальное название *екатеринка* было дано в 1910-е годы банкнотам (достоинством в 100 рублей), на которых была изображена Екатерина II (Великая). По этой модели был создан и более поздний дериват *керенка* (1917 г.): купюра достоинством обычно в 20, 40, 250 или 1000 рублей с более детализированными номинациями: *двадцатка, сороковка*.

8 марта к гражданке Альманк на Бабьегорском рынке в Москве подошли двое неизвестных и предложили ей купить 70 долларов. Посмотрев одну из *кредиток* и убедившись в ее неподдельности, Альманк отправилась к себе домой и принесла золотые часы с браслетом и золотое кольцо (Возрождение. 1935 г. 14 марта. № 3571).

Таблица 8

Дериваты, обозначающие членов каких-либо групп, организаций

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
нет	нет	нет	*медичка* *бестужевка* *толстовка*	нет

Данные дериваты сформировались в русском языке для обозначения лиц женского пола: *медичка* < *медицинская сестра, бестужевка* < (слушательница) *бестужевских курсов*[33], *толстовка* < (последовательница) *толстовского учения*. Развитие данного типа универбатов было связано с ростом роли и участия женщин в общественной жизни российского общества. В эмигрантской прессе нам не встретилось универбатов, обозначающих лиц женского пола.

Таблица 9

Дериваты, обозначающие бытовые денотаты, болезни, артефакты и проч.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
испанка (болезнь) *сороковка* (емкость)	*моргалки*[34] *самогонка*	*буденновка*[35] *смирновка*	*нателка* *казенка* (водка) *электричка* *дешевка* *защитка* *открытка* *манлихеровка* (винтовка) *санитарка* (автомобиль)	*долларовка* *рыковка*

Языковые образования на *-к(а)* служили для номинации референтов повседневной жизни, эти дериваты быстро входили в узуальное употребление и некоторые даже утрачивали разговорный оттенок. Ср.: «Лет двадцать пять тому назад слово “открытка” ка-

[33] Официальное наименование: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.).

[34] Карцевский не дает значения приводимого слова, однако можно предположить, что он имеет в виду кукол-моргалок – так называли кукол с подвижными глазами; таким образом, словообразовательная мотивация такова: кукла с моргающими глазами > *моргалка*.

[35] В современной орфографии с одной «н».

залось мне типичным и препротивным созданием одесского наречия; теперь его употребляют все, и оно действительно потеряло былой привкус пошлой уличной бойкости» [Горнфельд 1922] (цит. по [Лексика 1981: 191]). В дальнейшем в русском языке данный тип получил значительное развитие [РЯСОС 1968; Земская 1992; Осипова 1991; 1994; 2000]. В эмигрантской прессе нам встретился один пример *долларовка* (значение его нам выяснить не удалось; судя по контексту, это связано с областью игр, лотерей), относящийся к эмигрантскому быту, и советизм *рыковка* «название водки крепостью 30 градусов»[36]:

В первоянварьском розыгрыше «*долларовки*» выигрыши пали на следующие номера... (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406));

Каменев о «*рыковке*» [название заметки. – *А.З.*] (Дни. 1925 г. 3 февр. № 681).

Авторы монографии [ЯРЗ 2001: 130] также не фиксируют «бытовых» универбатов на *-к(а)* у представителей первой волны эмиграции, приводя единственный пример *непромокашка* «непромокаемый плащ, непромокаемое пальто»: «Одела свою *непромокашку*, которая ей очень понравилась». Можно ли утверждать, что эта запись, сделанная в 90-е годы XX в., отражает инновацию (пример универбации) в языке эмиграции старшего поколения, иными словами, встает вопрос: была ли характерна эта модель для языка эмиграции в 20–30-е годы? Ср. примеры, приведенные в [Ильина 1989] и показывающие бурное развитие семантической модели наименований одежды, словообразовательно оформленных при помощи суффикса *-к(а)*, в русском языке новейшего времени. Не является ли дериват *непромокашка* в речи женщины, из уст которой было записано данное слово, заимствованием из русского языка советского времени последних десятилетий?

Материал публицистики, служащий объектом нашего изучения, разумеется, в гораздо меньшей степени, чем непринужденное речевое общение, предполагает использование универбатов на *-к(а)* (у них яркая разговорная стилистическая маркированность), однако сам факт редкого использования таких дериватов эмигрантами первой волны может свидетельствовать об очень слабой (практически нулевой) распространенности этой словообразовательной модели как в устном, так и письменном языке[37] эмиграции той поры. Выскажем предположение, что этот способ семантического сжатия словосочетаний остался в языке эмигрантов первой и второй волн периферийным в словообразовательном отношении и практически неразвитым, в отличие от послереволюционного языка. К аналогичным наблюдениям пришла и Л.М. Грановская: «показателен и процесс отчуждения ряда новообразований, например, на *-к(а)*, осознаваемых как вульгаризмы: *дежурка, читалка, раздевалка, столовка*» [Грановская 1995: 89].

Словообразование, как и лексика, довольно быстро реагирует на «социальный заказ». В советских газетах этот «социальный заказ» очевиден, но каковы особенности компрессивных моделей в эмигрантском узусе, в отрыве от русского языка СССР/России – в этом и заключалась попытка ответа на поставленную в статье проблему. Компрессивное словообразование, представленное аббревиацией и универбацией, – благодатный материал для суждения о качестве и темпах развития новых способов словообразования в русском языке XX в., напрямую мотивированных кардинальными социальными изменениями в жизни страны. Контрастивный анализ советской и эми-

---

[36] От имени А.И. Рыкова; при нем была отменена монополия и снят запрет с ранее введенного «сухого закона».

[37] Впрочем, следует сделать существенную оговорку: нами не исследовались словообразовательные механизмы и модели в художественной литературе писателей-эмигрантов; вполне возможно, что в художественных текстах обнаружится еще некоторое количество универбатов, однако, по нашему предположению, это едва ли изменит общую картину функционирования данного словообразовательного типа в эмигрантском узусе, поскольку эмигрантская публицистика быстрее, чем литература, отражала как социальные, так и языковые инновации.

грантской прессы 20–30-х годов XX в. позволил выявить тенденции в функционировании компрессивных способов словообразования, которые мы здесь обобщаем в виде выводов.

1. Среди всех типов аббревиатур – (1) инициальные; (2) смешанные; (3) слоговые – эмигранты предпочитают использование третьего типа как наименее затемняющего смысловую структуру слова. Преобладание инициальных точечных аббревиатур в эмигрантской публицистике сигнализирует об особом (нелексикализованном) статусе таких языковых феноменов и признании их условными, искусственными словами. В этом отличие от русского языка России, быстро осваивавшего и признававшего инициальные аббревиатуры элементом с л о в а р я, узуса (отсюда – стремление к бесточечным написаниям). Антиномия говорящего (продуцента) и слушающего (реципиента) в русском кодифицированном языке реализовывалась с явным доминированием п р о д у ц е н т а (партийно-государственных органов), внедрявшего в узус (языковое сознание реципиентов) «партийно-производственный воляпюк» (О.А. Лаптева), составной и непременной частью которого была аббревиация.

2. В эмигрантской прессе старые, дореволюционные, и советские аббревиатуры несколько преобладают и над собственно эмигрантскими, и над заимствованными иностранными. Достаточно большое количество советских аббревиатур ставило перед языковой компетенцией многих эмигрантов непростую задачу семантического декодирования. Антиномия кода и текста в эмигрантском кодифицированном языке разрешалась в пользу т е к с т а, а именно – стихийно-сознательного стремления индивидов к структурной «прозрачности» сложносокращенных слов.

3. Степень кодификации и унификации аббревиатур в эмигрантской прессе крайне невелика и зачастую была предоставлена в личное распоряжение пишущего, лишенного практических (кодифицирующих) руководств и испытывавшего явные затруднения в практическом (графико-орфографическом) использовании сложносокращенных слов. Партийно-политическая распыленность эмигрантов и отражавших различные доктрины изданий, зачастую конфликтовавших друг с другом, не способствовала стандартизации аббревиатур, а напротив – давала простор групповым, замкнутым сокращениям, понятным в некотором социолекте, но незнакомым или малознакомым в другом.

4. Усечения, используемые в русском официальном языке, были инкорпорированы в эмигрантский кодифицированный язык как советизмы, однако своих «слов-обрубков», судя по нашему корпусу, эмигранты первой волны не создали.

5. Универбаты, имеющие просторечно-фамильярную стилистическую окраску уже в момент своего появления (конец XIX – начало XX в.), не получили развития в эмигрантском узусе, в отличие от их бурного расцвета и роста в разговорно-профессиональной сфере русского языка России 20–30-х годов. Редкие, нечастотные однословные номинации, созданные по типу универбации, в эмигрантском кодифицированном языке скорее всего наследие дореволюционного узуса.

Компрессивное словообразование, как двуликий Янус, обращено как к предметному миру, с которым имеет дело человек, преследующий цель назвать новый референт, так и к ментально-психическому миру людей, экономящих свои речевые усилия и ищущих языковые средства для создания коротких, емких и поначалу экспрессивных номинаций. Русский язык России, быстро усвоив аббревиатурные «ноты», бодро подхватил аббревиатурную «мелодию», а вот эмигрантский «хор» никак не мог разобраться в этой нотной «грамоте», с трудом осваивая (но в процессе освоения также и частично усваивая) навыки аббревиатурного консонантного «пения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авина 2000 – *Н.Ю. Авина*. Об особенностях русской речи в Литве // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.

Авина 2003 – *Н.Ю. Авина*. К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект (на материале русских Литвы) // Русский язык в научном освещении. М., 2003. № 2 (6).

Авина 2004 – *Н.Ю. Авина.* Язык русских в Литве: словообразовательные особенности // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki, 2004.

Азарх 1984 – *Ю.С. Азарх.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Алексеев 1979 – *Д.И. Алексеев.* Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.

Баранников 1919 – *А.П. Баранников.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Уч. зап. Самарского уни-та. Вып. 2. Самара, 1919.

Брагина 1978 – *А.А. Брагина.* Русское слово в языках мира. М., 1978.

Виноградов 1977 – *С.И. Виноградов.* Дискуссия о языке первых послереволюционных лет // Рр. 1977. № 2.

Виноградов 1986 – *В.В. Виноградов.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986.

Виноградов 1994 – *В.В. Виноградов.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Н.Ю. Шведова (отв. ред.). М., 1994.

Виноградова 1984 – *В.Н. Виноградова.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

Витцлак-Макаревич 2004 – *К. Витцлак-Макаревич.* Влияние языкового контакта «немецкий–русский» на русский язык в ФРГ (на материале русскоязычных газет и журналов) // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki, 2004.

Горнфельд 1922 – *А.Г. Горнфельд.* Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Пг., 1922.

Грановская 1995 – *Л.М. Грановская.* Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Земская 1992 – *Е.А. Земская.* Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская 2000 – *Е.А. Земская.* Функции словообразования в языке русского зарубежья // Słowotwórstwo a inne sposoby nominaci / K. Kleszczova, L. Selimski (Hrsg.). Katowice, 2000.

Земская 2001 – *Е.А. Земская.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Земская 2002 – *Е.А. Земская.* Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / S. Mengel (Hrsg.). Münster, 2002.

Земская 2004 – *Е.А. Земская.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

Ильина 1989 – *И.И. Ильина.* Универбаты – названия одежды в русском языке // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики. Куйбышев, 1989.

Исаченко 1958 – *А.В. Исаченко.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // Slavia. T. XXVII. Sep. 3. 1958.

История лексики 1981 – История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX вв. М., 1981.

Карцевский 2000 – *С.И. Карцевский.* Язык, война и революция // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Фужерон. М., 2000.

Комарова 2000 – *И. Комарова.* Русскоязычная пресса за рубежами России // РЯЗР. 2006. № 2.

Лазарева 2002 – *Ю.А. Лазарева.* Усечения в языковой игре // Филологический вестник. Саранск, 2002. Вып. 3.

Лексика 1981 – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Ф.П. Филин (ред.). М., 1981.

Литвиненко 1987 – *В.И. Литвиненко.* Усечение как способ словообразования // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1987.

Литвиненко 1988 – *В.И. Литвиненко.* Структура и функционирование усеченных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. Киев, 1988.

Лопатин 1973 – *В.В. Лопатин.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.

Немченко 2003 – *В.Н. Немченко.* О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Нижний Новгород, 2003. Вып. 1.

Осипова 1991 – *Л.И. Осипова.* Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке // ФН. 1991. № 5.

Осипова 1994 – *Л.И. Осипова.* Активные процессы в современном русском словообразовании: (Суффиксальная универбация и усечение). М., 1994.

Осипова 1999 – *М.А. Осипова.* К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // Slavia. 1999. Roč. 68. Čes. 1.

Осипова 2000 – *М.А. Осипова*. Новые слова в русском языке: Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -К-А: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х годов. М., 2000.

Осипова 2002 – *М.А. Осипова*. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая система в контакте с неславянским окружением / Т.М. Николаева (ред.). М., 2002.

Павловская 1967 – *Л.К. Павловская*. Сложносокращенные слова // Рр. 1967. № 6.

Протасова 2000 – *Е.Ю. Протасова*. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // ИАН. СЛЯ. 2000. № 4.

Протасова 2002 – *Е.Ю. Протасова*. Язык русской прессы Финляндии // ВЯ. 2000. № 5.

Протченко 1975 – *И.Ф. Протченко*. Лексика и словообразование советской эпохи. М., 1975.

РГ-1980 – Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (ред.): В 2 т. М., 1980.

Росси 1987 – *Ж. Росси*. Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London, 1987.

РРР 1981 – *Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев*. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

РЯЗ 2001 – Русский язык зарубежья / Е.В. Красильникова (ред.). М., 2001.

РЯСОЛ 1968 – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / М.В. Панов (ред.). М., 1968.

РЯСОС 1968 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / М.В. Панов (ред.). М., 1968.

Селищев 1928 – *А.М. Селищев*. Язык революционной эпохи. М., 1928.

Сигалов 1986 – *П.С. Сигалов*. Об усечении вообще и дезинтеграции в частности: Усечение и дезинтеграция // RLing. 1986. V. 10. № 2.

Сорокин 1965 – *Ю.С. Сорокин*. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

СРЯ 1981 – Современный русский язык / В.А. Белошапкова (ред.). М., 1981.

СРЯМ 1952 – Современный русский язык. Морфология / В.В. Виноградов (ред.). М., 1952.

СУ – Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков (ред.). Т. 1–4. М., 1935–1940.

Федоров 1952 – *Н. Федоров*. Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес, 1952.

Чуковский 1962 – *К.И. Чуковский*. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М., 1962.

Шанский 1967 – *Н.М. Шанский*. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху // РЯНШ. № 3.

Шанский 1968 – *Н.М. Шанский*. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Янко-Триницкая 1964 – *Н.А. Янко-Триницкая*. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

ЯРЗ 2001 – Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Е.А. Земская (ред.). М.; Вена, 2001.

Ярмашевич 1990 – *М.А. Ярмашевич*. Факторы, влияющие на восприятие и образование аббревиатур. Саратов, 1990.

Ярмашевич 1993 – *М.А. Ярмашевич*. Роль экстралингвистических факторов в развитии аббревиации // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики. Саратов, 1993.

Ярмашевич 2002 – *М.А. Ярмашевич*. Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2002. № 6.

Comrie et al. 1996 – *B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky*. The Russian language in the twentieth century. Oxford, 1996.

Dokulil 1962 – *M. Dokulil*. Tvořeni slov v češtině. 1: Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

Jakobson 1921 – *R. Jakobson*. Vliv revoluce na ruský jazyk. Praha, 1921.

Kaliszan 1986 – *J. Kaliszan*. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Poznań, 1986.

Kaliszan 1989 – *J. Kaliszan*. О границах понятия семантической конденсации (на материале русского языка) // Z aktualnych badan polskich nad jezykami i literaturami wschodnioslowianskimi. Warszawa, 1989.

Lehikoinen 1990 – *R. Lehikoinen*. Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки, 1990 (Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 32. Helsinki, 1990).

Mazon 1920 – *A. Mazon*. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. 1914–1919. Paris, 1920.

Polinsky 1996 – *M. Polinsky*. American Russian: An endangered language? Manuscript. USC-UCSD. 1996 [http://ling.ucsd.edu/ ~polinsky/pubs/american-russian.pdf].
Polinsky 1998 – *M.S. Polinsky*. American Russian: a new pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998. № 4.

ИСТОЧНИКИ

Анархич. вестник – Анархический вестник. Орган объединенной анархистской организации *(в США и Германии). Берлин, 1923–1924. № 1–7.*

Возрождение – Возрождение. Ежедневная (1925–1935) и еженедельная (1936–1940) газета. Орган русской национальной мысли. Основатель, главный редактор П.Б. Струве. Париж (право-монархическая газета).

Воля России – Воля России. Ежедневная газета. Прага, 1920–1921. № 1–327 (с 1922 – журнал политики и культуры. 1922–1932) (газета стояла на эсеровской и сменовеховской политических платформах; с 1925 г. усиливается литературно-критическое направление издания).

Голос России – Голос России. Орган Дальневосточного отдела РОВС. Редактор М.К. Дитерихс. Шанхай, 1931–1932 (военно-монархическая газета, близкая к позициям А.И. Деникина).

Дни – Дни. Dni: Russische Tageszeitung für Politik, Wirtschaft und Literatur [Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы]. Ежедневная (с сентября 1928 г. еженедельная) газета. Редактор А.Ф. Керенский. Берлин; Париж, 1923–1928 (газета стояла на эсеровских позициях).

За свободу – За свободу! Газета политическая, литературная и общественная. Основана Б. Савинковым. Варшава, 1921–1923, 1924–1925, 1932 (далее газета «Молва») (отражала взгляды белого офицерства; позднее стояла на демократических позициях, была основным источником информации среди русских, живших в Варшаве).

Младоросская искра – Младоросская искра. Орган Союза младороссов во Франции. Париж, *1931–1940* (монархическая, профашистская газета, открыто выражавшая сочувствие большевикам).

Огни – Огни. Еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. Прага, 1924 (газета русской художественной и научной интеллигенции).

Последн. новости – Последние новости. Ежедневная газета. Париж, 1920–1940 (одна из самых авторитетных эмигрантских газет; отражала кадетские взгляды).

Призыв – Призыв. Издание Союза русских писателей и журналистов в Королевстве С.Х.С. [сербов, хорватов, словенцев. – *А.З.*]. Белград, 1926. № 1–5 (военная и монархическая газета).

Рассвет – Рассвет. Ежедневный орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк, 1924–1940.

Руль – Руль. Ежедневная газета. Берлин, 1920–1931 (правокадетская и либерально-интелигентская газета).

Рус. голос – Русский голос. Русская зарубежная общественно-политическая и военная газета. Белград, 1930–1940 (монархическая и военная газета).

Сегодня – Сегодня. Независимая демократическая газета. Рига, 1919–1940 (либерально-демократическая газета).

Сигнал – Сигнал. Орган Русского национального союза участников войны. Париж, 1937–1939 (монархическая и военная газета).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

***G. Lazard, C. Moyse-Faurie* (eds.). Linguistique typologique.** Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 2005. 323 p.

Книга «Типологическая лингвистика», вышедшая во Франции под редакцией Ж. Лазара и К. Моиз-Фори, представляет собой первую коллективную монографию недавно созданного «Типологического лингвистического кружка» (Cercle de linguistique typologique, CERLITYP) – ассоциации лингвистов, специализирующихся в различных областях. Издание включает 15 статей, которые, согласно написанному редакторами Введению, объединены общей типологической перспективой и стремлением к выявлению лингвистических универсалий.

Статья Ж. Фейе (Париж) «Типология личных оппозиций» посвящена семантическим отношениям в системе личных местоимений. Автор начинает статью с критического анализа теории местоимений Бенвениста, точнее, с пересказа замечаний в адрес этой теории, высказанных ранее К. Ажежем и некоторыми другими исследователями, и демонстрирует уязвимость знаменитого тезиса о «не-личности 3-го лица». Критика Бенвениста у К. Ажежа строится на следующих аргументах: 3-е лицо включается в системы субъектно-объектных глагольных показателей (показатели 'он меня', 'ты его' и т. п. в мордовском, галиби и др. языках ведут себя так же, как *я тебя, ты меня*); формы 3-го лица могут употребляться «метафорически», вместо форм 2-го лица (например, *Sie* в немецком), вместо 1-го лица (*on* во французском), так же, как и 2-е лицо, может выступать вместо 3-го (русск. *Говоришь с ним – он не слушает*). Определив в этом разделе понятия личности и субъектности – ключевые для теории личных местоимений у Бенвениста, – автор переходит к демонстрации других оппозиций, выражаемых в системах личных местоимений различных языков мира: категории вежливости и множественного числа. В разделе, посвященном категории вежливости, рассматриваются индоевропейские языки и языки Юго-Восточной Азии, известные сложностью и многообразием средств маркирования социальных отношений. В разделе о множественном числе приводятся примеры местоименных систем различных типов: от языка пирахан (Бразилия), в котором противопоставление по числу в местоимениях вообще не выражается и система личных местоимений состоит, таким образом, из трех элементов, противопоставленных только по лицу, до лихир (Папуа-Новая Гвинея), в котором противопоставлены единственное, двойственное, тройственное, паукальное и множественное число и инклюзив и эксклюзив в первом лице во всех числах кроме единственного. Статью завершает краткая информация о других, более «экзотических» оппозициях, которые могут быть маркированы в системе личных местоимений: детализация внутри противопоставления по эксклюзивности/инклюзивности (масахуа) или маркирование принадлежности говорящего и слушающего к одному и тому же или к разным поколениям (лардиль).

Для статьи К. Гриневальд (Лион) «К типологии выражения статической локализации: локативные предикаты» основным материалом послужили американские языки. Автор отмечает, что в последние десятилетия XX в. исследования в области выражения пространственной локализации велись весьма активно, но их предметом становились преимущественно индоевропейские языки, в которых основным средством выражения этих значений являются предлоги. В американских же языках локативные значения выражаются предикатами соответствующего типа. Задача автора заключается в том, чтобы предложить способ описания статических локативных предикатов, который позволял бы сопоставлять данные разных языков. Материалом служат языки цельталь семьи майя, кваквала вакашской семьи и три

южноамериканских языка: сикуани (гуахибо), куна и терибе (чибча). На этих примерах автор иллюстрирует ареальные сходства и различия систем статических предикатов в америндских языках. Так, в семантической структуре статических предикатов цельталь отражается универсальная двучленная пространственная когнитивная структура «что и где» («what and where»), *хотя для языков Центральной Америки* в целом более характерна другая семантическая структура, основанная на «что и как» («what and how»). В локативных предикатах южноамериканских языков маркируется положение тела или неодушевленного объекта – 'сидя', 'лежа', 'стоя', причем, в отличие от индоевропейских языков, в которых также кодируются эти три положения, здесь в эту парадигму входит четвертый член – 'в подвешенном состоянии'. Автор отмечает, что это четвертое положение широко представлено в южноамериканских языках тропического ареала, в котором широкое распространение имеет гамак, поэтому «подвешенность» – привычное состояние для людей, как и для предметов повседневного обихода и съестных припасов.

К. Ажеж (Париж) начинает свою статью «Об истинном месте транзитивности, или лингвистическая типология между прошлым и будущим» с краткого обзора истории использования понятия транзитивности в типологических исследованиях. Транзитивность стала отправной точкой для формулирования важнейших понятий лингвистической типологии, но теперь, по мнению автора, необходимо не менее пристально исследовать и другие глаголы, – тем более, что в речи, по данным корпусов нескольких языков (французского, русского, иврита и др.), преобладают одновалентные глаголы. Далее на разнообразном типологическом материале анализируется один из типов одноактантных предикатов – аффективные предикаты.

Статья К. Эно-Сахно и С. Сахно (Париж) «Лексическая семантическая типология: проблемы систематизации» обращается к типологическим исследованиям в области лексики, которые, как отмечают авторы, сильно затруднены несистемностью последней. Однако некоторые закономерности, наблюдаемые неоднократно в различных языках, все же можно выделить. Авторы называют три типа таких закономерностей и сосредоточиваются на одном из них – на закономерностях развития многозначности и переноса значений. Для описания этих закономерностей используется введенное А. Потебней понятие внутренней формы слова. Рассматриваются несколько семантических переходов в индоевропейских языках (русск. *друг* и *друг-ой*; внутренняя форма глаголов со значением 'простить' в разных языках и др.).

Ф. Жаксон (Париж) в статье «Лицо и функция» рассматривает отношение между лицом (1 – говорящий, 2 – слушающий, 3 – не участвующий в разговоре) и функцией, т.е. семантической ролью (агенс/пациенс) и специально подчеркивает иерархичность в системе личных местоимений. На материале разных языков, обладающих развитой системой личных маркеров (именных – посессивных и глагольных – показателей субъектного и субъектно-объектного спряжения) автор демонстрирует возможности «инверсии» лица и семантической роли, при которой иерархии лиц и функций приходят в противоречие. Рассматриваются языки, в которых в качестве предиката может выступать не только финитный глагол, но и отглагольное имя – в последнем случае лицо и число подлежащего маркируют притяжательные суффиксы (тибето-бирманский язык камхау группы куки-чин и ительменский), при этом выбор именного или глагольного предиката авторы описаний этих языков (Меновщиков и Вахтин, Гендерсон) связывали с жанром речи: глагольные предикаты с личными окончаниями используются в диалоге, а именные с посессивными маркерами – в монологических мифологических рассказах. Автор предполагает, что выбор того или иного варианта обусловлен не столько речевым стилем, сколько семантикой: личные окончания используются в том случае, когда действие, выражаемое предикатом, контролируется агенсом, посессивные – тогда, когда это действие находится вне сферы контроля агенса. Типологическое подтверждение такая трактовка находит в языках тупи-гуарани, в которых имеются две серии личных окончаний: для действий, контролируемых агенсом, и для действий, не контролируемых агенсом.

П. Кирчук-Алеви (Бер-Шева, Израиль) в статье «Перемещение? Тематизация? К вопросу об отношении *язык-речь*» критикует понятия перемещения и тематизации как операций, производимых над предварительно «правильно» порожденным высказыванием. Он детально анализирует четыре типа высказываний с перемещенной темой во французском языке и показывает, что их синтаксические и интонационные характеристики не дают оснований предполагать перемещение темы после порождения высказывания. Эти выводы, сделанные относительно французского языка, подкрепляются далее анализом примеров высказываний с перемещением темы, взятых из нескольких семитских языков, кечуа, каннада, баскского и эскимосского. Статья завершается рядом замечаний методологического характера: изучение разговорной речи должно пред-

шествовать изучению речи письменной, изучение речи должно предшествовать изучению языка и т.п.

Основной тезис статьи С. Крижель (Экс-ан-Прованс) «Грамматикализация: в каком языке? Несколько примеров из креольских языков на основе романских» состоит в том, что грамматикализованные единицы в креольском языке могут появляться вследствие разных процессов: 1) грамматикализация начинается и разворачивается в креольском языке, 2) начинается в другом языке (часто в европейском языке-лексификаторе) и продолжается в креольском, 3) начинается и продолжается в другом языке (обычно, но не обязательно в языке-субстрате), а в креольский переносится результат этого процесса. Все три варианта иллюстрируются на примере пассивных показателей папьяменто (*keda* < исп. *quedar* 'оставаться', *ser* < исп. *ser* 'быть', *wordo* < голл. *worden* 'становиться') и сейшельского креольского (*ganny* < *gagner* 'охватывать'). Только в последнем случае (сейш. *ganny*) грамматикализация не имеет отношения к языку-лексификатору. Но, по мнению автора, на развитие пассива с *ganny* в сейшельском креольском могла повлиять английская конструкция типа *he gets fired*, т.к. влияние английского в сейшельском креольском весьма существенно. Основной вывод автора, помимо призыва к пересмотру понятия грамматикализации по отношению к креольским языкам и прочим контактным системам, заключается в том, что языковые изменения редко бывают монокаузальны. Так, грамматикализация рассматриваемых пассивных показателей обусловлена и развитием письменного варианта языка в папьяменто и в сейшельском креольском (в устной речи в обоих языках пассив как правило не маркируется в глаголе), и процессами, предшествовавшими образованию креольского языка, в языках-лексификаторах (папьяменто *ser* и *wordo*) или их диалектах (папьяменто *keda*), и процессами, протекавшими в языке-субстрате или в каком-то из контактирующих языках (сейш. *ganny*). Описание процесса грамматикализации в креольском языке должно учитывать все эти внешние и внутренние, синхронные и диахронические факторы.

Ж.Л. Леонар (Париж) в статье «Сложность и упрощение в фонологии, инварианты в тенденциях развития зубных согласных: развитие фрикативных из аффрикат» исследует переход *ts* – глухой межзубный спирант – фрикативный + смычный в финских диалектах (в которых, по мнению других исследователей, этот переход обусловлен влиянием шведского), и в савойских франко-провансальских диалектах. Автор ставит перед собой две задачи. Во-первых, сопоставив одинаковые линии развития аффрикат в генетически не связанных идиомах, продемонстрировать, что и в том, и в другом случае такое развитие обусловлено скорее внутренними тенденциями языка, чем языковыми контактами. Среди таких тенденций наиболее изученной и «привлекаемой лингвистами» являются соображения экономии, оптимальности и т.п. – диахронического перехода более маркированных фонем в менее маркированные. Другая задача заключается в том, чтобы продемонстрировать, что изучение диалектов не должно быть достоянием одной только диалектологии – «науки сугубо дескриптивной, кумулятивной, с энциклопедической целью – явить «сокровище» существующих форм языка» (с. 158), но что диалектное разнообразие, наряду с языковым разнообразием, может служить источником ценных сведений для типологии. Основываясь на предложенной Косериу классификации диалектных зон, автор отмечает, что в случае с развитием аффрикат в «малых» зонах значительно чаще возникают примеры развития «наоборот», т.е. более маркированных фонем на месте менее маркированных.

К. Моиз-Фори (Париж) в статье «Проблемы синтаксической категоризации в полинезийских языках» обращается к проблеме классов слов в полинезийских языках. Как известно, выделение традиционных частей речи в полинезийских языках сталкивается с непреодолимыми трудностями: любое полнозначное слово может выполнять функции разных частей речи без морфологических изменений. Существование таких языков ставит под сомнение типологическую универсальность противопоставления имени и глагола. Автор рассматривает предлагавшиеся подходы к выделению имени vs. глагола или предикативных vs. непредикативных лексем в полинезийских языках: функциональный подход, при котором постулируется полифункциональность всех классов слов, а противопоставление имени и глагола отрицается; дистрибутивный подход, позволяющий выделить именной и глагольный, а также другие классы лексем на основании их сочетаемости с грамматическими маркерами – артиклями для именного класса, маркерами времени, вида и модальности для глагольного класса; разные варианты подходов, при которых классифицируются не лексемы в языке, а их употребления в речи: конструкции с артиклями признаются именными, конструкции с ТАМ – глагольными (Клер Моиз-Фори отмечает, что при составлении грамматики языка футу она избрала один из этих подходов, и признает, что это было достаточно удобно). Демонстрируется, что каждый из этих подходов имеет свои недостатки (например,

ТАМ-маркеры и артикль не обязательно исключают друг друга) и предлагается отказ от дихотомии имя vs. глагол с тем, чтобы выявить другие возможные классы слов в полинезийских языках. С опорой на семантику, которая во всех рассмотренных выше подходах игнорируется, в исследовании выделяются несколько лексических классов (*сущности* (entités) – с *дальнейшей субкатегоризацией:* наименования людей, локализации, названия артефактов и т.д., – *действия* и *качества*) и описываются дистрибутивные и функциональные характеристики этих классов. Субкатегоризация лексем первой группы также основана на семантических критериях: предикативное употребление этих лексем по-разному модифицирует их значение (предложения «X – P», где P – это локализация, означают «X происходит (родом) из P», где P – названия артефактов, означают «X пользуется P», где P – наименование человека, «X – один из P, является P» (например, «Ламу был-королем», где P – «король»)). Основной вывод статьи оказывается достаточно тривиальным: вернувшись от семантических классов к дихотомии имя vs. глагол, автор определяет глагол в рассматриваемых языках как «лексему, прототипически обозначающую действие или качество, прототипическая функция которой предикативная», а имя как «лексему, прототипически обозначающую сущность, прототипическая функция которой – непредикативная» (с. 190). Оговаривается, кроме того, что глагол в непредикативной функции может иметь при себе сочетание специфицирующий артикль (article specifique) + аспектуальный показатель и крайне редко какой-либо другой артикль, а имя, напротив, лишь в исключительных случаях может иметь эту последовательность показателей, но сочетается с любым другим артиклем. В предикативной функции имя, как правило, имеет одну валентность, а глагол прототипически бивалентен с одной валентностью на эргатив, и валентная структура сохраняется и в непредикативном употреблении глагола. Эти уточнения представляют больший интерес, чем собственно определения.

В статье С. Нугье Вуазен (Прованс, Франция) «Антипассив и аккузативные языки» доказывается существование антипассивных конструкций в аккузативных языках. В эргативных языках антипассив служит механизмом понижения валентности двухвалентных глаголов: агенс маркируется не эргативным падежом, а абсолютным, пациенс – не абсолютным, а каким-либо косвенным падежом (как правило, инструментальным) или опускается. Глагол при этом приобретает специальный антипассивный показатель. В статье предлагается причислять к антипассивным и аналогичные, т.е. с понижением валентности, маркированным в глаголе, конструкции аккузативных языков. Специализированный антипассивный показатель обнаруживается в языке нахуатль (*te/tla*, традиционно рассматриваемый как показатель неопределенного объекта), во многих других аккузативных языках функцию антипассива выполняют показатели среднего или взаимного залога (надо отметить, что автор настаивает на трактовке антипассива и пр. как залогов, не прибегая к термину «актантная деривация»). Приводятся схожие примеры из русского (*куры несутся, собака кусается*), испанского (*Agarré la mesa* «я схватил стол» – *Me agarré a/de la mesa* «я задел за стол») – и французского (*Il confesse ses péchés* «он признает свои грехи» – *Il se confesse de ses péchés* «он признается в своих грехах») языков: конструкции с *-ся/se* предлагается считать антипассивными. В языках, в которых возвратный и средний залог имеют разные показатели (кирунди, волоф), один из них также может выполнять функции антипассива. Отмечается, что средний и возвратный залог и антипассив сопровождаются сходными семантическими модификациями: *эти трансформации привносят значения* «слабой степени индивидуализации объекта», «недостаточной выделенности участников», «повторяемости ситуации». Предполагается, что «сближение аккузативных и эргативных языков на основании механизма модификации валентной структуры (т.е. признание антипассива в аккузативных языках) обогатит типологические данные» (с. 199).

К. Нуайо (Париж) и Иса Такаси (университет Ломе, Того) в статье «Категоризация и рекатегоризация: сериальные глагольные конструкции и их развитие в двух языковых семьях Того» опираются на представление о сериальной конструкции как «синтаксической конструкции, в которой несколько глаголов образуют последовательность, но ведут себя как одна глагольная единица» и семантически соответствуют одному событию. Статья предваряется довольно обширным обзором литературы, посвященной проблемам отграничения сериальных конструкций от внешне сходных с ними конструкций другой природы – последовательности независимых предикатов, сложного глагола, в состав которого вошли форманты глагольного происхождения, конструкции с вспомогательным глаголом. Вместо того, чтобы предлагать новые или уточнять уже имеющиеся способы идентификации сериальных конструкций, авторы трактуют отсутствие четких границ как естественное следствие динамичности сериальных конструкций, переходного состояния многих из них, т.к. их развитие

часто связано с лексикализацией, образованием сложного глагола, и грамматикализацией, в частности появлением вспомогательных глаголов. Предметом статьи являются процессы грамматикализации сериальных конструкций в языках эве (группа гбе языков ква) и басари (группа гур). Степень грамматикализации определяется при помощи специально разработанных тестов (например, способность отдельных глаголов, входящих в сериальную конструкцию, принимать те или иные маркеры), которые предлагаются информантам – носителям языка. Если суждения информантов противоречат друг другу, расхождения трактуются как свидетельства переходного состояния от конструкции из нескольких глаголов к конструкции полнозначный глагол + грамматикализованный элемент, как непосредственное отражение процесса грамматикализации в синхронии. Подробный анализ сериальных конструкций в нкам приводит к выводу, что в этом языке сериальные конструкции в собственном смысле слова не представлены, а называемые сериальными конструкциями глагольные сочетания, в которые входит специальный «соединительный» формант (анафорический местоименный маркер *ki*), представляют собой переходный этап на пути к образованию вспомогательного глагола из первого компонента конструкции и этого форманта. Зафиксированы и другие возможности грамматикализации сериальных конструкций – изменение актантной структуры основного глагола с расширением числа допустимых актантов, развитие новых способов выражения аспектуальных значений (в частности, в нкам имел место процесс, аналогичный развитию прогрессива в шведском языке).

В начале статьи Б. Потье (Париж) «Инварианты, когнитивные категории и универсалии» ставится задача «как можно точнее охарактеризовать каждый из трех терминов, вынесенных в заглавие» (с. 242), однако эту задачу нельзя считать выполненной. Статья представляет собой довольно импрессионистические заметки по поводу универсальных ментальных категорий, в основном в виде кратких комментариев к цитатам из работ Ж. Лазара по общему языкознанию и к созданным автором графическим отображениям когнитивных структур или языковых фактов. Например, на с. 246 имеется схема следующего вида:

Никаких пояснений к этой схеме не имеется, и на мой взгляд, понять ее невозможно. Если бы автор был менее лаконичен и шире прибегал бы к вербальному, а не только графическому способу выражения, основная идея статьи, безусловно справедливая и заслуживающая рассмотрения, – постулирование таких универсальных схем, их уточнение и совершенствование составляет важнейшую задачу типологии, т. к. в силу своей универсальности они могут служить самым надежным *tertium comparationis* при сопоставлении языков – оказалась бы читателю ближе.

А. Руссо (Лилль) в статье «Понятие "когнитивной схемы" в лингвистической типологии» исследует последовательность показателей в глагольной лексеме. Опираясь на данные французского и немецкого языков, он обнаруживает последовательность, которую составляют строго упорядоченные глагольные категории залога, фазы, модальности, времени, наклонения и лица. Автор идентифицирует аналогичную структуру в языках различных типов и, с другой стороны, в организации именной синтагмы. Иконичность этой последовательности приводит к выводу, что она основана на когнитивной схеме, аналогичной «синтаксическим схемам» Карла Бюлера.

А. Шёреш и К. Маркелло-Низья (Париж) в статье «Диахроническая типология: новая гипотеза о переходе типа OV в тип VO» сопоставляют пути формирования порядка слов SVO в таких разных языках, как французский и венгерский. Детально проанализированы процессы, которые привели от латыни (SOV) к современному французскому (SVO), варьирование порядка составляющих в синтагме и пропозиции в старофранцузском. В венгерском, вплоть до современного состояния, подлежащее может быть как в пре-, так и в постпозиции к глаголу: варьирование связано с определенностью и с коммуникативной организацией высказывания. С другой стороны, в том, что касается порядка составляющих в синтагме, венгерский язык остается языком OV. В заключение авторы выдвигают следующую гипотезу: когда изменение начинается в синтагмах, оно имеет тенденцию распространяться на пропозицию, а когда оно начинается на уровне фразы, синтагмы могут остаться незатронутыми.

	1*V*	2*V*	3*V* (*V* – линия взгляда говорящего)
местоположение	*à* (приближение)	*en* (контакт)	*de* (удаление)
детерминация	*un*	*ce*	*le*
модальность	*желать*	*добиться*	*сожалеть*

В статье К. Тен-Шек (Париж) «Роль явлений агглютинации в семито-хамитском морфогенезе на материале арабского и берберского языков» рассматриваются случаи агглютинации синтагматических единиц, которые могли иметь место в разные периоды и в разных языках семито-хамитской семьи. Используются данные различных диалектов арабского и берберского языков. Цель статьи состоит в том, чтобы «вывести семито-хамитские языки из их типологической изоляции и сопоставить их с языками, классифицируемыми как агглютинативные». «Типологическая изоляция» семито-хамитских языков проистекает, по мнению автора, из необычности их морфологической техники. Тенденция к агглютинации обнаруживается на разных уровнях языка – на уровне словоформы с артиклем, синтагмы, фразы и даже стихотворной строки в классическом арабском. На более ранних стадиях развития агглютинация привела к образованию аффиксов и флексий, и в современных семито-хамитских языках аффиксация является не менее широко используемой техникой, чем мена гласных в трехконсонантном корне. Таким образом, можно говорить об арабском и берберском как о языках с тенденцией к агглютинации, с высоким показателем по шкале синтетизма и развитой фузией, вводя их в широкий контекст типологических исследований морфологии.

Все статьи написаны на богатом, типологически разнообразном языковом материале, лингвистический анализ которого выполнен на безупречно высоком уровне. В этом, несомненно, сильная сторона такого коллектива авторов: каждый пишет в первую очередь о языке, специалистом по которому является. В то же время надо признать, что единый подход и общие теоретические установки у авторов этого тома отсутствуют, несмотря на очевидное знакомство с работами друг друга. Каждая статья предваряется очень кратким обзором предлагавшихся подходов к обсуждаемой проблеме, и автор заявляет о том, к какому из этих подходов он намерен присоединиться. Разнообразие избираемых подходов и концепций, в рамках которых авторы рассматривают свои данные, затрудняет «перевод» результатов исследований с языка одной статьи на язык другой. Например, автор первой из двух статей, посвященных личным местоимениям, считает необходимым включиться в дискуссию о статусе 3-го лица (не-лица), тогда как автор другой статьи строит свои рассуждения на концепции иерархичности системы личных местоимений, в рамках которой вопрос о статусе 3-го лица был бы просто некорректен.

Тем не менее, такие расхождения не мешают авторам сборника одинаково понимать задачи типологии и работать в направлении выявления лингвистических универсалий путем анализа типологически разнообразных языков. Безусловный интерес представляет детальный анализ локативных предикатов в американдских языках, проведенный К. Гриневальд, и предложенные ею способы описания статичных предикатов, которые, несомненно, могут с успехом быть применены к материалу других языков. Статья К. Ажежа привлекает внимание типологов к одноактантным предикатам. Трудно спорить с тем, что в типологии «господствуют» двухактантные предикаты, изучение которых привело, в частности, к формированию представления об эргативности и аккузативности, без которого невозможно представить себе современную типологию. Детальный и аргументированный анализ одноактантных аффективных предикатов, проделанный Ажежем в этой статье, позволяет надеяться, что исследования в этой области окажутся не менее плодотворными.

В большинстве статей поднимаются вопросы, традиционные для работ по типологии: антипассив и аккузативность, смена базового порядка слов, маркирование социальных отношений в речи и категории вежливости и пр. Однако «традиционность» этих вопросов не умаляет ценности предлагаемых авторами решений и анализируемых данных, а изданию в целом даже придает дополнительный вес: коллективную монографию, в которой получили освещение многие традиционные проблемы типологии, можно использовать как готовое учебное пособие по этой дисциплине.

К.В. Викторова

***L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart* (eds.). Case, valency and transitivity.** Amsterdam: John Benjamins, 2006. xx+507 p. (Studies in language companion series: 77).

Рецензируемая книга основана на трудах конференции по теории падежа, транзитивности и актантной деривации, состоявшейся в университете Неймегена в июне 2003 г. В последние годы вышло несколько сборников работ по данной тематике (см., например [Reuland (ed.) 2000; de Hoop et al. 2001; Brandner, Zinsmeister 2003; Amberber, de Hoop 2005], посвященные вопросам падежа и падежного маркирования, а также [Aikhenvald et al. 2001; Bhaskarao, Subarao 2004] по неканоническому падежному маркированию, [Kulikov, Vater

1998; Dixon, Aikhenvald 2000; Shibatani (ed.) 2001] по транзитивности и актантной деривации). Это свидетельствует о росте интереса к данному кругу проблем.

Явления, характеризующие падеж, валентность и транзитивность, тесно связаны между собой, что и мотивирует широкую тематику сборника. Вошедшие в сборник работы выполнены в рамках различных исследовательских традиций. Большая часть статей написана в функционалистской парадигме, однако две работы, Троммера и Абрахама, реализуют генеративистский подход к проблемам падежного маркирования, а работа Саху выполнена в рамках вершинной грамматики составляющих [Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG)]. Надо заметить, что многие из работ как формалистских, так и функционалистских, используют различные модификации теории оптимальности.

Большинство работ концентрируется на отдельных языках, причем основывается на результатах полевой работы авторов. Представлены индейские языки (Бродуэлл, Леман и Ферхевен обсуждают языки майя, Петерсон – цимшианские, Троммер – алгонкинские языки), языки Африки (работы Выдрина о языке манде и Галяминой о языке сонгай), тюркские (работа Юхансона выполнена на турецком материале, А.А. Бонч-Осмоловская и Е.А. Люткова обсуждают карачаево-балкарский, А.Б. Летучий – хакасский), финно-угорские языки (статья Калининой и др.), кавказские (работа Ганенкова о нахско-дагестанских языках), индо-арийские (работа Саху о языке ория), а также несколько работ по «стандартным» европейским языкам (статьи Абрахама, Барддаль и Эйтоурссона, де Хооп и Ламерс).

Следует отметить, что из двадцати одной статьи, содержащейся в сборнике, шесть написаны московскими и петербургскими лингвистами, а две – российскими лингвистами, работающими ныне на Западе (Л. Куликовым и А. Мальчуковым). Три статьи (Лютиковой и Бонч-Осмоловской, Летучего, Калининой и др.) написаны на основе материалов, собранных в летних экспедициях ОТиПЛ МГУ и Института лингвистики РГГУ.

Статьи, вошедшие в книгу, в целом независимы и в содержательном отношении довольно неравноценны. Мы разберем их по отдельности.

Часть 1. Морфологический падеж. В статье Э. Спенсера «Синтаксический и морфологический падеж в морфосинтаксисе» рассматриваются случаи несогласованности морфологического маркирования и синтаксического падежа. Примерами служат чукотский эргатив, который, в зависимости от словоизменительного класса существительного, совпадает либо с локативом, либо с инструменталисом, специальная форма датива в чешском, употребляющаяся только для одушевленных существительных мужского рода, когда последние оказываются на правой границе ИГ, состоящей из нескольких существительных. Еще одним примером такого несовпадения является маркирование падежа на немецких именных группах.

Автор, не уточняя, какой именно теорией синтактико-морфологического интерфейса он пользуется, предлагает анализ, а точнее, формальную запись таких явлений в терминах двух наборов признаков: морфологического и синтаксического. При порождении текста между этими двумя наборами признаков должно быть установлено соответствие. Отметим, что само явление несовпадения «естественных» требований синтаксиса и морфологического маркирования падежа исследовано в широко известной работе [Зализняк 1973], ссылок на которую в статье Спенсера нет.

Л.И. Куликов («Падежные системы в диахронической перспективе: типологический очерк») рассматривает засвидетельствованные сценарии эволюции падежных систем. Это делается в основном на материале индоевропейских языков. Такой выбор естествен, поскольку ни для какой другой языковой семьи нет материалов сравнимого объема, качества и исторической глубины. Статья начинается с описания возможных источников новых падежей. Отмечается, что наиболее обычным источником падежей являются предлоги, послелоги или другие вспомогательные слова похожей семантики. Тут интересно отметить, что префиксальные падежи почти не встречаются в языках мира. Автор цитирует работу [Reh 1986], где, на основе данных из некоторых африканских языков, делается заключение, что предлоги обычно грамматикализуются не в именные префиксы, а в глагольные суффиксы. Другим источником падежных показателей могут быть указательные местоимения или артикли. Предполагается, что именно таким способом образовались префиксальные падежи в современных берберских. Еще один механизм образования новых падежей – «расщепление» падежа на два. Таким способом возникли второй генитив и второй локатив в русском: окончание *-и* старого склонения на **-и* было распространено на основы других типов и переосмыслено как новый падеж.

Наконец, имеется и другой сценарий появления падежа – использование в качестве падежной формы чистой основы. Именно таким образом, с точки зрения автора, возник новый

вокатив в русском. Далее рассматривается утрата падежей и распад падежных систем. В последнем разделе статьи рассматриваются случаи реструктурирования падежной системы. Реструктурирование произошло, например, в русском, где, после того как во множественном числе совпали аккузатив и номинатив, развилась категория одушевленности. Кроме того, кратко рассматривается эволюция армянской падежной системы. В заключение выделяются языки с 1) увеличением числа падежей; 2) с сокращением числа падежей (например, германские, италийские, кельтские, греческий); 3) языки со стабильной падежной системой. Отмечается, что ареальное влияние может определять то, к какому типу будет примыкать данный язык. Так, на формирование новых падежных систем в индийских языках, вероятно, повлиял контакт с дравидийскими, для балтийских языков и русского был существен контакт с угро-финскими и т.п.

Заметим, что есть еще одна логически допустимая возможность, а именно существенное изменение падежного инвентаря при сохранении общего размера системы. В статье не показано, встречается ли такой сценарий.

В статье В.Ф. Выдрина «Возникновение морфологических падежей в южных манде: от аморфного типа к флективному?» обсуждается морфология существительных и местоимений в южных манде. Манде – семья в нигероконголезской ветви языков, насчитывающая примерно 60 языков. Девять из них, а именно мано, дан, тура, гуро, мван, ван, яуре, гбан и бен, относятся к южным манде. На них говорят в Кот-д'Ивуар, Либерии и Гвинее. В статье предлагается реконструкция системы личных местоимений в прото-южном манде. На фоне этой реконструкции рассматриваются системы, существующие ныне в языках гуро и яуре. При этом показывается, что в гуро может идти речь о возникновении эргатива у местоимений. Кроме того, показывается, что в гуро, мван, тура и дан у некоторых существительных подходящей семантики имеются специальные локативные формы, отличающиеся от основных форм тоном. Их можно трактовать как локативные падежи.

Т. Петерсон («Вопросы морфологической эргативности в цимшианских языках: Согласование, определители и реконструкция падежа») также рассматривает в основном диахронические проблемы. На цимшианских языках говорят около двух тысяч человек в провинции Британская Колумбия (Канада). Цимшианские языки подразделяются на прибрежные (смялгъях, сгююхс) и внутренние (гитксан, нисга'а). В современных цимшианских языках отсутствует продуктивное падежное маркирование, но остатки старой падежной системы можно усмотреть в поведении своеобразного класса морфем, которые цимшианисты называют «коннективами»:

(1) язык смялгъях (прибрежная подсемья)

yagwa=t	dzap=**dit**	rita=**a**	waas
PROG=3	делать = PNC	Рита = CNC	одеяло

'Рита делает одеяло'.

(2) язык нисга'а (внутренняя подсемья)

hlimóom-ə-(t)=**hl**	hanàk'=**t**
помочь-TR–3 = CNC	женщина = PNC

mary
Мэри
'Женщина помогла Мэри'.

В статье высказывается гипотеза, что данные морфемы возникли в результате слияния нескольких грамматически различных морфем, в том числе согласовательных показателей, определителей и остатков падежных показателей. Реконструкция первоначальной системы дает типологически необычное сочетание эргативного согласования с номинативным падежным маркированием.

Й. Троммер («Маркирование директивов и падеж в меномини») анализирует следующее явление, свойственное некоторым алгонкинским языкам (например, меномини): в случае, если объект переходного глагола выше по иерархии, чем субъект (например, объект 1-го или 2-го лица, а субъект – 3-го), это выражается специальным показателем «инверсива», а противоположная ситуация маркируется показателем «директива»:

(5) a. *ke-na·n-**eko**-w-a·w*
2-привести-INV-[+3]-[–1 + pl]
Он приводит вас'.

b. *ke-na·n-**a·**-w-a·w'*
2-привести-DIR-[+3]-[–1 + pl]
'Вы приводите его'.

Распределение показателей инверсива и директива обычно интерпретируется как результат действия иерархии маркированности.

Автор полемизирует со статьями [Halle, Marantz 1993; Bruening 2001], в которых делается попытка описать распределение данных показателей, не апеллируя к иерархиям, а опираясь лишь на общие механизмы приписывания падежа и реализации. В статье показано, что некоторые факты не могут быть предсказаны методами двух упомянутых статей. Взамен автор предлагает формализовать релевантную иерархию в рамках теории оптимальности. Поскольку данные о распределении показателей в статье приведены не полностью, проверить выводы автора не представляется возможным.

Часть 2. Падежное маркирование и транзитивность.

А. Синтаксис падежа. Цель статьи В. Абрахама «Беспредложное и предложное маркирование падежа: экзотическое положение немецкого (и исландского) среди всех германских» – выяснить, какие факторы оказывают влияние на выбор падежного оформления. Падежное оформление понимается при этом в самом широком смысле, включая в себя кроме собственно морфологического маркирование падежа, также позицию в клаузе и предложное оформление. Автор сочетает оптималистский подход к дифференциальному маркированию объекта, предложенный в известной работе [Aissen 2003], с представлениями о расщепленной VP, принятыми в современном минимализме. Отмечается влияние коммуникативной структуры на выбор падежного маркирования. Представление о стиле автора может дать третье предложение из резюме статьи: «It will be seen, first, that case is not identical to case irrespective in which case combinations it appears». На с. 118 утверждается, что в языке идиш падежное маркирование отсутствует, что вызывает некоторое недоумение у рецензента.

Й. Барддаль и Т. Эйтоурссон («Инфинитивы контроля и падеж в германских языках: "речевые ошибки" или маргинально приемлемые конструкции?») обсуждают на примере одного явления – эллипсиса дативного субъекта при инфинитиве в конструкциях контроля в немецком и исландском – методологические проблемы, встающие перед лингвистом при изучении конструкций, отвергаемых заметной частью носителей. Такая ситуация нередко возникает при корпусных исследованиях. Основной вывод статьи: маргинально приемлемые конструкции практически невозможно отличить от речевых ошибок.

В статье Д.С. Ганенкова «Кодирование экспериенцера в нахско-дагестанских языках» изучается падежное оформление экспериенцера при 20 глаголах ощущения на основе выборки из 18 нахско-дагестанских языков. Автор находит общие закономерности в кодировании и строит на их основании семантическую карту. Кроме того, предлагается мотивация для существующих стратегий. Явно не формулируя этого, автор исходит из локалистских представлений о генезисе грамматических падежей. Предлагаемые диахронические реконструкции заслуживают, по крайней мере, более подробного обоснования.

В статье К. Саху «'Общие аргументы' в сериальных глагольных конструкциях в языке ория» анализируются сериальные глагольные конструкции в ория. Сериальные конструкции представляют трудность для синтаксических теорий, поскольку один объект может зависеть в них от нескольких глаголов:

(6)

mun	maachha-Te	kiNi
я	рыба-indef	купить
keLaai	bhaaj	khaa-il-i.
чистить	жарить	есть-pst–1sg

'Купив, почистив и пожарив рыбу, я ее съел'.

При этом сериальные конструкции отличаются от обычного сочинения:

(7) a. сочинение

mun	bajaara-ku	ga-l-i	o	goTe
я	базар-pp	идти- pst–1	и	indef
chakleT		kiN-il-i		
шоколад		купить-pst–1sg		

b.сериализация

mun	bajaara-ku	jaai	(*o)	goTe
я	базар-pp	идти	и	indef
chakleT	kiN-il-i			
шоколад	купить-pst–1sg			

'Я пошел на базар и купил шоколадку'.

Пример 7b иллюстрирует также то обстоятельство, что в сериальных конструкциях в ория могут сочетаться непереходные и переходные глаголы. Автор высказывает гипотезу о том, как устроено дерево составляющих для сериальных конструкций с общим объектом. Далее в эту структуру вносятся уточнения с позиций Вершинной Грамматики Составляющих.

Б. Интерпретация падежей. В статье Л. Юхансона «Два подхода к референтности» сравниваются функциональный и классический структуралистский подходы к анализу референтности и других подобных свойств у турецких существительных. В турецком отсутствуют специальные показатели определенности, но их роль в соответствующих падежах могут выполнять показатели аккузатива и генитива. Автор подчеркивает, что, вопреки распространенному мнению, показатель аккузатива в турецком не является в буквальном смысле показателем определенности, поскольку может сочетаться с показателем неопределенности bir 'один':

(8)

bir	kitab-i
INDEF	книга-ACC

'некую книгу'.

Другие проблемы с анализом показателя аккузатива как показателя определенности возникают из-за того, что аккузативное маркирование обычно появляется на прямом дополнении, когда то занимает положение перед предикатом, вне зависимости от рефе-

рентности. Автор предлагает анализировать данное явление в терминах оппозиции признаков [+/-SPECIFIC], [+/-SINGULAR], [+/-PL].

П. де С в а р т («Маркированность падежей») применяет теорию оптимальности к языкам, в которых дифференциальное маркирование объекта используется для устранения неоднозначности грамматических функций. Приводятся примеры, показывающие, что даже в тех языках, где маркируются обычно лишь одушевленные объекты, например, в испанском и малаялам, при возникновении семантической неоднозначности аккузативное маркирование получают и неодушевленные объекты:

(9) испанский

A	la	difficuldad
acc	def.f	трудность
vence	el	entusiasmo
победить:3sg	def.f	энтузиазм

'Энтузиазм побеждает трудности'.

(10) малаялам

a.

Kappal	tiramaalakaL
корабль	волна.pl.acc
bheediccu	
поломать.pst	

'Корабль прорвался сквозь волны'.

b.

tiramaalakaL	kappaline
волна.pl	корабль.acc
bheediccu	
поломать.pst	

Такие случаи не учитываются в [Aissen 2003], где рассматривается модель, которая предсказывает возникновение маркирования на объекте только в случае нарушения иерархии маркированности. Автор предлагает ввести ограничения, связанные с семантической и морфологической различимостью партиципантов, а именно, если партиципанты не могут быть различены из семантических соображений, они должны получить морфологическое маркирование. При этом отмечается, что представления о мире влияют на семантическую различимость. Так, в сходных с 10a,b примерах *Огонь уничтожил хижину* и *Вода потушила огонь* пациенсы не маркируются аккузативом, поскольку синтаксические функции восстанавливаются тут из общих соображений. Далее автор формулирует систему ограничений в рамках двунаправленной теории оптимальности [Blutner 2000] – разновидности теории оптимальности, включающей в себя прагматические максимы.

Х. де Хооп и М. Ламерс («Инкрементальная различимость субъекта и объекта») исследуют переходные клаузы в немецком и голландском в рамках теории оптимальности и вводят набор (нарушаемых) ограничений, которые должны соблюдаться для различимости субъекта и объекта. Эти ограничения суть:

1) ПАДЕЖ: субъект должен стоять в номинативе, а объект – в аккузативе.
2) СОГЛАСОВАНИЕ: глагол согласуется с субъектом.
3) ОТБОР: субъект и объект должны удовлетворять селективным свойствам глагола (например, одушевленности одного из аргументов).
4) ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ: субъект находится левее объекта в клаузе.
5) МАРКИРОВАННОСТЬ: субъект превосходит объект в маркированности (одушевленности).

Дальше на нескольких примерах устанавливается ранжирование этих ограничений. Приводятся данные измерения потенциалов мозга, показывающие, что фразы, нарушающие много ограничений, вызывают большие трудности при восприятии. Набор ограничений, вводимых авторами, носит модельный характер и обслуживает лишь простейший случай клаузы с двумя партиципантами. Так, ни трехвалентный глагол, ни клаузы с обстоятельством, маркированным падежом, не поддаются анализу с помощью такой системы ограничений.

В. Падеж и типология транзитивности. С. Киттиля («*Женщина показала младенца своей сестре*: о разрешении неоднозначностей, вызванных одушевленностью, в битранзитивных глаголах») обращает внимание на то, что в канонических битранзитивных событиях (например *Я дал книгу учителю*), семантические роли различаются из соображений одушевленности. Однако, если и реципиент, и тема – одушевленные, например, как в предложении, вынесенном в заголовок статьи, возникает неоднозначность. По способам разрешения этой неоднозначности языки можно разделить на выделяющие тему и реципиента. В языках первого типа тема остается прямым дополнением независимо от одушевленности денотата, в то время как в языках второго типа оформление прямого объекта получает реципиент, а маркирование (одушевленной) темы меняется. Статья основана на выборке из 15 языков, в основном, «экзотических».

О. Нэсс («Семантика падежа и противопоставление агенс-пациенс») исходит из того, что в современной типологии бытуют два подхода к функциям ядерных падежей; их можно назвать «дискриминаторным» и «индексирующим». Первая точка зрения заключается в том, что основная роль ядерных падежей – различать партиципантов двухвалентной клаузы. При таком подходе семантические свойства индивидуальных аргументов важны лишь постольку, поскольку они могут повлиять на различение синтаксических функций. «Индексиру-

ющий» подход заключается в том, что ядерные падежные показатели непосредственно отражают семантические свойства партиципантов клаузы. Так, например, показатель аккузатива не просто служит для различения прямого дополнения, а маркирует в типичной ситуации партиципантов с «пациентивной» ролью в данном событии. В статье приводятся многочисленные примеры, указывающие на то, что полный анализ должен принимать во внимание и индексирующий, и дискриминаторный аспекты.

В статье А.Л. Мальчукова «Параметры переходности и альтернации переходности: ограничения на одновременное варьирование» обсуждается взаимодействие между параметрами переходности, сформулированными в работе [Hopper, Thompson 1980], и альтернациями переходности (т. е. менами падежного маркирования партиципантов). Автор формулирует два общих принципа, которым подчиняется их взаимодействие: Принцип релевантности («Маркируй параметр переходности на той составляющей, к которой он относится») и Принцип иммунитета первичного актанта («Не меняй падежное маркирование первичного актанта»). Под первичным актантом подразумевается тот аргумент переходной клаузы, который кодируется как подлежащее непереходного глагола и формально не маркирован. Автор показывает, как различные ранжирования этих двух ограничений позволяют предсказать типологически распространенные схемы альтернации переходности.

Объектом статьи Ю.Е. Галяминой «Транзитивность в языке сонгай» является западноафриканский язык, носители которого живут в Мали и Нигере вдоль течения реки Нигер. Его генетическая принадлежность не вполне установлена. По классификации Дж. Гринберга, он представляет собой отдельную ветвь нило-сахарской семьи языков. В данной статье обсуждаются грамматические и семантические свойства транзитивности в говоре Гао языка сонгай. Автор показывает, что некоторые из семантических признаков, предложенных в работе [Hopper, Thompson 1980], влияют на переходность на уровне лексики. Более того, некоторые параметры влияют на выражение транзитивности на уровне клаузы. Автор кратко характеризует разные типы непроизводных глаголов в сонгай, выделяет несколько классов глаголов с неканоническими объектами и показывает, что у некоторых типов морфосинтаксически медиальных глаголов существуют общие семантические свойства. Кроме того, в статье обсуждается лабильность в сонгай.

Дж.А. Бродуэлл («Синтаксическая валентность, информационная структура и пассивные конструкции в языке какчикель») рассматривает один из языков майя, на котором говорят около полумиллиона человек в горах Гватемалы. В этом языке есть два вида пассива: обычный и пассив на *ki-*. Они обладают неожиданно различными синтаксическими свойствами. В статье выдвигается предположение, что эти два пассива различаются по своему коммуникативному значению. Автор показывает, что аргументами пассива на *ki-* могут быть только заранее введенные в дискурс ИГ, в то время как для обычного пассива таких ограничений нет. Автор отмечает, что данные какчикель свидетельствуют в пользу необходимости понятия грамматической конструкции.

Е.А. Лютикова и А.А. Бонч-Осмоловская («Очень активный пассив: функциональные параллели между пассивом и каузативом в балкарском языке») обсуждают необычные свойства пассивизации в балкарском языке, которые во многом сближают ее с каузативизацией. Показатель пассива может присоединяться к одноместным глаголам, при этом событие интерпретируется как каузированное внешней причиной. Кроме того, показатель пассива может присоединяться к основе несколько раз, авторы приводят примеры с тремя и даже четырьмя показателями пассива подряд. Итерированный пассив употребляется для введения в ситуацию агенса или каузатора. Он также используется для обозначения преднамеренности действия. Авторы предлагают диахроническое объяснение этому явлению.

А.Б. Летучий («Падежное маркирование, посессивность и синтаксические иерархии в хакасских каузативных конструкциях в сравнении с другими тюркскими языками») анализирует факторы, влияющие на маркирование показателем аккузатива партиципантов ситуации каузации в хакасском и некоторых других тюркских языках. Автор показывает, что известное правило Комри, «каузируемый занимает самую высокую вакантную позицию», не объясняет часть фактов в этих языках. Основной результат статьи – выделение иных существенных факторов. В хакасском на падежное маркирование влияют также прагматические свойства объекта в исходной конструкции, лексический класс и прагматические свойства каузируемого. В тувинском, кроме аргументной структуры глагола, существенна также определенность исходного объекта, а в алтайском и балкарском влияние оказывают порядок слов и падеж исходного объекта.

Е.Ю. Калинина, Д.И. Коломацкий, А.Н. Судобина («Показатели повышения транзитивности, взаимодействующие с семантикой глагола: данные уральских языков») анализируют актантную деривацию в марийском и коми-зырянском. В марийском показатель повышения транзитивности вводит внешнего агенса в глагольную аргументную струк-

туру. Авторы высказывают гипотезу, что все (непроизводные) марийские глаголы могут быть изначально неаккузативны. В коми же повышение транзитивности означает введение в аргументную структуру нового одушевленного партиципанта. Возможные семантические отношения между партиципантами зависят от лексической семантики глагола, и отнюдь не исчерпываются отношением каузации.

Х. Леман и Э. Ферхевен («Экстраверсивная транзитивация в юкатекском майя и природа апликатива») анализируют понятие апликатива. В современной англоязычной литературе термин *апликатив* применяется весьма широко: в работе [Dixon, Aikhenvald 2000] так именуется любая актантная деривация, переводящая периферийного партиципанта в прямой объект, а в [Peterson 1999] – вообще любая повышающая актантная деривация. В отечественной терминологической традиции апликативу придается несколько более узкое значение: ср. определение в [Плунгян 2003, ч. 2, гл. 3: 210]: «показатель, выражающий добавление аргумента с ролью бенефактива, адресата или экспериенцера».

Юкатекский майя располагает следующим средством транзитивации: к основе непереходного глагола присоединяется суффикс *-t*. Этот тип актантной деривации, который авторы называют экстраверсивом, весьма употребителен в юкатекском майя, однако он применим не ко всем глаголам. Для непроизводных глагольных корней возможность присоединить *-t* задана лексически. Авторам известны 150 корней, обладающих таким свойством. Помимо этих корней, *-t* облигаторно присоединяется к переходным глаголам, построенным с помощью инкорпорации или образования композита, а также к переходным глаголам с основами, заимствованными из испанского. Статистику по трем последним категориям авторы не приводят.

Авторы предлагают различить понятие апликатива и экстраверсива. Первый они определяют как продуктивную повышающую деривации, применимую и к переходным, и к непереходным глаголам. Экстраверсив же вводит прямой объект лишь у замкнутого класса непереходных глаголов. Деривацию, устраняющую прямой объект у замкнутого класса переходных глаголов, авторы предлагают назвать интроверсивом. В юкатекском майя интроверсив маркируется изменением тона в основе. Свидетельств того, что экстраверсив и интроверсив существуют в других языках мира, авторами не приводится.

В целом работы сборника позволяют читателю получить широкое представление о современных проблемах теории падежного маркирования ядерных ролей и актантной деривации. Эта книга будет безусловно очень полезна для лингвистов, занимающихся данной проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зализняк 1973 – *А.А. Зализняк*. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Курс общей морфологии. 2-е изд. М., 2003.

Aikhenvald et al. 2001 – *A. Aikhenvald, R. Dixon, M. Onishi* (eds). Non-canonical marking of subjects and objects // Typological studies in languages. 46. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. 2003. XXI. 3.

Amberber, de Hoop 2005 – *M. Amberber, H. de Hoop* (eds.). Competition and variation in natural languages: the case for case. London; New York, 2005.

Bhaskarao, Subbarao 2004 – *P. Bhaskarao, K.V. Subbarao* (eds.). Non-nominative subjects. V. 1–2. Amsterdam; Philadelphia, 2004.

Blutner 2000 – *R. Blutner*. Some aspects of optimality in natural language interpretation // Journal of semantics. 2000. 17.

Brandner, Zinsmeister 2003 – *E. Brandner, H. Zinsmeister* (eds.). New perspectives on case theory. Stanford, 2003.

Bruening 2001 – *B. Bruening*. Syntax at the edge: Cross-clausal phenomena and the syntax of Passamaquoddy. PhD diss. Cambridge (Mass.), 2001.

Dixon, Aikhenvald 2000 – *R. Dixon, A. Aikhenvald* (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.

Halle, Marantz 1993 – *M. Halle, A. Marantz*. Distributed morphology and the pieces of inflection // The view from the building 20 / K. Hale, S.J. Keyser (eds.). Cambridge (Mass.), 1993.

Hopper, Thompson 1980 – *P.J. Hopper, S.A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. 56.

de Hoop et al. 2001 – *H. de Hoop, O. Koeneman, I. Mulders, F. Weerman* (eds.). Effects of morphological case // Lingua 111, Special issue. 2001.

Kulikov, Vater 1998 – *L. Kulikov, H. Vater* (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70-th birthday. Tübingen, 1998.

Reh 1986 – *M. Reh*. Where have all prefixes gone? // Afrikanistische Arbeitspapiere. 1986. № 5.

Reuland 2000 – *E. Reuland* (ed.). Arguments and case: Explaining Burzio's generalization. Amsterdam, 2000.

Shibatani 2001 – *M. Shibatani* (ed.). The grammar of causation and interpersonal communicaton. Amsterdam, 2001.

Д.А. Эршлер

№ 4 2007

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Вторая международная конференция по когнитивной науке

С 9 по 13 июня 2006 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Вторая международная конференция по когнитивной науке / The Second biennial conference on cognitive science.

Конференция проходила под эгидой Международного общества когнитивной науки (Cognitive science society) и Российской Ассоциации когнитивных исследований при поддержке Правительства Санкт-Петербурга и продолжала начатую в Казани в 2004 году консолидацию мультидисциплинарного сообщества ученых, изучающих когнитивные процессы. Подготовка конференции потребовала объединенных усилий целого ряда научных, образовательных и административных учреждений, в чем главную роль играли Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет, несколько институтов Российской академии наук, Ассоциация искусственного интеллекта, Дрезденский университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге и ряд других учреждений. Председатель Программного комитета – Б.М. Величковский (Технический университет, Дрезден, и МГУ, Москва); сопредседатели – Т.В. Черниговская (СПбГУ, Санкт-Петербург) и Ю.И. Александров (Институт психологии РАН, Москва). Председатель Оргкомитета – Т.В. Черниговская. Председателем Президиума конференции был вице-губернатор Санкт-Петербурга С.Б. Тарасов, заместителями председателя – ректор СПбГУ академик РАО Л.А. Вербицкая и декан филологического факультета С.И. Богданов. Почетными членами оргкомитета были приглашены академики Н.П. Бехтерева, С.Г. Инге-Вечтомов, С.П. Капица, Ю.В. Наточин.

Казанский научный форум ознаменовался началом создания Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований, что и было завершено на Петербургской конференции; президентом Ассоциации был избран Б.М. Величковский, вице-президентом – Т.В. Черниговская.

Целью конференции была организация форума для представителей наук, исследующих познание, мышление, их эволюцию и биологическую, и социальную детерминированность, проблемы интеллекта, восприятия, сознания, представления и приобретения знаний, специфику языка как средства познания и коммуникации, мозговые механизмы познания и сложных форм поведения. К участию в конференции приглашались психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по искусственному интеллекту, нейроинформатике и компьютерной науке, философы, антропологи и другие ученые, занимающиеся когнитивными исследованиями. Рабочими языками конференции были русский и английский.

О масштабе петербургской конференции красноречиво свидетельствуют цифры: 518 докладов 782 авторов из 33 стран. Столь высокий интерес к конференции отражает современное стремление к интеграции дисциплин, ранее разделенных по разным отраслям знания, прежде всего психологии, физиологии, лингвистики, искусственного интеллекта, семиотики. Их движение навстречу друг другу в рамках когнитивной науки, особенно заметное на протяжении последних двух-трех десятилетий (впервые конференция по когнитивной науке состоялась в 1979 г. в Сан-Диего, США), объясняется потребностью в совместном исследовании познавательной системы человека на основе данных, полученных в разных научных областях. Не вдаваясь в философские и конкретно-научные корни так называемого «когнитивного поворота», или «когнитивной революции», отметим, что происходящий на наших глазах междисциплинарный синтез осуществ-

ляется под лозунгом объединения знаний о человеке и тесно связан с признанием «антропного фактора» не только в гуманитарных, но и в естественных науках.

Объединение разных дисциплин, однако, требует наличия общих концептуальных оснований, «общего языка», на котором их представители смогли бы говорить и понимать друг друга. Поиск такого общего языка и составляет важнейшую черту современной когнитивной науки; неслучайно организаторы санкт-петербургской конференции призывали к тому, чтобы присылаемые доклады представляли общенаучный, а не узкоспециальный интерес и отвечали критерию междисциплинарной понятности.

Высокий научный уровень конференции подтверждается участием в ее работе крупнейших отечественных и зарубежных специалистов. Честь открытия конференции принадлежала Н.П. Бехтеревой (Санкт-Петербург), выступившей с докладом «Магия творчества и психофизиология. Факты, соображения, гипотезы». Важнейшей частью конференции стали обзорные лекции ведущих мировых экспертов по когнитивным исследованиям, открывавшие и закрывавшие программу каждого дня. Среди приглашенных докладчиков – Р. Джекендофф (США), В.П. Зинченко (Москва), Ф. Крейк (Канада), Р. Лангакер (США), М. Лонг (США), И. Моэн (Норвегия), Н. Нерсесян (США), Дж. Риззолатти (Италия), М. Самс (Финляндия), Д. Слобин (США), Л. Талми (США), Р. Хари (Финляндия), К. Хугдалл (Норвегия), Н. Бишоф (Германия), Д. Бишоф-Кёлер (Германия) и другие.

Огромный интерес вызвали, в частности, лекция знаменитого американского специалиста по психолингвистике Д. Слобина (США) «Ребенок учится говорить: Проблема межъязыковых различий в соответствиях между формой и значением», посвященная проблеме усвоения детьми тонких семантических различий в межъязыковом аспекте, и выступления классиков американской когнитивной лингвистики Р. Лангакера, Л. Талми, а также Р. Джекендоффа, во многом разделяющего идейную платформу данного направления. Выступление Р. Лангакера (США) «Конъюнкция и дизъюнкция: Понятийная основа сочинительной связи» было посвящено интерпретации и описанию сочинительных конструкций английского языка в рамках разрабатываемой им концепции когнитивной грамматики. Лекция Р. Джекендоффа (США) «Социальная и культурная когниция», вопреки ожиданиям, принадлежала к области социальной психологии, а не лингвистики: автор выдвигал и обосновывал понятие социальной когниции, проводя параллели между усвоением набора «социальных знаний» и усвоением языка. Л. Талми (США) в своем докладе «Роль преобразований в эволюции языка» представил оригинальный взгляд на эволюцию языка, суть которой, как считает автор, сводится к преобразованию первоначально аналогового устройства в преимущественно цифровое. Проблема возникновения и эволюции языка в когнитивном аспекте была рассмотрена также Э. Ройландом (Нидерланды) в докладе «Эволюция языка и обусловливающие ее факторы». Лекция И. Моэн (Норвегия) «Просодия и мозг» была посвящена обсуждению гипотез, касающихся специализации полушарий головного мозга с точки зрения восприятия просодических характеристик речи. Две новые области пересечения интересов языковедческих дисциплин с когнитивной наукой были заявлены в докладах Б. Бара (Италия) и М. Лонга (США): в первом («Нейропрагматика и коммуникативные намерения: данные поведенческих экспериментов и мозгового картирования») речь шла о нейрофизиологических процессах, обеспечивающих распознавание коммуникативного намерения говорящего, во втором («Усвоение второго языка и когнитивная наука») – о перспективах взаимодействия между когнитивными исследованиями и работами в области усвоения второго языка. Лекции Н. Бишофа (Германия) «Экология мифа: к пониманию психологической функции космогонических нарративов» и Д. Бишоф-Кёлер (Германия) «Построение модели сознания "другого" и мысленное путешествие во времени: специфическая характеристика сознания человека» затрагивали наиболее обсуждаемые в последние годы в мировой гуманитарной науке вопросы, в частности проблему построения модели сознания «другого» как одну из центральных в дискуссии о происхождении сознания и языка, чему была посвящен и доклад Т.В. Черниговской (Санкт-Петербург) «Концепты, синтаксис и зеркальные системы для построения модели сознания "другого"».

Очень большой интерес вызвали доклады А.Е. Кибрика (Москва) «Когнитивно-ориентированная типология», А.В. Бондарко (Санкт-Петербург) «Понятие "категоризация" в сфере лингвистики», М.А. Кронгауза (Москва) «Время и пространство в русском языке: "спаренные" значения», В.Б. Касевича (Санкт-Петербург) «Некоторые вопросы отражения в языке пространственных отношений», Г.Б. Шабата и Г.Е. Крейдлина (Москва) «Теорема как вид текста: когнитивные операции и понятность» и лекция В.П. Зинченко (Москва) «Гетерогенез

творческого акта: непроизвольный вклад когнитивной психологии и психологии действия».

Учитывая количество и очень высокое качество докладов, отметить все, вызвавшие большой интерес и дискуссии, просто невозможно. Информация о конференции доступна на сайте Межрегиональной Ассоциации когнитивных исследований www.cogsci.ru/cogsci06/

Программа секционных заседаний была распределена по пяти параллельным «линиям» – название, заимствованное из топографии Васильевского острова Санкт-Петербурга, где расположен комплекс зданий СПбГУ. Внутреннее единство в рамках линий наблюдалось, впрочем, лишь отчасти, что было сделано намеренно с целью подчеркнуть многомерность когнитивной науки. Доклады конференции охватывали широкий спектр когнитивных исследований в таких областях, как нейрофизиология и нейропсихология, философия и теория искусственного интеллекта, лингвистика и психология, литературоведение и семиотика. Из направлений, имеющих непосредственное отношение к филологии, наиболее заметно были представлены психолингвистика (усвоение языка – родного и иностранного, билингвизм, ментальный лексикон, восприятие и порождение текста, нарушения речи при патологии), когнитивная лингвистика (концептуальная метафора, языковая категоризация мира, культурные концепты, когнитивные модели полисемии), анализ дискурса, когнитивная поэтика.

Кроме устных пленарных и секционных докладов, на конференции работали стендовые секции и круглые столы. Было организовано два конденсированных учебных курса: по искусственному интеллекту – Л. Перловски (США) «Объединяя язык и когницию: Новые достижения в создании искусственного интеллекта»; и нейролингвистике – С.М. Лэм (США) «Анатомия языка».

Один день конференции был целиком посвящен работе специализированных симпозиумов, в том числе: «Эмоции, билингвизм и когнитивные механизмы», рук. В. Соловьев (Казань) и А. Павленко (Монреаль); Ярбусовский симпозиум «Движения глаз, познание и коммуникация», рук. Б.М. Величковский (Москва–Дрезден) и К.-Й. Райха (Дрезден); «Когнитивные аспекты создания онтологии», рук. Т.А. Гаврилова (Санкт-Петербург); Симпозиум по сегментации поведения, рук. К.В. Анохин (Москва) и А.А. Кибрик (Москва); «Понятия, знания и рассуждения. Решение задач и проблем», рук. О. П. Кузнецов и В. Ф. Спиридонов (Москва); «Творчество в контексте когнитивной науки», рук. Д.В. Ушаков (Москва); Мемориальный симпозиум памяти Т.П. Зинченко «Экспериментальные исследования перцептивных и мнемических актов», рук. В.П. Зинченко (Москва) и В.М. Аллахвердов (Санкт-Петербург).

Завершилась конференция официальной процедурой присуждения Дж. Риззолатти (Италия) звания почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета и его лекцией «Зеркальные системы и эволюция языка». Дж. Риззолатти – лауреат многочисленных международных премий, президент Итальянской ассоциации нейронаук, член многих академий, в том числе Академий наук Америки и Франции, почетный доктор ряда университетов. Открытие Риззолатти зеркальных нейронов и в целом зеркальных систем в мозгу дало совершенно новый взгляд на принципиальную важность имитации и даже самого факта фиксации действий другого в нервной системе для когнитивного развития в фило- и онтогенезе и для возникновения языка и рефлексии как основ коммуникации и сознания человека. Все это показывает, на основе чего развился мозг, готовый для функционирования языка. Исследования Риззолатти обсуждаются в последние годы не только физиологами, но и психологами, лингвистами и философами в академической и научно-популярной публицистике как одно из крупнейших открытий конца XX века в области эволюции сложного поведения и происхождения языка.

Т.Г. Скребцова, Т.В. Черниговская
(Санкт-Петербург)

Конференция «Celto-Slavica-2»

С 14 по 17 сентября 2006 г. в Москве проходила организованная филологическим факультетом МГУ и Институтом языкознания РАН конференция общества «Celto-Slavica-2». В работе конференции приняли участие ученые из Ирландии и Германии, Швеции и США, а также их российские коллеги. Представленные доклады можно разделить на две основные группы: для одних в центре внимания были история и/или мифология кельтских народов, для других – их язык. Наш обзор посвящен второй группе сообщений.

Первым докладчиком на конференции стал Ф. Юсефсон (Гётеборг, Швеция), обратив-

шийся к проблеме функций древнеирландских префиксов *com-*, *ad-*, *ro-* и их параллелям в славянских языках. В древнеирландском языке при глаголе было возможно употребление множества префиксов, которые, как и в русском языке, меняли значение глагола. Однако некоторые префиксы, не изменяя глагольной семантики, меняли собственно вид и наклонение глагольной формы, сообщая ей либо значение потенциальной возможности, либо результативности или перфектности. Например: *gabaid* 'берет', *gabais* 'брал, взял', *ro-gab* 'взял'. Аугментная частица *ro* (из и.-е. **pro-*) координирует действия во времени по отношению друг к другу и тем самым создает не только оппозицию «претерит – перфект», но и оппозицию «перфект – плюсквамперфект» (отметим, что древнеирландский претерит также несет в себе идею завершенного действия). Эта приставка может сочетаться и с презентными основами, и с основами субъюнктива, сообщая дополнительный смысловой нюанс: действие могло или может быть совершено. Аналогичные функции могут исполнять и другие частицы – *co(m)*, *ad*. По мнению докладчика, аналогичные аспектуальные функции исполнял и латинский префикс *pro-* (как и хет. клитика *kan*). Эта же частица *pro-*, как показал Ф. Юсефсон, исполняет те же функции и в славянском глаголе, сообщая ему не только дополнительный смысл (завершения действия), но и меняя видо-временную систему в целом. В то же время, как отметил докладчик, указанные префиксы привносят в семантику глагольной основы особые смысловые нюансы, эквивалентные уже не столько глагольным, сколько именным категориям, а именно – аллатива (направление в заданную точку) и аддесива (пребывание возле чего-л.).

Вторым докладчиком был В.А. Дыбо (Москва), предложивший собственную концепцию развития индоевропейских слоговых плавных и носовых в итало-кельтских языках. Традиционная концепция Х. Педерсена о двух рядах развития и.-е. слоговых сонантов (*ra, la... ~ ar, al...*) в последние годы была частично оспорена, в основном в работах К. Шмидта и К. МакКона, которые отрицали закономерность развития второго ряда слогов, не видя достаточной регулярности в их образовании и, более того, подвергая сомнению и саму очевидность соответствующих этимонов. В.А. Дыбо отметил, что *ar, al* появляются в позициях, соответствующих балто-славянской и, вероятно, индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, т.е. в корнях, которые в большем числе словоформ должны были характеризоваться нисходящим движением тона. Рефлексы типа *rā, lā*, напротив, отражали резко восходящий характер акцента, давшего в балто-славянском доминантный акут.

После В.А. Дыбо с кратким сообщением выступила Ю.В. Норманнская, рассказавшая об особенностях цветовой гаммы в островных кельтских языках. В отличие от распространенной у других и.-е. народов так наз. «желто-зеленой» гаммы (при которой часто обозначения желтого и зеленого тона восходят к одной основе с разными огласовками), ирландцы и валлийцы (по данным языка) объединяют на уровне цветового восприятия и наивного членения спектра синий и зеленый. По предположению докладчицы, такая аномальная система явилась результатом калькирования данными языками на раннем этапе развития соответствующей цветовой системы доиндоевропейского населения Британских островов. В качестве возможной кандидатуры Ю.В. Норманская предложила финно-угорскую цветовую систему. Этот доклад нашел затем свое продолжение в докладе В. Напольских, который состоялся на следующий день, и также затронул важную для кельтологии тему – предположительную этническую атрибуцию докельтского населения Ирландии и Британии.

После небольшого перерыва пленарное заседание продолжило свою работу. Согласно плану организаторов конференции, вся вторая часть вечернего заседания должна была быть посвящена проблеме перфекта в кельтских языках и их возможным параллелям с языками славянскими. Поэтому в программу были включены три доклада, в названиях которых стояло само слово «перфект». Однако в ходе слушания докладов стало ясно, что сам подход к понятию «перфект» у разных исследователей различается в зависимости от того, диахронический или синхронный подход господствует в их работе. Так, Н. О'Шей, отчасти продолжающая идею Ф. Юсефсона, явно понимала перфект как краткое действие, свершившееся в прошлом. Не случайно в своем исследовании собственно фонологических процессов, приведших к образованию форм, традиционно называемых перфектными в древнеирландском, она опиралась на классический труд К. Уоткинса о сигматическом аористе. Особенно интересными в ее докладе была теория о форманте *-s-*, видимо, изначально имеющем дейктические функции, но затем вводимом в глагольную основу для маркировки именно прошедшего времени (усл. – «петь-вот»).

Доклады А. О'Корраня (Университет Ольстера) и В. Байды (аспиранта филологического факультета МГУ) были посвящены анализу перфекта скорее как результатива. Так, в современных островных кельтских язы-

ках существует только аналитический перфект, причем развивается он по двум основным линиям. Первая восходит к формам пассива, причем при отсутствии глагола «иметь» в кельтском так наз. «посессивный перфект» оформляется как «есть X сделанное у У». Второй путь – образование так называемых «послеперфектов»: «есть У после делания X» (по этой модели образуются перфекты в шотландском, в донегольском диалекте ирландского и в валлийском). Интересным показалось наблюдение В. Байды о том, что в современном русском языке аналогичную функцию могут выполнять синтаксические конструкции типа: *Я был после ванны* (с выраженной предикативностью существительного, выражающего скорее процесс). Оба доклада об аналитическом кельтском перфекте вызвали оживленную дискуссию; тема явно ждет своего продолжения.

На следующий день, 15 сентября, заседания проходили также в Институте языкознания и органично распределились по двум основным секциям: «лингвистика» и «мифология и история». Изначально, когда работа по организации конференции только начиналась, оргкомитет ее возглавлял С.А. Старостин, готовивший большое итоговое выступление, посвященное проблеме места кельтских языков в индоевропейской семье по данным глоттохронологии. К сожалению, 30 сентября 2005 г. его не стало. Но его идеи нашли свое продолжение в работе конференции. Утреннее заседание было посвящено его памяти, а его идеи были подтверждены скрупулезнейшим исследованием чешского лингвиста В. Блажека, который, сравнив не только данные островных кельтских языков, но и фрагментарный материал языков континентальных (в основном – галльских диалектов), пришел к тем же выводам и тем же датам: время распада кельтской семьи датируется им 1100 г. до н.э. (по неопубликованным расчетам С. Старостина – 1150 г.). Эта же тема была продолжена в докладе Е. Париной (Москва). В нем отмечалось, что стословный список (а вернее, 110-словный, поскольку именно такое число входов имеет так называемый стословный список в стандартной компаративистской процедуре в системе Starling, составленной С.А. Старостиным) имеет несколько возможных применений – с одной стороны, для вопросов глоттохронологии важно найти в языке множество лексем со значением, приблизительно соответствующим английским словам-стимулам из списка, с другой стороны, с точки зрения исторической семантики в каждом языке в конкретный период его развития интересно найти основное слово для каждого слова-стимула. Попытке составить такой список для современного валлийского языка на основании опроса информантов и анализа словарей и был посвящен доклад Е. Париной.

Бриттским языкам был посвящен также доклад П. Иосада (МГУ). В нем была рассмотрена актуальная в современной кельтологии проблема так называемой второй бриттской ленции – возникновения глухих спирантов. Рассмотрев аргументы предшественников, докладчик, работающий в рамках теории оптимальности и привлекший широкий материал других языков для основания вероятности или невероятности постулируемых фонетических процессов, показал важность фактора просодии в объяснении происхождения глухих спирантов в бриттских языках.

Доклады К.Г. Красухина (Москва), М. Живлова (Москва) и Р. Матасовича (Загреб) были посвящены этимологии отдельных кельтских лексем или лексических полей. К.Г. Красухин представил свои комментарии к готовившемуся им к печати и появившемуся со времени проведения конференции изданию «Словаря кельтских теонимов» покойного В.П. Калыгина, одного из основателей общества «Celto-Slavica». М. Живлов обосновал этимологию общекельтской основы **dago-* 'хороший' как метатезы и.-е. **$g^h eh_2 d^h$-*, к которой восходят также прагерманское **gōda-* 'хороший', а также праславянское **godъ* 'время, год', приведя многочисленные надежные примеры метатезы, засвидетельствованные в других индоевропейских языках. Р. Матасович провел этимологический анализ лексем, обозначающих в кельтских языках 'солнце' и 'луну', что дало ему возможность сделать некоторые выводы об отношении древних кельтов к небесным светилам.

В докладе Н. Пименовой (Москва) была сделана попытка показать общность происхождения рунического и огамического алфавитов. Данное предположение для кельтологов выглядит достаточно смело, т.к. традиционно считается, что огамическое письмо возникло уже в Ирландии, причем примерно во 2 или 3-м вв. н.э., т.е. при условиях, когда контакты с германскими племенами были сведены к минимуму. Однако проведенное докладчицей сопоставление традиционного членения на группы знаков огамического алфавита и футарка выглядит чрезвычайно убедительным. Принятие гипотезы Н. Пименовой, естественно, отодвигает дату изобретения огама на несколько столетий, что в принципе не кажется невозможным. Местом возникновения огама в таком случае должны быть прирейнские области, главная зона кельто-германских контактов. В таком случае, однако, представляется стран-

ным, что ничего подобного огамическим знакам не встречается в галльской эпиграфике.

В докладе А. Мурадовой (Москва) была рассмотрена система цветообозначений в бретонском языке, на широком фольклорном материале показаны коннотации основных цветов, среди которых особую роль играет красный. Привлечение данных других кельтских языков позволило рассмотреть связь красного цвета и фигуры отца, правителя.

Сообщение В. Напольских (Ижевск) было посвящено протосаамам, в языке которых наблюдается множество лексем, не имеющих надежных уральских этимологий, а также не идентифицирующихся как заимствования из индоевропейских языков, с которыми протосаамский контактировал. Характер этой лексики позволяет с уверенностью предположить, что она восходит к досаамскому субстрату. Рассмотрев раннюю археологическую историю Европы, докладчик осторожно предположил, что тот же субстрат можно постулировать и для Британских островов. Проблеме субстрата также был посвящен доклад М. Зеликова (Санкт-Петербург), который предлагает видеть во многих лексически и синтаксических особенностях кельтиберского, а также других континентальных языков влияние баскского субстрата.

Проблемам языковых контактов, хотя и другого периода, была посвящена и презентация Х. Тристрам (Фрайбург, Германия), которая представила собравшимся завершившийся проект «Celtic Englishes». По ее замечанию, тема взаимного влияния английского и кельтского языков лишь в последнее время стала получать достаточное внимание исследователей, при этом преимущественно не на Британских островах, а в Европе. Под ее руководством в Потсдаме было проведено четыре конференции, посвященные особенностям английского языка, возникшим, предположительно, в результате контактов его с кельтскими языками, а также особенностям современных кельтских языков, вызванным продолжительным влиянием английского языка.

Т.А. Михайлова, Е.А. Парина
(Москва)

Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» Алупка–Херсонес

22–26 сентября 2006 г. в Алупке–Херсонесе (Крым) состоялась Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева». Организаторами конференции, которая прошла в Алупкинском государственном дворцово-парковом музее-заповеднике, выступили Российская академия наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Национальная академия наук Украины. Была также оказана поддержка в проведении этого мероприятия со стороны Администрации г. Севастополя, Черноморского филиала МГУ и Комиссии по науке и образованию Государственной Думы РФ.

Открыл конференцию директор Алупкинского государственного дворцово-паркового музея-заповедника К.К. Касперович. С приветственными обращениями к конференции выступили атташе генконсульства РФ в Симферополе А.И. Релкин, представитель Международного фонда славянской культуры Т.Л. Миронова, директор Киевского славистического университета О.В. Прискока, депутат Государственной Думы А.Н. Крутов, член Президиума Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения Н.И. Кикешев.

За время работы конференции было заслушано 38 докладов ученых из России, Украины, Белоруссии, Польши, Словакии. Тематика докладов и сообщений определялась широким кругом научных интересов академика О.Н. Трубачева.

Доклад К.П. Смолиной (Москва) «Держава в контексте глобально-мировых современных процессов и конкретно-исторических языковых изменений» был посвящен анализу слова *держава* как геополитического и лингвистического понятия в разные периоды развития истории и культуры славян. На конкретном материале показана богатая семантика русского слова, особенности смыслового развития этого слова в других славянских языках и тесная связь восточнославянской лексики между собой.

В докладе В.К. Щербина (Минск) «Словарный мир академика О.Н. Трубачева (по данным библиометрического анализа словарных ссылок в работах ученого)» на материале более ста научных статей раскрыто исключительное богатство и разнообразие словарного мира О.Н. Трубачева, в работах которого об-

наружены ссылки более чем на 200 словарей и справочников на 53 языках мира. Эти данные позволяют дополнить представление об исследовательских методах и секретах творчества Олега Николаевича как выдающегося ученого и лексикографа.

В ряде выступлений внимание докладчиков было привлечено к личностям ученых, с именами которых была тесно связана деятельность Трубачева. Доклад О.В. Прискоки (Киев) был посвящен М. Фасмеру и его грекославянским этюдам в свете современного состояния изучения лексики старославянского языка и сопровождался большим количеством ярких примеров. Т.А. Исаченко (Москва) представила доклад «Диалог ученых: академик Трубачев – профессор Мурьянов». Л.В. Чекурин (Рязань) выступил с докладом «Северное Причерноморье в трудах русских историков».

В. Манчак (Краков, Польша) в докладе «Откуда пришли готы в Причерноморье?», сравнивая фрагменты Евангелия и Библии на разных германских языках, делает единственный, с его точки зрения, вывод: вопреки Йордану прародина готов находилась не в Скандинавии, а в самой южной части древней Германии.

М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов (Москва) в докладе о статье С.Б. Бернштейна «Из истории болгарской колонизации Крыма» из неопубликованного сборника к 70-летию ведущего советского слависта академика Н.С. Державина (1877–1953) указывают на то, что статья как бы открывала собой многочисленные исследования ученого в области болгарской диалектологии и истории четырех основных волн болгарской колонизации на юге России. С.Б. Бернштейн специально остановился на характеристике болгарских поселений в Крыму. Как лингвист, С.Б. Бернштейн отметил лексические и фонетические различия в говорах этих поселений, указав на противоположные мнения по этому вопросу в литературе. Привлекая внимание к интересной статье С.Б. Бернштейна, авторы доклада надеются побудить местных исследователей к решению поставленных, но нерешенных им до конца проблем: о происхождении и особенностях языка старокрымских болгарских поселенцев в их развитии и истории их непростой адаптации на новой территории.

В докладе О.А. Черепановой (Санкт-Петербург) «Культурная память в древнем и новом слове: ПУТЬ и ДОРОГА в "Слове о полку Игореве" и других древних памятниках» сравниваются две лексемы в связи с их встречаемостью в памятниках письменности, с преимущественным вниманием к «Слову о полку Игореве». Именно в этом памятнике из числа оцениваемых как древнейшие отмечается факт употребления один раз слова *дорога*, тогда как более активно это слово используется в древних текстах лишь с XIV–XV вв. Сделана попытка объяснить единичность появления слова *дорога* в «Слове о полку Игореве». Наиболее важными причинами представляются следующие: 1) слабая валентность слова *дорога* по сравнению со словом *путь*; 2) разработанность (символическая и метафорическая) концептуального понятия «пути»; 3) лингвокультурная ситуация, согласно которой слово *путь* связано с миром русичей, а конкретное слово *дорога* было применено в отношении врагов-половцев и «дикого поля» – Причерноморских степей, откуда совершались набеги.

Два автора из Словакии посвятили свои доклады проблематике словацкой гидрономии, в частности анализу происхождения форманта *-ава*. Ю. Гладкий (Трнава) в докладе «Праславянская лексика в самой старой гидронимии Западной Словакии» анализирует старинный словацкий топоним *Нитра/Нитрава*, который до сих пор выступает в словацком языке в качестве гидронима и ойконима. Существует старейшее толкование В. Шмилауера, отсылающее к дославянской и.-е. основе со значением 'вода', и недавнее толкование словацкого этимолога Ш. Ондруша, предлагающего версию происхождения от славянской, праславянской основы со значением 'разжигать'. Тогда, в первом случае следует предполагать первичное использование слова как гидронима, а во втором – как ойконима (как названия населения на сожженной земле). Исторический формант *-ава* в гидронимии традиционно возводится к др.-герм. слову *ahwa*, хотя он широко распространен в лексике всех славянских языков (например: в современной Словакии в названиях *Орава, Ондава* и т.д.). В докладе также анализируется возможность влияния венгерского языка на изменение форманта *-ава>-ва* в X–XII вв. А. Заводный (Трнава) в своем докладе «Праславянские параллели в гидронимии словацкого Загорья», касаясь проблематики топонимического форманта *-ава* в словацкой гидронимии со взглядом на его происхождение и использование в славянской и словацкой гидронимии, также считает, что более вероятным представляется его толкование как праславянского суффикса, варианты которого нужно искать еще в праславянском периоде. Распространение форманта *-ава* в словацкой гидронимии документируется на специальной карте.

Доклад А.Л. Хорошкевич (Москва) «История русско-крымско-литовских отношений начала XVI в. в "Записках о Московии" Сигизмунда Герберштейна» был посвящен

посреднической миссии имперского посла С. Герберштейна, способствовавшей урегулированию отношений самого восточного европейского государства Русского с его западным соседом Великим княжеством Литовским, Жемайтским. В центре внимания Герберштейна военные отношения указанных государств и их желание использовать крымских татар для внезапных набегов, их военные хитрости. При этом подчеркивается зависимость крымцев от торговли с «москвитянами» и констатируется конфликт политических и экономических интересов и «Крыма», и «Литвы».

Т.М. Фадеева (Москва) в докладе «Соколиная башня в Бахчисарае, или Ловчие птицы в торговле Севера и Юга в XIII–XV вв.» рассказала о самом редком и дорогом товаре между Севером и Югом – ловчих птицах. Это был царский дар, который почти не попадал на рынок. Соколиная охота была непременным атрибутом королей, князей и владетельных особ, которые появлялись публично с соколом на рукавице правой руки. Соколы и кречеты приобретали значение живого геральдического обозначения знати. Памятником соколиной охоте высится и сегодня в дворцовом ансамбле крымских ханов в Бахчисарае Соколиная башня.

Г.А. Богатова (Москва) в своем докладе сделала обзор трудов О.Н. Трубачева по Северному Причерноморью и Крыму, связав их характеристику с проектами программы «Историческая память России» (1994–2000, 2001–2005, 2006–2010). А.К. Шапошников (Коктебель–Москва) представил библиографию переизданных за два последние года работ академика О.Н. Трубачева.

И.М. Железняк (Киев) в докладе «К проблеме словенско-восточнославянских топонимных параллелей» освещает топонимные параллели Словении и Белоруссии, свидетельствующие о древних миграциях славянских племен и о возможном заселении современной Словении не только из Припятского региона (Ф. Безлай), а гораздо севернее – с Псковщины.

И.Г. Коновалова (Москва) в докладе «Город *РУСИЙА* в XII–XIV вв. К вопросу о топонимии с корнем *РОС-* в Крыму и Приазовье» привела сведения арабской географии о городе *Русийа*, который был известен как важный навигационный пункт и реальный географический объект, локализуемый на западном берегу Керченского пролива. В сочинениях арабских авторов XIV в. Абу-л-Фиды и ад-Димашки известия о городе *Русийа* стали ассоциироваться с рассказами о русах, но не с современными им данными о Руси, а с информацией, восходящей к арабским источникам IX–X вв., и перешли в разряд «книжных» известий.

А.К. Шапошников (Москва) в докладе «Неиндоиранское в Скифии и языковые реликты раннепраславянского облика» представил этимологии и толкования языковых реликтов неиндоиранского облика из Северного Причерноморья и уделяет особое внимание примерам, имеющим раннепраславянский облик.

В докладе В.Ю. Франчук (Киев) о роли этимологических разысканий А.А. Потебни для современных словарей отмечается, что несмотря на некоторые устаревшие в отношении ряда слов этимологии Потебни, по-прежнему вызывает восхищение широта привлекаемого материала при объяснении происхождения слов. До сих пор не утратила значения статья Потебни «О доле и сродных с нею существах», опубликованная в 1867 г. Также обращено внимание, что еще недостаточно использованы этимологии автора, встречающиеся в его грамматических трудах.

В докладе В.П. Шульгача (Киев) «К проблеме лакун в этимологических словарях праславянских лексических древностей» говорится *о полноте презентации иллюстративного* материала того или иного архетипа («полноты сведений о словах и их ареалах», по замечанию О.Н. Трубачева) и отсутствии целых лексико-словообразовательных микросистем (или их составляющих фрагментов). Этимологическое гнездо с корнем **bъlz-*, которое в сфере антропонимии представлено двумя десятками цельнооформленных праславянских лексем (**Bъlza, *Bъlzakъ, *Bъlzanъ* и под.) объясняет происхождение летописного топонима *Белз*, известного с 1030 г. На основе качественного аблаута исходные **bъlza* ж., **bъlzъ* м. соотносятся с псл. **bolza* ж., **bolzъ* м., также выпущенными из поля зрения составителями этимологических словарей праславянских лексических древностей.

С.О. Вербич (Киев) выступил с докладом *«Апелятивная лексика украинских Карпат и* праславянский словник». В докладе М.С. Милоановой (Москва) «О праславянском слове **prokъ* и понятии «горизонт»» была предложена гипотеза о существовании одного из значений праславянского слова **prokъ* – указание на некую действительно существующую или представляемую линию (край). Т.Л. Миронова (Москва) в докладе «Лексема *покаяние* в контексте древнеславянской языческой культуры» оперирует примерами из древнейших текстов славянских переводов Св. Писания, вскрывающими технику присвоения древним языческим понятиям христианских богословских смыслов.

Доклад Н.В. Колгушкиной (Рязань) «Украина в жизни русских славистов И.И. Срезневского (1812–1880) и О.Н. Трубачева (1930–2002)» привлекает внимание к работам И.И. Срезневского в связи с зарождением у него интереса к духовной культуре украинского народа и появлением идеи составления этимолого-этнографического словаря славянских языков и показывает, как не потерявшая со временем своей актуальности идея нашла воплощение в научной деятельности О.Н. Трубачева, тоже имевшего в своей биографии связи с Украиной, что, возможно, способствовало пробуждению его интереса к славянским языкам. Как известно, О.Н. Трубачев – активный участник создания и главный редактор вышедших 30-ти томов «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд».

Л.В. Табаченко (Ростов-на-Дону) выступила с докладом «Глаголы *достояти* и *достоити* в истории русского языка». Частое употребление безличной формы *достоить*, образованного от глагола *достояти* в значении «приличествовать, подобать» привело к вычленению глагольной основы *достои-(ти)*, причем подобный инфинитив в памятниках письменности не зафиксирован. Прилагательное *достоинъ* образовано от существительного *достой* «достоинство», существовавшего в праславянском языке.

Были заслушаны также доклады А.П. Лободанова (Москва) о славянских наименованиях Италии и итальянцев, Н.В. Дмитриевой (Москва) о римских святых единой соборной апостольской Церкви, Е.П. Осиповой (Рязань) о проблеме лингвистического членения Рязанской области на материале лексики, Н.К. Онипенко (Москва) о семасиологических идеях О.Н. Трубачева и семантической истории слова воочию, Н.В. Масленниковой (Москва) о выдающейся роли св. равноапостольного князя Владимира в Крещении Руси. С сообщениями выступили Г.А. Ореханова (Москва), Н.А. Мумладзе (Москва). Был продемонстрирован телефильм Ю.М. Лощица «Торжество и смерть в Риме» и представлена его книга «Славянские святцы». Были показаны фильмы об О.Н. Трубачеве – «Слово о вечном» и «Встреча».

Тезисы докладов, прозвучавших на конференции, а также тезисы тех исследователей, которые приняли в ней участие заочно, опубликованы к открытию конференции[1]. Сборник докладов предполагается выпустить в электронной версии.

В.С. Степанова
(Москва)

---

[1] См.: Северное Причерноморье: К истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Международная конференция. Алупка–Херсонес. 22–26 сентября 2006 г. Киев; М., 2006.

Вторые Ярцевские чтения в Институте языкознания РАН

В Институте языкознания РАН 2 ноября 2006 года состоялись Вторые лингвистические чтения, посвященные памяти Виктории Николаевны Ярцевой. В 2006 г. отмечается столетие со дня ее рождения. Первые Ярцевские чтения, прошедшие в 2003 г., привлекли большое внимание специалистов и сопровождались выпуском содержательного сборника статей. Тема нынешних чтений «Аналитизм в языках различных типов – сорок лет спустя» содержала отсылку и к другой годовщине. Имеется в виду коллективная монография «Аналитические конструкции в языках различных типов», вышедшая в 1965 г. по материалам организованных Институтом (при активном участии Ярцевой) конференций в Москве и Ленинграде. Именно в это время в отечественной лингвистике произошел окончательный отход от стадиальной трактовки «аналитического строя» как основополагающего принципа, определяющего некоторый язык в целом. Аналитические конструкции были признаны элементом, присутствующим в языках самого разного типа, наряду с иными способами выражения; была подчеркнута их решающая роль в грамматикализации – постоянном процессе перехода от полнозначных слов к грамматическим показателям. Вполне логично, что и сам аналитизм предстал не как дискретное явление, а как континуум между сочетанием полнозначных слов и морфологически связной формой. Обозначение периода в сорок лет носит не мемориально-юбилейный, а скорее актуально-проблемный характер. Целью конференции было сравнить вопросы, стоявшие перед исследователем аналитических конструкций и аналитического строя, в две эпохи отечественной лингвистики, представить новый «срез» этой проблематики.

Как и сорок лет назад, конференции сопутствовал сборник статей (не кратких тезисов, а именно полноценных текстов), присланных в оргкомитет. Сборник издан под редакцией председателя оргкомитета конференции профессора Д.Б. Никуличевой; на чтениях произошла презентация только что вышедшей книги. Фактически это логично выстроенная коллективная монография (18 печатных листов)[1], сгруппированная по нескольким тематическим разделам: «Актуальные проблемы современной теории аналитизма», «Семантические и когнитивные аспекты аналитизма», «Развитие диахронической константы к аналитизму в истории германских языков», «Новейшие аналитические тенденции в современных германских языках», «Аналитизм в кельтских языках», «Своеобразие проявлений аналитизма в неиндоевропейских языках». Уже из этого перечня видна некоторая «германистическая» ориентация материалов сборника: это не случайно, и не только потому, что чтения были организованы сектором германских языков РАН. Именно на материале германской группы был впервые выделен и больше всего обсуждался аналитизм в языке, и именно германистами были классики теории аналитических конструкций у нас в стране (А.И. Смирницкий, В.М. Жирмунский, сама В.Н. Ярцева). Вместе с тем хорошо в сборнике представлена и общетеоретическая, и типологическая проблематика. Однако и состав, и композиция чтений были несколько другими: прежде всего, из соображений времени не все авторы сборника были включены в программу однодневной конференции в качестве докладчиков (в сборнике 31 статья, а на чтениях было 14 докладов, или, если считать открытие чтений, 18 выступлений); с другой стороны, статьи выступавшей на чтениях Н.Л. Огуречниковой в сборнике нет, и не во всем доклады совпадали с опубликованными текстами. Поэтому чтения были вполне самостоятельным научным событием, о котором следует рассказать отдельно.

Конференция делилась на три части. Открытие плавно перетекло в утреннее заседание, на нем обсуждались общетеоретические и типологические проблемы аналитизма, часто с ретроспективными отсылками к сборнику 1965 года. Дневное заседание было посвящено германистике, проблемам аналитизма в древних и новых языках этой группы. Вечернее заседание, первые два доклада которого были посвящены негерманским языкам, а последние два касались когнитивных механизмов аналитизма в языке и мышлении, с одной стороны, «подхватывало» теоретические вопросы утреннего заседания, а с другой стороны, представляло когнитивный подход к языковым явлениям (еще не разработанный в 1960-е годы; во вступительной статье Д.Б. Никуличевой к сборнику подчеркивается важность включения известных об аналитизме фактов в новую парадигму, пришедшую на смену господствовавшему в 1960-е годы структурализму). Чтения были выстроены так, что между двумя соседними выступлениями часто имела место тематическая перекличка, отмечавшаяся подчас самими докладчиками.

Чтения открыли своими выступлениями директор ИЯз РАН, член-корреспондент РАН В.А. Виноградов, доктор филологических наук Н.Н. Семенюк, зав. сектором германских языков института Н.С. Бабенко и председатель оргкомитета проф. Д.Б. Никуличева. В их выступлениях немало говорилось не только о проблематике чтений, но и о том, что не нашло специального отражения в сборнике – о личности Виктории Николаевны, ученого и организатора науки, главного редактора «Лингвистического энциклопедического словаря» и основателя серии «Языки мира». С того или иного личного воспоминания о Ярцевой начинали свои доклады и многие участники чтений. Завершая открытие и предваряя собственно конференцию, Д.Б. Никуличева выступила с обобщающим выступлением «Проблемы аналитизма – диалог через десятилетия».

Утреннее заседание началось с доклада А.Л. Зеленецкого (Калуга) «Аналитический строй языка и гетеротипологичность языковых микросистем». Под гетеротипологичностью языковой микросистемы подразумевается сочетание разных языковых типов в пределах одного элемента (парадигмы) языковой системы; например, сосуществование изолирующих показателей (таково, фактически, русское сослагательное наклонение, где *бы* из формы глагола *быти* превратилось в неизменяемую, свободно переставляемую транскатегориальную частицу), аналитических конструкций классического типа и флективного словоизменения. При усилении в таком языке изолирующих тенденций (как в африкаанс, где утрачено словоизменение в аналитических формах претерита – бывшего перфекта – и пассива) наблюдается формальная и семантическая специализация некоторых аналитических показателей, отрыв их от полнозначных

[1] Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н. Ярцевой, Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск II. М.; Калуга, 2006. Приходится сожалеть о небольшом тираже – 200 экземпляров.

словоформ, с которыми они связаны этимологически. При этом вспомогательные глаголы, имеющие полнозначные употребления (немецкое *haben*, английское *have*), сохраняют традиционное германское флективное спряжение. Аналогичные принципы характерны для микросистем артикля и личных местоимений в германских языках. Причем в отдельных фрагментах грамматики степень «продвинутости» в сторону аналитизма и изоляции может быть сильнее, чем в языке в целом; так, немецкая морфология в целом «синтетичнее» английской, однако так называемое склонение немецкого существительного в тех типах, где нет показателя генитива -(*e*)*s* и вся морфологическая нагрузка лежит на артикле, оказывается ближе к изоляции, чем в английском, где *'s* возможно при любом существительном (правда, как известно, это не совсем классический флективный показатель).

Доклад сотрудника ИЯз К.Я. Сигала (Москва) был посвящен нечасто рассматриваемой проблеме аналитизма в синтаксисе; действительно, об аналитических конструкциях обычно говорят в той или иной связи со словоизменением и тем самым с морфологическим уровнем. Докладчик рассмотрел то, какого рода эмпирические критерии аналитизма в синтаксисе могут быть выделены (и реально выделяются исследователями) на материале русского языка. С этой точки зрения были проанализированы элементы синтаксического аналитизма (в основном, в форме парентез) в современной постмодернистской поэзии. Эти элементы докладчик считает не только художественным приемом, но и свидетельством продуктивности и активности аналитизма в русском синтаксисе.

В.М. Лейчик (Москва) также выступил с докладом об аналитизме в современном русском языке, причем автор доклада, будучи специалистом-терминоведом, привлекал данные не только литературного языка, но и специальных научных подъязыков. Кроме (терминологической) лексики и грамматики, аналитизм усматривается еще во фразеологии (конструкции вида *на то и X, чтобы*), а так же, как и в докладе Сигала, в синтаксисе русской разговорной речи (использование в качестве основных единиц не предложений, а синтагм).

В типологическом докладе, представленном составителем этого отчета Д.В. Сичинавой (Москва), рассматривалась корреляция синонимии глагольных форм (это проблема, одним из первых серьезных исследователей которой в отечественной лингвистике была именно В.Н. Ярцева) и аналитизма. Мы задействовали уже известную в типологии (Дж. Байби и др.) корреляцию между аналитическими, недавно грамматикализовавшимися «молодыми» конструкциями, с одной стороны, и специфическими типами видо-временных значений – результативом, перфектом, прогрессивом и некоторыми другими, с другой стороны. Начальный этап грамматикализации во многих случаях предсказуемо выступает как полигон для конкуренции синонимических конструкций, однако дело так обстоит не всегда: семантически сравнительно «молодой» перфект труднопроницаем для синонимии, а более «зрелый» имперфектив часто сохраняет синонимию, возникшую еще на этапе прогрессива. Предлагались различные объяснения этого феномена.

Очень интересный доклад Е.М. Чекалиной (Москва), посвященный прагматической стороне соотношения синонимичных форм в современном шведском и некоторых других германских языках, подходил к проблематике, затронутой в предыдущем выступлении. Синонимическая связь рассматривалась на материале конкретных языков и с точки зрения ее синхронного характера (также допускающего типологические обобщения), отмечалось на обширном материале устойчивое прагматическое противопоставление перфекта сближающемуся с ним претериту, двух синонимичных пассивов – синтетического и аналитического, а также аналогичные эффекты в семантической зоне будущего. Противопоставление это лежит в сфере «личная заинтересованность vs. объективированность», причем во всех случаях одна из форм синонимической пары – аналитическая конструкция, а другая – синтетическая.

После перерыва были заслушаны четыре доклада об аналитизме в германских языках. Т.В. Топорова (Москва) говорила о старших рунических надписях – одном из старейших германских памятников. Здесь аналитические конструкции представлены уже заметным числом примеров; примечательно не очень характерное для древних индоевропейских языков «избыточное» выражение местоименного субъекта (что объясняется тесной связью жанра рунических надписей со сферой 'hic-ego-nunc'), наличие аналитических форм пассива.

Енисеист Г.Т. Поленова (Таганрог) типологически сопоставляла полифункциональность «универсального» немецкого глагола *sein* в составе аналитических конструкций и полифункциональность некоторых кетских грамматических морфем. Неслучайными ей кажутся также наблюдаемые как в индоевропейской, так и в енисейской семьях совпадения полифункциональных грамматических морфем и отдельных корней иного происхождения (индоевропейский глагол 'быть' вслед за рядом исследователей она возводит к полифунк-

циональным частицам, где согласные и гласные несут собственную семантику).

Н.Л. Огуречникова (Москва) (доклад которой в сборнике, как уже упоминалось, не представлен) рассматривала проблему английского артикля как черты аналитизма. Отмечалось, что артикль выступает в группах, вершиной которых являются не существительные, а местоимения, прилагательные и наречия (контексты типа *a something* и *a little shy*), что артикль может оформлять иностранные лексемы (*a génération perdue*), что «противоречит тезису о том, что артикли являются средством выражения категориальных противопоставлений в системе английского имени», и сочиненные группы целиком (*the nature and extent of borrowing*); в случае же изоморфизма синтагм и именных словосочетаний артикли повторяются (*a caprice and a life-long passion*). По мнению докладчика, из этого следует, что «основной функцией артикля является идеографическая функция, связанная с маркировкой границ синтагматического членения высказывания».

Е.Б. Яковенко (Москва) рассматривала аналитические сочетания с корнем *liv-/leb-/lif-* 'жить' в английских, немецких и исландских переводах Библии. Имеется в виду лексический аналитизм: конструкции типа *be (still) alive, lebendig sein/am Leben bleiben, halda lifi* и т.п. Обнаружено, что удельный вес этих конструкций сравнительно с простыми глаголами типа *live* растет от старых переводов к новым, а предпочтение того или иного способа выражения не коррелирует прямо ни с еврейским/греческим оригиналом, ни с общим представлением об «аналитизме» того или иного языка (так, в архаичном исландском их не меньше, чем в сильнее «продвинутом» по пути аналитизма английском); априорно жесткие структуралистические противопоставления между синонимичными конструкциями (аспектуального характера) также далеко не всегда очевидны в текстах.

На вечернем заседании был заслушан доклад А.Р. Мурадовой (Москва) об аналитическом глагольном спряжении в бретонском языке, которое сосуществует с синтетическим. Бретонский глагол характеризуется многомерной парадигмой, в которой все видо-временные формы дополнительно охарактеризованы по признаку хабитуальности (в традиционной терминологии – так называемые консуетудинальные времена). Для большинства базовых элементов парадигмы характерна конкуренция между синтетической формой и двумя аналитическими формами, причем последние активно вытесняют первую. В докладе широко использовался материал как описаний, так и личного общения с двумя типами информантов – традиционными носителями (число которых сокращается) и энтузиастами, воскрешающими бретонский язык как средство общения.

Доклад Л.Н. Морева (Москва) был посвящен аналитизму в тайских языках. Тайские языки, с их стабильно жесткой структурой слога, препятствующей синтетическому словоизменению, являются (как и сино-тибетские) по традиционной классификации изолирующими. Понятия «слог», «морфема» и «слово» в них в значительной степени совпадают. В них весьма невелико количество чисто грамматических показателей, не имеющих иных функций; обычно в роли показателей морфологических и синтаксических значений выступают лексемы, по-прежнему имеющие и полнозначные употребления. С точки зрения докладчика, нигде без натяжки нельзя говорить о полной грамматикализации – лексическое значение морфем «преследует их везде и всюду», даже в грамматической функции. Таким образом, тайские – «лексические языки», с нечеткой границей между грамматическими и лексическими значениями.

В.В. Иваницкий (Новгород) представил сообщение «О процессах десемантизации в лексике и грамматике (на материале русского и шведского языков)». Десемантизация определяет и грамматикализацию свободного сочетания (превращение его в аналитическую конструкцию), и его лексикализацию (превращение в фразеологизм). Протекает же она посредством следующих процессов: диссипации (семантической избыточности, когда одинаковые значения содержатся в разных элементах конструкции), аберрации (сдвиг лексического или грамматического значения в рамках заданной конструкции; в частности, сюда относится взаимодействие семантических классов с грамматической формой, например, проксимативное значение шведского прогрессива с некоторыми глаголами), сублимации (изменения значения), иррадиации (расширения значения) и конденсации (формального усечения и опрощения конструкции).

Л.А. Фатыхова (Уфа) связывает аналитизм в языке с аналитизмом как свойством человеческого мышления, который находит отражение в таких процессах, как метафора и антитеза («работающих» через анализ в философски-логическом смысле, т.е. выделение и сопоставление нескольких сущностей).

Закрывший конференцию доклад Е.С. Никитиной (Москва) «О роли схем в развитии аналитизма сознания» также носил психолого-философский характер. Согласно докладчику (опирающемуся на взгляды Бергсона и его последователей), в основе любого действия ле-

жит (аналитическая) схема, и взаимодействие между действием и мышлением есть не что иное, как перевод деятельностных схем в семиотические (в частности, языковые) и обратно.

После докладов, как мы уже говорили, состоялась презентация сборника статей.

Д.В. Сичинава (Москва)

Виноградовские чтения 2007 г.

18 января 2007 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) состоялись ежегодные (Тридцать восьмые) Виноградовские чтения. Чтения 2007-го года были посвящены актуальным проблемам русистики, как разрабатываемым в Институте, так и намечаемым к исследованию в будущем.

Открыл заседание директор Института чл.-корр. РАН А.М. Молдован. Он прокомментировал выбор тематики чтений: в год, объявленный в России годом русского языка, было решено услышать мнение ведущих ученых Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) о перспективах дальнейшего развития направлений русистики, в которых они работают. В отличие от чтений прошлых лет, в этом году был изменен формат заседания и после каждого доклада состоялась краткая дискуссия.

Л.П. Крысин в докладе «Языковая норма в проекции на современную речевую практику» сообщил об основных результатах коллективной работы над темой «Современный русский язык: система – норма – узус». Подробно рассмотрев основные случаи взаимовлияния системы языка, узуса и нормы, докладчик отметил, что речевая практика способствует проникновению в нормированный язык единиц, прежде чуждых литературному языку (например, распространение флексии *-á*, (*-я́*) в им. пад. мн. числа у существительных муж. рода: *слесаря, прожектора* и т.д.) и появлению и закреплению в нем новых моделей: словообразовательных (*бизнес-план, Интернет-карта*), синтаксических (*план бизнеса, карта для Интернета*) и др. Тем не менее, несмотря на демократизацию нормы под влиянием активных процессов, происходящих в узусе, система современного русского языка сохраняет свою устойчивость. Способность естественного языка к саморегулированию (к самоочищению от функционально излишнего и адаптации функционально необходимого) определяет исчезновение одних новшеств и закрепление в литературном языке других.

А.Н. Баранов посвятил свой доклад «Технологическая реформация в лингвистике и новые горизонты семантики и экспериментальной лексикографии» проблеме изменения методов анализа языкового материала («смене исследовательской парадигмы») под влиянием компьютерных технологий, особо остановившись на достоинствах и недостатках недавно созданных корпусов, использующихся при семантических исследованиях. Среди преимуществ нового корпусного метода докладчик отметил полноту и репрезентативность получаемых данных и, следовательно, продуктивность исследования. Были также подробно рассмотрены негативные стороны использования корпуса. Так как способы сужения репрезентативности разработаны пока недостаточно, материал, полученный из корпуса, может быть не совсем показательным для отдельных феноменов, необходимых для исследования. Обратная сторона есть и у полноты данных: чрезмерное количество примеров с трудом поддается обработке. Тем не менее, благодаря корпусам стало возможным создание словарей нового типа, ориентированных на дискурс: метафор, языковой игры, более качественных словарей авторов.

В докладе В.А. Плунгяна «Национальный корпус русского языка: состояние и перспективы» был представлен краткий обзор основных тенденций развития современного отечественного языкознания под углом зрения работы над Национальным корпусом. Как и в предыдущих докладах, было отмечено появление новой модели языка, отличающейся от модели середины XX в. Изменился сам подход исследователей: от изучения общей системы языка ученые обратились к узусу, к рассмотрению текстов, возникающих в процессе коммуникации, что и обусловило создание лингвистических корпусов. Докладчик выделил несколько особенностей современных исследований, в том числе: внимание к дискурсу (тексту), а не к слову, предложению; к вариативности языка (разным реализациям смысла) и диахронической вариативности; признание важным фактором квантитативных отношений (т.е. учет частотных элементов); изменение отношения к языковой норме (более толерантное отношение к маргинальным единицам). В отличие от традиционной филологии, для корпусной лингвистики характерна нелитературоцентричность: современная литература не имеет общественной значимости и не ориентирована на норму, как в XIX в., – это ху-

дожественный эксперимент. В.А. Плунгян также сообщил о двух направлениях работы над Национальным корпусом русского языка: интенсивном (появление новых возможностей работы с материалом) и экстенсивном (появление новых материалов, а именно: подкорпуса устной речи, диалектного и поэтического).

Ю.Д. Апресян в докладе «Концепция активного словаря русского языка» рассмотрел некоторые теоретические положения, на которых строится названный словарь, где будет представлена полная информация о каждом слове, необходимая для правильного его употребления в собственной речи говорящего. В качестве сверхзадачи авторы видят построение интегрального (согласованного с грамматикой) и системного описания лексики. В ходе работы над словарем составители опираются на полученные ранее результаты научных изысканий в таких областях, как лексическая и грамматическая семантика, сочетаемость слов, глагольное управление и лексикализованная просодия. Обратившись к теории фундаментальной классификации предикатов, Ю.Д. Апресян показал, что для, например, некоторых параметрических прилагательных в краткой форме (при обычном порядке слов) характерен системный семантический сдвиг, они получают дополнительный элемент значения 'слишком' (*ботинки малы/велики* значит 'ботинки слишком маленькие/большие' для кого-то), а бесприставочным отъадъективным каузативным глаголам на *-ить* свойственно противопоставление факта и впечатления от факта, так называемое различие между действием и воздействием (ср. *белить, грязнить* и *полнить, молодить*), что должно быть последовательно отражено в словаре. В области сочетаемости создатели словаря опираются на теорию лексических функций (ЛФ) И.А. Мельчука и А.К. Жолковского. По словам Ю.Д. Апресяна, зная семантические классы ключевых слов и универсальный набор ЛФ, можно формировать правильные лексикографические ожидания даже для не совсем свободной сочетаемости. В заключение докладчик отметил, что на данном этапе работы словник «Активного словаря русского языка» состоит из 50 000 единиц; к концу 2008 г. планируется подготовить проспект словаря.

Л.Л. Касаткин в докладе «Что такое диалектный язык» обратил внимание на термин «диалектный язык», введенный Р.И. Аванесовым. Подробно рассмотрев точку зрения Р.И. Аванесова, который понимал этот термин широко и считал, что все члены диалектных различий (включая совпадающие с литературными вариантами) представляют собой элементы системы диалектного языка, докладчик предложил иное, более узкое, определение. Л.Л. Касаткин считает, что диалектный язык – это совокупность тех языковых черт, которые характерны только для диалектов и не представлены в литературном языке. По его мнению, если какое-нибудь диалектное явление (например, слово *петух*) совпадает с литературным вариантом, то его не следует считать собственно диалектным, а диалектными нужно признавать только элементы, отличные от литературного языка (слова: *кочет, певун, певень* и пр.). Л.Л. Касаткин также отметил, что набор диалектных различий можно считать лишь упорядоченным множеством, но не языковой системой.

В докладе В.Б. Крысько «Русская историческая лексикография» шла речь об истории создания, о состоянии работ на современном этапе, о проблемах и перспективах двух исторических словарей русского языка (Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) и Словаря русского языка XI–XVII вв.). Первые тома СДРЯ В.Б. Крысько охарактеризовал как бедные по материалу (что объясняется в том числе и недоступностью на момент их создания некоторых источников). В 90-е годы наступил новый этап работы над словарем: развивая принципы, заложенные Р.И. Аванесовым, считавшим, что СДРЯ должен максимально полно отражать лексику и грамматический строй языка по памятникам указанного периода, составители добавили в корпус словаря материалы берестяных грамот, все переведенные в Древней Руси сочинения с греческого, надписи на предметах и писцовые надписи на полях рукописей, цитаты из Священного Писания, встречающиеся в памятниках. Относительно СлРЯ XI–XVII вв. В.Б. Крысько отметил разный уровень научной подготовки вышедших томов (высокий, отражающий современный этап, – томов на буквы *Н, Р* и значительно более низкий – на буквы *П, С*). Недоработки прежних лет учитываются при подготовке вышеназванного словаря, корпус пополняется новыми материалами (памятниками церковнославянской книжности русской редакции, свидетельствами иностранцев о русском языке, западными оригиналами русских текстов). Ведется работа по внесению исправлений и добавлений в вышедшие тома обоих словарей, созданию интернет-версии СДРЯ; вводится в компьютер и СлРЯ XI–XVII вв. В перспективе запланировано изучение пласта лексики, не отраженного в словарях, – имен собственных.

А.М. Молдован в докладе «Проблемы лингвистического источниковедения» отметил, что изданию письменных памятников с палеографическими и текстологическими комментариями, различными указателями предшествует

решение целого комплекса взаимосвязанных задач (разыскание списков рукописей, кодикологический анализ, палеографическое исследование, текстологическое сравнение и анализ разночтений, а только затем – лингвистическое исследование). Докладчик подчеркнул, что системное лингвистическое исследование памятников древнерусской письменности, заключающей в себе элементы нескольких языковых систем, изменявшихся на протяжении столетий, наталкивается на целый ряд специфических трудностей, решению которых на современном этапе способствует применение компьютерных технологий. В частности, появление стандартных юникодовских шрифтов позволило решить проблему единообразного воспроизведения графических особенностей рукописи, что облегчило техническую сторону издания памятников, но тем выше стали требования к анализу графико-орфографических особенностей текста (любая несущественная графическая деталь, воспроизведенная издателем, может привести к ошибкам при исследовании). Проблему передачи информации о лингвистических характеристиках слов помогает решить программа-редактор Ancient Text Editor с широким спектром возможностей, разработанная в отделе источниковедения Института русского языка, благодаря которой был создан корпус древнейших восточнославянских переводов с греческого языка, осуществлена морфологическая разметка ряда переводных памятников, а также созданы грамматические и двуязычные словари (славяно-греческий и греко-славянский) и обратный словник. Подобные компьютерные технологии дают возможность описывать комбинацию грамматических и лексических признаков каждого памятника и группировать тексты в зависимости от выявленных лингвистических параметров. В заключение А.М. Молдован отметил, что подготовка к изданию рукописей должна быть построена как цепь работ, специальным типовым образом описывающих параметры текстов; кроме того, необходима «модульная» организация работы, при которой любая дополнительная информация о тексте может быть подключена к имеющейся без нарушения ее структуры (например, добавление синтаксической разметки текстов к уже существующей морфологической).

Ю.С. Капитанова (Москва)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ – Советская тюркология
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordick filologi
AO – Archív orientalní
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IIJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог

KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LaPh – Linguistics and Philosophy
Lg – Language
LIn – Linguistic Inquiry
LM – Les langues modernes
MM – Maal og minne
MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
NSS – Nysvenska studier
NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
RES – The Review of English studies
RÉG – Revue des études grecques
RÉSI – Revue des études slaves
RF – Romanische Forschungen
RKJL – Rozprawy Komisji językowej Lodźk. t-wa naukowego
RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
RLing – Russian linguistics
RLR – Revue de linguistique romane
RO – Rocznik orientalistyczny
RS – Rocznik slawistyczny
SaS – Slovo a slovesnost
SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SL – Studia linguistica
SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu historiu
SPAW –Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
StO – Studia orientalia
SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
TA – Traduction automatique
TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
TPhS – Transactions of the Philological society
UAJb – Ungarische Jahrbücher
VR – Vox Romanica
WW – Wirkendes Wort
ZAS – Zentralasiatische Studien
ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
ZSL – Zeitschrift für Slavistik
ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie